

**Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации**

На правах рукописи

Джимбеева Даяна Владимировна

**ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В
КОЛЛИЗИОННОМ ПРАВЕ**

Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Хлестова Ирина Олеговна

Москва – 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Понятие неосновательного обогащения в международном частном праве.	
§ 1. Понятие и характерные черты института неосновательного обогащения в отечественном праве и доктрине.	17
§ 2. Понятие неосновательного обогащения в зарубежных правовых системах (сравнительно-правовой анализ).	44
§ 3. Проблема квалификации понятия «неосновательное обогащение».	55
§ 4. Понятие трансграничного обязательства из неосновательного обогащения.	67
Глава 2. Коллизионное регулирование обязательств из неосновательного обогащения в праве зарубежных государств на примере Германии, Швейцарии, Англии и США.	
§ 1. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, в Германии и Швейцарии.	84
§ 2. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, в Англии и США.	98
§ 3. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, в новейших кодификациях международного частного права (Польша, Бельгия, Болгария, Нидерланды).	130
§ 4. Унификация коллизионных норм в области обязательств из неосновательного обогащения.	136
Глава 3. Коллизионное регулирование обязательств из неосновательного обогащения в российском праве.	
§ 1. История становления и развития коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения в России.	151
§ 2. Статут обязательства из неосновательного обогащения.	157
2.1. Определение статута обязательства из неосновательного	157

обогащения.	
2.2. Сфера действия статута обязательства из неосновательного обогащения.	179
§ 3. Право, подлежащее применению к отдельным основаниям возникновения обязательства из неосновательного обогащения.	186
3.1. Lex causae и закон наиболее тесной связи: соотношение.	186
3.2. Проблема конкуренции статута обязательства из неосновательного обогащения, вещного статута, статута договора и статута деликтного обязательства.	193
Заключение	202
Библиография	207

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Стремительное развитие интеграционных процессов в условиях глобализации международных экономических связей, использование современных технологий (Интернет, электронные переводы, виртуальные платежные системы) ведет к тому, что отношения из неосновательного обогащения могут выходить за пределы одного государства, приобретать трансграничный характер, что, в свою очередь, ставит вопрос о выборе применимого к таким отношениям права.

По своей правовой природе трансграничные обязательства из неосновательного обогащения относятся к так называемым внедоговорным обязательствам, осложненным иностранным элементом, возникающим не по воле их участников. Основанием для возникновения данных правоотношений служит правомерное либо неправомерное действие в виде получения чужого имущества за счет другого лица без правового основания.

На протяжении длительного времени национальное (в том числе, российское) законодательство использовало привязку к закону страны места неосновательного обогащения в качестве единого коллизионного критерия. Однако, многообразие случаев неосновательного обогащения и обстоятельств, в силу которых возникает неосновательное обогащение, обуславливает необходимость дифференцированного подхода к коллизионному регулированию обязательств из неосновательного обогащения (путем введения дополнительных критериев для определения права, подлежащего применению к отношениям сторон из неосновательного обогащения).

Несмотря на то, что коллизионная норма, регулирующая право, применимое к обязательствам из неосновательного обогащения, известна российскому законодательству сравнительно давно (с 1991 года), вопросы коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения остаются пока малоизученными в доктрине.

На сегодняшний день проблема права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения, освещается в научных исследованиях фрагментарно, и зачастую в контексте учения о трансграничных деликтных обязательствах, статут неосновательного обогащения рассматривается по аналогии с *lex loci delicti commissi*. Однако, такой подход к решению рассматриваемой проблемы не позволяет учитывать особенности правовой природы и сущности данной разновидности внедоговорных обязательств, позволяющих их отличить от обязательств из причинения вреда.

Актуальность настоящего исследования обусловлена и изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ в раздел VI «Международное частное право» ГК РФ, которые вступили в силу с 1 ноября 2013 года.¹ Эти изменения были, помимо прочего, направлены на совершенствование коллизионного регулирования внедоговорных обязательств, в том числе обязательств, возникающих вследствие неосновательного обогащения, в целях приведения российского законодательства в соответствие с современными тенденциями, которые нашли отражение в актах унификации Европейского Союза,² в национальных кодификациях международного частного права. В частности, новеллу представляет собой статья 1223.1 ГК РФ «Выбор права сторонами обязательства, возникающего вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения».

Вместе с тем, отдельные вопросы коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения не были разрешены в новой

¹ Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». № 223, 04.10.2013. Концептуальные положения проведенной реформы российского законодательства о международном частном праве изложены в Концепции развития гражданского законодательства РФ (Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. №11.2009).

² Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)». **Official Journal of the European Union, L 1999, 31 July 2007.** Текст неофициального перевода Регламента Рим II с французского языка приводится по материалам СПС «КонсультантПлюс».

редакции раздела VI части третьей ГК РФ. Так, на данном этапе в отечественной доктрине международного частного права не ставились такие вопросы, как понятие «статут обязательства из неосновательного обогащения», определение сферы его действия, и связанная с ними проблема соотношения договорного, вещного, деликтного статутов, статута обязательства из неосновательного обогащения, возникающая в свете существующей в материальном праве конкуренции кондикционного требования с иными требованиями о защите гражданских прав, не анализируется проблема квалификации трансграничных отношений из неосновательного обогащения.

Настоящая работа направлена на комплексное исследование вопросов коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения на основе анализа российского и иностранного коллизионного права, а также процессов унификации и гармонизации, происходящих в этой области на современном этапе.

Все это предопределяет необходимость детального изучения проблем определения права, подлежащего применению к отношениям из неосновательного обогащения, осложненным иностранным элементом, и подтверждает актуальность и практическую значимость выбранной темы диссертации.

Степень научной разработанности темы диссертации. Проблеме определения права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения, уделяется незначительное внимание в российской науке международного частного права. Отдельные аспекты коллизионного регулирования рассматриваемых обязательств затрагиваются в работах известных ученых: Л.А.Лунца, А.Л.Маковского, В.П.Звекова, М.П.Бардиной, Г.К.Дмитриевой, М.П.Шестаковой и др.

В доктрине российского гражданского права общие вопросы природы, сущности института неосновательного обогащения в свете сравнительно-правового анализа зарубежной доктрины и законодательства освещены в

диссертационных исследованиях (в частности, Д.В.Новака «Неосновательное обогащение в гражданском праве», В.С.Гербутова «Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах»). Проблеме соотношения неосновательного обогащения и реституции посвящена работа А.М.Джанаевой «Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права».

Среди диссертаций, в которых исследуются коллизионные вопросы регулирования обязательств из неосновательного обогащения, можно выделить две диссертации: А.С.Мальцева «Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия» и Х.Д.Пирцхалавы «Правовое регулирование внедоговорных трансграничных обязательств (на примере Российской Федерации и Испании)». Однако, предмет исследования вышеуказанных диссертаций ограничивается анализом проблематики выбора права лишь в определенной сфере общественных отношений (электронное взаимодействие) либо в рамках общей характеристики всех внедоговорных трансграничных обязательств, не рассматривая всего комплекса вопросов, возникающего в процессе регулирования осложненных иностранным элементом обязательств из неосновательного обогащения.

Зарубежная доктрина международного частного права представлена более разработанными исследованиями в данной области, среди которых следует отметить монографии и статьи Джорджа Панагопулоса, Питера Хейя, Тома Беннета, Стивена Г.А. Питела.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых по гражданскому праву, международному частному праву, а также работы специалистов по теории обязательств из неосновательного обогащения. В дореволюционной доктрине исследованию проблем общей теории обязательств из неосновательного обогащения, в том числе в аспекте регулирования международных

частноправовых отношений, посвятили свои труды К.Анненков, М.И.Брун, Д.Д.Гримм, Ф.Ф. Мартенс, Л.И.Петражицкий, Н.Полетаев, Г.Ф.Шершеневич. Среди трудов ученых советского периода следует отметить работы М.М.Агаркова, М.А.Гурвича, О.С.Иоффе, С.Б.Крылова, Л.А.Лунца, А.Н.Макарова, И.С.Перетерского, В.А.Рясенцева, Ю.К.Толстого, Е.А.Флейшиц. В современный период изучением частноправовых проблем международного характера, в том числе коллизионных вопросов регулирования обязательств из неосновательного обогащения, занимаются Л.П. Ануфриева, А.В.Асосков, М.П.Бардина, М.М.Богуславский, Г.К.Дмитриева, В.П.Звеков, И.С.Зыкин, В.А. Канашевский, А.Л.Маковский, А.С. Мальцев, Х.Д. Пирцхалава, М.Г.Розенберг, А.А.Рубанов, В.Л.Толстых, М.П. Шестакова и др.

Среди зарубежных специалистов в данной сфере можно выделить работы Т.У.Беннета (T.W.Bennet), Э. Бэрроуза (A.Burrows), Г.Вирго (G.Virgo), М.Вольфа (M.Wolff), А.Дайси (A.Dicey), М.Иссада (M.Issad), Стивена Ли (Stephen Lee), Дж.Морриса (J.Morris), П.Норта (P.North), К.Осакве (C.Osakwe), Джорджа Панагопулоса (George Panagopoulos), Стивена Г.А. Питела (Stephen G.A.Pitel), С.Симеонидиса (S.Symeonides), Л.Раапе (L.Raape), Питера Хея (Peter Hay), К. Цвайгерта (K.Zweigert), Р. Циммермана (R. Zimmermann), Дж.Чешира (G.Cheshire), А.Эренцвейга (A.Ehrenzweig) и др.

Нормативную базу исследования составили законодательные акты России, Германии (Вводный закон 1896 г. к ГГУ), Италии (Закон 1995 г. №218 «Реформа итальянской системы международного частного права»), Бельгии (Закон Бельгии 2004 г. «О Кодексе международного частного права»), Голландии (книга 10 Гражданского кодекса Голландии), Болгарии (Кодекс международного частного права Болгарии 2005 г.), Польши (Закон Польши о международном частном праве от 7 февраля 2011 года), Швейцарии (Федеральный Закон 1987 г. о международном частном праве) и других стран.

Были проанализированы положения ряда международных договоров, касающихся темы диссертационного исследования, актов региональной унификации права Латинской Америки (Кодекс Бустаманте). Особое внимание было уделено положениям Регламента (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)», принятого в целях унификации коллизионных норм государств-членов ЕС в области внедоговорных обязательств. Также были использованы материалы отечественной и зарубежной судебной-арбитражной практики и международного коммерческого арбитражного суда.

Объектом диссертационного исследования выступают осложненные иностранным элементом отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения.

Предметом диссертационного исследования служат коллизионные нормы действующего российского и зарубежного законодательства, посвященного регулированию обязательств вследствие неосновательного обогащения, регламенты ЕС, акты гармонизации, судебная практика по спорам, возникающим из трансграничных отношений неосновательного обогащения, различные концепции и взгляды на правовую природу института неосновательного обогащения в отечественной и зарубежной доктрине.

Методологическая основа диссертационного исследования. При написании работы диссертантом были применены как общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, методы и приемы формальной логики - анализ, синтез, индукция, дедукция), так и частнонаучные (исторический, формально-юридический, социологический, технико-юридический, сравнительно-правовой, лингвистический) методы познания.

Целью диссертационной работы является исследование понятия трансграничного обязательства из неосновательного обогащения и его

коллизийного регулирования, анализ основных подходов, выработанных в зарубежной и отечественной доктрине относительно выбора применимого права к отношениям из неосновательного обогащения, а также выявление современных тенденций их правового регулирования, научное обоснование предложенных изменений в действующие нормы ГК РФ, определяющие право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- оценка состояния коллизийного регулирования отношений из неосновательного обогащения в зарубежных странах и России, в том числе в свете реформирования раздела VI части третьей ГК РФ;
- проведение сравнительно-правового анализа коллизийного регулирования обязательств из неосновательного обогащения в российском праве и Регламенте Рим II;
- исследование подходов отечественной и иностранной доктрины к определению права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения;
- установление круга вопросов, входящих в сферу действия права, подлежащего применению к обязательству из неосновательного обогащения, исследование соотношения статута обязательства из неосновательного обогащения с вещным, деликтным, договорным статутами;
- выявление современных тенденций коллизийного регулирования обязательств из неосновательного обогащения.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации предложена и обоснована отличная от закрепленной в действующем ГК РФ концепция коллизийного регулирования обязательств из неосновательного обогащения на основе анализа подходов, существующих в праве, доктрине, судебной практике иностранных государств, с учетом тенденций их развития в отечественной и зарубежной доктринах международного частного права

выработаны предложения по совершенствованию действующего российского законодательства.

Научная новизна исследования получила отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Применение закона места неосновательного обогащения (*lex loci condictionis*) в качестве основного коллизионного правила определения статута неосновательного обогащения имеет противоречивое действие: **с одной стороны**, «жесткость» и территориальность действия данной привязки обеспечивает определенную степень предсказуемости применимого права, **с другой стороны**, невозможность локализации места получения обогащения с помощью такой привязки в отношении отдельных видов имущества таких, как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права требования, информация и иные нематериальные объекты, может привести к «случайному» результату. Жесткость данной коллизионной нормы не позволяет учитывать все значимые для отношения сторон обстоятельства, что может привести к применению права страны, не имеющей объективной реальной связи с правоотношением из неосновательного обогащения.
2. В качестве основного (генерального) коллизионного принципа определения статута обязательства из неосновательного обогащения в пункте 1 статьи 1223 ГК РФ предлагается закрепить закон страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, с которым связано кондикционное обязательство (*lex causae condictionis*). В случае невозможности определения применимого права на основании указанной общей коллизионной привязки обязательства из неосновательного обогащения должны подчиняться закону места неосновательного обогащения (*lex loci condictionis*), выступающему в роли субсидиарного (специального) коллизионного критерия.

3. Сфера действия статута обязательства из неосновательного обогащения включает, в частности, следующие вопросы: 1) условия возникновения обязательства из неосновательного обогащения; 2) обстоятельства, в силу которых обогащение признается неосновательным; 3) формы неосновательного обогащения (приобретение или сбережение имущества); 4) объем, размер и способы определения имущества или стоимость имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя; 5) обстоятельства или действия/события, повлекшие само неосновательное обогащение; 6) соотношение кондикционных требований с иными требованиями о защите гражданских прав; 7) возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату; 8) возмещение потерпевшему неполученных расходов; 9) неосновательное обогащение, не подлежащее возврату.
4. Решение коллизионных вопросов неосновательного обогащения с помощью действующих коллизионных норм, предусмотренных в статье 1223 ГК РФ, в условиях развития современных информационных технологий не всегда позволяет точно определить применимое право, исходя из всех обстоятельств конкретного дела. С учетом европейского опыта (Регламент Рим II) обосновывается целесообразность введения дополнительных гибких коллизионных критериев для поиска права, подлежащего применению к отношениям из неосновательного обогащения, путем закрепления закона наиболее тесной связи в качестве корректирующей субсидиарной привязки. В качестве факторов, обуславливающих наиболее тесную связь с иной страной, могут выступать: место совершения действия или наступления события/обстоятельства, повлекших обогащение, место жительства, место нахождения или основное место деятельности сторон либо обогатившегося лица.
5. Обоснована необходимость закрепления в российском законодательстве коллизионных презумпций наиболее тесной связи

для определения подлежащего применению право к отдельным случаям, когда обязательство из неосновательного обогащения возникает в связи с существующим правоотношением сторон, с помощью сопутствующих коллизионных норм, которые отсылают к правилам раздела VI части третьей ГК РФ, определяющим право, регулирующее соответствующее правоотношение: в частности, правилам ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору (ст. 1210-1214 ГК РФ), обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договоров (ст. 1222.1 ГК РФ), обязательствам, возникающим из односторонней сделки (ст. 1217 ГК РФ), обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда (ст.ст. 1219, 1223.1 ГК РФ), вещным правам (ст.ст. 1205, 1206, 1207 ГК РФ).

- б. В доктрине существует множество подходов к определению «места неосновательного обогащения» при толковании привязки *lex loci condictionis* (закон места неосновательного обогащения»). Возникает неопределенность, что следует ли понимать под *locus condictionis*: место, где имели место действия или события, повлекшие само обогащение, либо место, где получено вызванное ими обогащение, что приводит к тому, что действия или события, являющиеся причиной обогащения, и само обогащение могут лежать в сфере действия нескольких правопорядков, которые, как правило, не совпадают, что осложняет процесс применения избранного права. Для преодоления проблемы толкования понятия «места обогащения» предложено дополнить ст. 1223 ГК РФ пунктом о применении «права страны, в которой имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение» в качестве субсидиарной (дополнительной) коллизионной привязки по отношению к закону места неосновательного обогащения.

7. Принимая во внимание различия в подходах отечественной и зарубежной доктрины к квалификации обязательства из неосновательного обогащения и с учетом неопределенности перспективы их автономной квалификации предложено воспринять опыт Модели ГК для государств-членов СНГ, закрепив в статье 1223 одностороннюю коллизионную привязку для целей толкования понятия «неосновательное обогащение».

Предлагается включить в статьи 1223 и 1223.1 ГК РФ следующие положения, основанные на современных подходах коллизионного права:

1. Дополнить статью 1223 ГК РФ положением, согласно которому *«в случае, когда действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение, имело место в другой стране, может быть применено право этой страны, если место, где обогащение имело место, не может быть определено по правилам настоящей статьи».*
2. Включить в статью 1223 ГК РФ пункт в следующей редакции: *«Если из закона, существа обязательства либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, более тесно связано с правом иной страны, чем та, которая указана в пунктах 1, 2 названной статьи, подлежит применению право страны, с которой обязательство более тесно связано».*
3. Дополнить статью 1223 ГК РФ пунктами:
«4. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с договором, заключенным между сторонами обязательства, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к договору. Если договор, в связи с которым возникло неосновательное обогащение, признан недействительным, применяется право страны, подлежащее

применению к договору, как если бы договор был действительным. Если договор, в связи с которым возникло неосновательное обогащение, признан незаключенным, применяется право, которое применялось бы к договору, если бы он был заключен.

5. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, возникло в связи с недобросовестным ведением переговоров о заключении договора, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора.

6. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с односторонней сделкой, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к односторонней сделке.

7. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с обязательством, возникающим вследствие причинения вреда, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда.

8. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с договором в отношении недвижимого имущества, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к договору в отношении недвижимого имущества.

9. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с правом собственности или иными вещными правами на имущество, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к вещным правам».
4. Дополнить пункт 1 статьи 1223.1 абзацем в следующей редакции:
«Соглашение сторон о выборе права, подлежащего применению к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения, должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из всей совокупности обстоятельств дела».
5. Включить в ГК РФ отдельную статью 1223.2 «Сфера действия права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения» в следующей редакции:
«На основании права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, определяются, в частности:
- 1) условия возникновения обязательства вследствие неосновательного обогащения;
 - 2) обстоятельства, в силу которых обогащение признается неосновательным;
 - 3) формы неосновательного обогащения (приобретение или сбережение имущества);
 - 4) объем, размер и способы определения имущества или стоимость имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя;
 - 5) обстоятельства или действия/события, повлекшие само неосновательное обогащение;
 - б) возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату;

7) возмещение потерпевшему неполученных расходов;

8) неосновательное обогащение, не подлежащее возврату».

Практическая значимость и апробация результатов исследования.

Диссертационное исследование выполнено и обсуждено в отделе международного частного права и на секции «Частное право» Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Основные выводы и некоторые положения, содержащиеся в диссертации, отражены автором в опубликованных статьях.

Положения и выводы диссертации могут стать основой для дальнейшего исследования проблем, возникающих в процессе регулирования трансграничных отношений из неосновательного обогащения, совершенствования действующих норм международного частного права в данной сфере. Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть полезны в законотворческой деятельности, использованы в правоприменительной, в том числе российской судебной практике, а также в учебном процессе по курсу международного частного права.

Сделанные в ходе проведенного исследования выводы могут способствовать дальнейшей разработке теоретических и практических проблем коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения.

Структура диссертации. Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Работа включает введение, три главы, содержащие одиннадцать параграфов, заключение и библиографию.

Глава 1. ПОНЯТИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Задача настоящей главы – сформулировать определение понятия «трансграничное обязательство из неосновательного обогащения». Для ее

выполнения предполагается, во-первых, проанализировать подходы к понятию «неосновательное обогащение» в отечественном и иностранном праве, доктрине и судебной практике, выявить основные проблемы при квалификации данного понятия, во-вторых, установить «иностраный элемент» в составе правоотношения из неосновательного обогащения.

§ 1. Понятие и характерные черты института неосновательного обогащения в отечественном праве и доктрине.

В дореволюционной России отсутствовало специальное правовое регулирование обязательств из неосновательного обогащения. Хотя судебной практике и доктрине того времени некоторые случаи защиты прав по спорам о взыскании неосновательно полученного уже были известны.³

В условиях отсутствия норм об обязательствах из неосновательного обогащения важное значение имели доктринальные разработки и судебные прецеденты Правительствующего Сената, восполнявшие пробел законодательства. Правовым обоснованием для взыскания неосновательного обогащения было избрано Сенатом применяемое по аналогии правило ст. 574 ч.1 т.X Свода законов о праве на компенсацию понесенных убытков, причиненных правонарушением, которое гласило: «по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред и убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой стороны – производят право требовать вознаграждения».⁴

В судебных актах Сената можно было встретить решения, в которых формулировались подходы к условиям, необходимым для возникновения кондикционных требований, отличные от взглядов дореволюционных юристов на иски из незаконного обогащения, опиравшихся на источники

³ Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал, «русское законодательство не предусматривает случая незаконного обогащения за чужой счет как источника обязательств, но нашей практике неоднократно приходилось встречаться с требованиями возратить недолжно полученное или сохраненное» См. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т.2. М.:Статут. 2005. С. 230.

⁴ Цит. по кн.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т.2. М.: Статут. 2005. С. 230.

римского права.⁵ Так, В. Розенблюм усматривал принципиальное отличие отечественного подхода от римского учения в основаниях возникновения кондикционных обязательств, полагая, что для предъявления иска судебная практика считала достаточным одного факта неосновательного обогащения, тогда как римские юристы придавали значение также и обстоятельствам, вызвавшим обогащение.⁶

Одним из немногих представителей дореволюционной отечественной доктрины, который поддерживал идею разработки собственного учения о неосновательном обогащении на основе обобщения судебной практики, являлся Н. Полетаев. Подвергая сомнению практическую полезность ряда положений римской концепции кондикции и развитого на ее основе пандектного западного законодательства, Н. Полетаев отмечал неточности самого термина «кондикция» и казуистичность используемых формулировок закона, которые ограничивались конкретными делами и не содержали общих положений.⁷

В современной литературе авторы по-разному оценивают влияние учения римского права о кондикции на отечественную доктрину. По мнению Д.В. Новака, практика Сената, основанная на расширительном толковании ст. 574 и общих началах права и справедливости, стала основой для формирования «собственного, основанного на национальном опыте» учения о неосновательном обогащении, изложенного в проекте Гражданского уложения Российской империи.⁸ К иному выводу приходит В.С. Гербутов, полагая, что судебная практика данного периода не достигла уровня

⁵ См. Кассационные решения Сената 1883 г. №32, 1891 г. №81. Критические замечания относительно позиции Сената высказывали Розенблюм В. Неправомерное обогащение (Юр. вестн., 1889, №2). С. 280-281; Анненков К. Система русского гражданского права. Том IV. Отдельные обязательства. Санкт-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича, 1904. С. 535-537. Петражицкий Л.И. Иски о незаконном обогащении в 1 ч. X т. (Вестник права № 1 -5). С. 12,13.

⁶ Розенблюм В. Указ. соч. С. 284-287.

⁷ Полетаев Н. Иски из незаконного обогащения (Журнал гражданского и уголовного права, 1892, №3). С.62, 63, 46.

⁸ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., Статут. 2010. С. 157.

формирования детально разработанной концепции кондикционных обязательств.⁹

Таким образом, в отличие от законодательства ряда западных стран, формирование института неосновательного обогащения в дореволюционной юридической мысли, хотя и опиралось на римское учение о кондикции, но не сводилось к его слепому заимствованию.¹⁰

Понятие «неосновательное обогащение» рассматривалось в двух значениях: экономическом и юридическом. Как считали Д.Д.Гримм и Н. Полетаев, «обогащение» представляет собой экономическое явление и само по себе может не иметь никаких юридических последствий. По мнению указанных авторов, экономическое понятие обогащения приобретает юридическое значение только в случае незаконности такого обогащения, которое в таком случае служит основанием кондикционного иска. При этом, обогащение в экономическом смысле составляет родовое понятие для видового юридического понятия обогащения.¹¹

В понимании дореволюционной доктрины обогащение есть, прежде всего, результат присоединения к имуществу одного лица новых благ денежной ценности без выделения соответствующего эквивалента.¹² В работе В.С. Гербутова такое понимание обогащения названо совокупно-имущественным подходом, согласно которому обогащением являлась разница между состоянием имущества известного лица, предшествующим наступлению события обогащения (получению определенного блага), и

⁹ Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 22.

¹⁰ См. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С.49. Н.Полетаев признавал необходимость формирования общего учения об исках из незаконного обогащения путем обобщения судебной практики, он показал, что теория римского частного права о кондикции едва ли может быть полезна в качестве ориентира. Указ. соч. С. 62-63. В.Розенблум усматривал принципиальное отличие отечественного подхода от римского учения в основаниях возникновения кондикционных обязательств, полагая, что для предъявления иска судебная практика считала достаточным одного факта неосновательного обогащения, тогда как римские юристы придавали значение также и обстоятельствам, вызвавшим обогащение. Указ. соч. С. 284-287.

¹¹ Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 3. 1891-1893. С.4. Полетаев Н. Указ. соч. С. 35,39-45.

¹² Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 9.

последующим, разница между его активом и пассивом перед событием обогащения и по наступлении последнего.¹³

Вопрос о соотношении обогащения как предмета кондикционного требования и обогащения в значении юридического факта получил неоднозначное решение в дореволюционной доктрине.

Иски из неосновательного обогащения могли возникнуть из самых различных обстоятельств, которые могли наступить независимо от факта обогащения. В связи с этим, Д.Д. Grimm выделял два вида юридического значения обогащения: самостоятельное, когда обогащение служило основанием кондикционного иска, и второстепенное, когда требования потерпевшего против кондикционного должника возникали по основаниям, независимым от обогащения. При этом при обогащении с самостоятельным юридическим значением обогатившееся лицо несет минимум ответственности: обогащение составляет предел ответственности такого лица перед потерпевшим, а обогащение со второстепенным значением влечет за собой и ответственность собственным имуществом.¹⁴ Критикуя позицию Д.Д.Гримма, Н. Полетаев указывал на нецелесообразность подобного разграничения двух значений обогащения, установление обогащения с второстепенным значением не имеет практического смысла в связи с возникновением обогащения из самых разнообразных юридических отношений.¹⁵

В качестве оснований возникновения обязательства по возврату неосновательного обогащения рассматривался юридический состав: 1) обогащение, которое состоит в увеличении ценности имущества, присоединении к нему новой или в сохранении той, которая должна была

¹³ Гербутов В.С. Указ. соч. С. 26.

¹⁴ Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 29.-30.

¹⁵ Полетаев Н. Указ. соч. С. 44,45.

выйти из состава имущества; 2) обогащение одного лица происходит за счет другого лица; 3) без законного основания.¹⁶

Таким образом, обогащение служило неперенным элементом юридического состава кондикционного требования. Объем требований с кондикционного должника, как правило, ограничивался размером наличного обогащения в виде разницы между состоянием имущества обогатившегося до и после наступления факта обогащения, при этом допускалась возможность взыскания доходов, извлеченных от имущества, процентов на денежную сумму и расходов на сохранение имущества.

С учетом изложенного, можно заключить, что предпосылки для выделения обязательств из неосновательного обогащения в качестве самостоятельного отдельного вида обязательств в дореволюционной России еще не возникли, поскольку использование категории «неосновательное обогащение» в качестве самостоятельного основания возникновения обязательств наряду с договорами и причинением вреда еще не получило детально разработанного доктринального обоснования.

Понятие «неосновательное обогащение» в качестве самостоятельного основания возникновения обязательств было впервые закреплено на законодательном уровне в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., который содержал отдельную главу, посвященную обязательствам из неосновательного обогащения, наряду с договорными обязательствами и обязательствами из причинения вреда.¹⁷ Впоследствии принятый Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. заменил прежнее наименование «обязательства из неосновательного обогащения» на «обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества».¹⁸ Основы

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 227-228.

¹⁷ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК, № 256, 12.11.1922.

¹⁸ Утвержден Верховным Советом РСФСР 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР, 1964, №24, ст. 407.

гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. не регламентировали кондикционные обязательства.

По сравнению с концепцией дореволюционного периода в советской доктрине подверглись пересмотру не только терминология для обозначения рассматриваемых обязательств,¹⁹ но и предмет и понятие неосновательного обогащения, что в целом ознаменовало новый этап в развитии института неосновательного обогащения в отечественном праве.

Так, если ранее предметом неосновательного обогащения выступало наличное обогащение, теперь объем кондикционного требования составляло полученное (приобретенное или сбереженное) имущество плюс доходы от него.²⁰ В ст. 399 ГК РСФСР 1922 г. предмет кондикционного обязательства рассматривается как полученное имущество с извлеченными от него доходами за вычетом расходов. Такой взгляд получил поддержку большинства авторитетных советских цивилистов.²¹

Другим нововведением стало закрепление в ст. 400 ГК РСФСР 1922 г. момента возникновения ответственности обогатившегося лица за произведенное или допущенное им ухудшение неосновательно полученного имущества, т.е. с момента осведомленности о неосновательности обогащения. С этого же момента приобретатель обязан возместить потерпевшему доходы, которые он извлек или должен был извлечь из

¹⁹ Идея замены термина «неосновательное обогащение» на более подходящие такие обозначения, как обязательства из неосновательного получения (приобретения) имущества была впервые высказана В.А.Рясенцевым и впоследствии признана в советском законодательстве. См. Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки [МГУ]. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 88.

²⁰ Ст. 399 ГК РСФСР 1922 г. гласила: «Обогатившийся за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания обязан возвратить неосновательно полученное. Обязанность возврата наступает и тогда, когда основание обогащения отпадет впоследствии». Ст. 400 ГК РСФСР 1922 г.: «Неосновательно обогатившийся обязан возвратить или возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательно полученного имущества с того времени, когда он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения».

²¹ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 102. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., Госюриздат. 1951. С. 235. Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14). С.89. Иного взгляда придерживался А.М.Винавер, который считал, что объем кондикционного требования следует ограничивать размером наличного обогащения. Винавер А.М. Неосновательное обогащение и ст. 147 Гражд. кодекса // Антология уральской цивилистики, 1925 - 1989. Сборник статей. М.: Статут, 2001.

полученного имущества и одновременно вправе потребовать возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество. В связи с этим, недобросовестность ответчика по кондиционному иску выступала необходимым критерием для определения момента его ответственности и возврата извлеченных доходов.

Следствием новой терминологии и расширения объема возмещения по кондиционному иску явилось то, что в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей отныне служило неосновательное приобретение или сбережение имущества, а не обогащение.²²

Отличительной чертой регламентации кондиционных обязательств в ГК РСФСР 1964 г. по сравнению с предыдущей кодификацией является исключение норм об ответственности обогатившегося лица за произведенное им ухудшение имущества и праве требовать от потерпевшего возмещения необходимых затрат на имущество. Такое изменение было вызвано господствующей в советской доктрине позиции о том, что предметом кондиционного иска могут быть только родовые вещи, так как посредством кондиционного требования невозможно истребовать в натуре индивидуально-определенные вещи, которые были получены обогатившимся лицом, в противном случае имела бы место виндикация.²³ Имущество, составляющее предмет требования о неосновательном обогащении, трактовалось ограничительно: возврату подлежало не то же самое имущество, а такое же количество вещей того же рода.

²² Впервые «приобретение или сбережение имущества за счет средств другого лица без достаточных оснований» было закреплено в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей в ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и в аналогичной формулировке изложено в ГК РСФСР 1964 г.

²³ См. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., Статут. 2010. С.286-287. К сторонникам подхода об ограничении сферы применения кондиционного обязательства только вещами, определенными родовыми признаками, относят М.М.Агаркова (см. Гражданское право. Учебник для юридических вузов. Часть вторая. С. 388), О.С. Иоффе (см. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 861), Шамшов А.А. Обязательства из неосновательного приобретения и сбережения имущества. Учебное пособие. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та. 1975. С. 13-14.

На современном этапе подобный подход критикуется отдельными специалистами (А.Л. Маковский, А.П. Сергеев, Д.В.Новак, К.И.Скловский).²⁴ Как считают данные авторы, по смыслу норм главы 60 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ») какие-либо основания для недопущения обогащения посредством получения как индивидуально-определенной вещи, так и вещей, определенных родовыми признаками, отсутствуют. Д.В.Новак пишет, что положения главы 60 ГК РФ не запрещают истребовать индивидуально-определенные вещи посредством кондикции. В обоснование своей позиции Д.В. Новак ссылается на пункт 2 статьи 1104 ГК РФ, где указано, что «приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе и за всякие случайные, **недостачу или ухудшение** неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, происшедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения».²⁵ Между тем, указание на «недостачу» и «ухудшение» в приведенном пункте не свидетельствует о невозможности недостачи и ухудшения неосновательно полученных родовых вещей, как обоснованно отмечает Д.О. Тузов, в данном случае речь идет о некорректном употреблении термина «неосновательное обогащение», поскольку неосновательно полученное имущество не может составлять предмет обогащения приобретателя, пока она сохраняется в натуре и остается в собственности потерпевшего.²⁶

На наш взгляд, обогащение посредством получения индивидуально-определенного имущества возможно лишь в качестве исключения, в случаях расторжения договора, когда у лица из владения выбыла индивидуально-

²⁴ Новак Д.В., Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения//Вестник ВАС РФ. 2014. №1. СПС «КонсультантПлюс». Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. С. 595. Сергеев А.П. Вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения// Проблемы гражданского права: Сб. статей/ Под ред. проф. Ю.К.Толстого, проф. А.К.Юрченко, доц. Н.Д.Егорова. Л.:Изд-во Ленингр. ун-та. 1987. С. 107-108. Скловский К.И. Об истребовании вещи кондикционным иском. С. 87.

²⁵ Новак Д.В., Гербутов В.С.. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения//Вестник ВАС РФ. 2014. №1. СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Тузов Д.О. Теория недействительности сделок. С. 473.

определенная вещь и при этом оно неосновательно утратило и право собственности на нее. Речь идет о случаях истребования переданного покупателю имущества продавцом по расторгнутому договору купли-продажи недвижимого имущества вследствие не предоставления покупателем встречного удовлетворения. Поскольку государственная регистрация недвижимости предполагает индивидуализацию имущества, истребуемое имущество обладает признаками индивидуально-определенной вещи. В подобных ситуациях лицо не может истребовать имущество по правилам о виндикации, поскольку право собственности перешло к покупателю и истец уже собственником не является. Такой подход получил признание в пункте 65 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Вместе с тем, следует отметить, что с 1 июня 2015 года применяется новая редакция пункта 4 статьи 453 ГК РФ: «стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, *если иное не установлено законом или соглашением сторон*». Напомним, ранее данный пункт был сформулирован в виде императивной нормы, что вызывало на практике неопределенность в случае, когда обязательство было исполнено одной стороной к моменту расторжения договора, а другая сторона не предоставила встречное предоставление.

Только в июне 2014 года Пленум ВАС РФ в пунктах 4 и 5 Постановления от 6 июня 2014 года № 35 «О последствиях расторжения договора» разъяснил, что при отсутствии соглашения сторон об ином положение пункта 4 статьи 453 ГК РФ подлежит применению лишь в случаях, когда встречные имущественные предоставления по расторгнутому впоследствии договору к моменту расторжения осуществлены надлежащим образом либо при делимости предмета обязательства размеры

произведенных сторонами имущественных предоставлений эквивалентны; к отношениям сторон по возврату полученного могут применяться положения главы 60 ГК РФ, поскольку иное не установлено законом, соглашением сторон и не вытекает из существа соответствующих отношений (статья 1103 Кодекса).

Теперь соответствующие разъяснения получили отражение в законе: в абзаце втором приведенной нормы указано, что в случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства. Таким образом, по новым правилам ГК РФ применение положений о неосновательном обогащении для случаев истребования имущества при расторжении договора купли-продажи продавцом, не получившим оплаты за проданное имущество, может быть исключено соглашением сторон либо законом.

Представляется, что во всех остальных случаях следует применять общее правило, согласно которому вопрос о разграничении кондикции и виндикации должен решаться исходя из характера подлежащего истребованию имущества,²⁷ чтобы не допустить неоправданного «размывания» границ между указанными требованиями.

Учитывая сложившееся в советском законодательстве выделение форм неосновательного обогащения: **приобретение имущества и сбережение**

²⁷ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 92. Эрделевский А. О соотношении кондикционных и иных требований // Хозяйство и право. 2004. №7. С.90. Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Законодательство. 1999. № 7. С.19. Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения // Законодательство. 2002. №4. С.6. Магальяс Е.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с требованиями об истребовании имущества из чужого незаконного владения и возмещении вреда в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 5. С. 11. Климович А.В. Указ. соч. С.214.

имущества, при толковании категория обогащения отождествлялась с конструкцией приобретения и сбережения имущества.

Под **приобретением имущества** обычно понималось увеличение объема имущества одного лица путем присоединения к нему нового имущества, количественное приращение имущества, повышение его стоимости без произведения приобретателем затрат.²⁸ Напротив, **сбережение имущества** означает сохранение ценности, которая должна была выйти из состава имущественной массы, но не вышла из состава. К случаям сбережения имущества относят неосновательное получение работ, услуг, работ, пользование чужим имуществом, освобождение от имущественной обязанности.²⁹

В советской литературе различие форм неосновательного обогащения проводилось по видам убытков: при приобретении у потерпевшего возникает положительный ущерб, тогда как в случае сбережения – неполученные доходы.³⁰ Наоборот, М.М.Агарков полагал, что сбережением имущества причиняется реальный ущерб, а приобретением – упущенная выгода.³¹

В российской доктрине не сложилось единого подхода к пониманию неосновательного приобретения имущества. В советский период преобладала точка зрения о том, что неосновательное приобретение имеет место лишь при условии возникновении того или иного имущественного права у обогатившегося лица, при этом, поступление имущества в фактическое владение лица без приобретения права собственности на него не составляет обогащение.³² На современном этапе позиции ученых разделились. По

²⁸ Ем В.С. Указ. соч. С.8.

²⁹ Соломина Н.Г. Универсальность кондикционного обязательства в российском гражданском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С.54. Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С.119.

³⁰ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 859-860.

³¹ Гражданское право: учебник / Под ред. проф. М.М. Агаркова и проф. Д.М. Генкина. Т. 1. - М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 353.

³² См. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 211. Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник Ленинградского университета.1973.№5. С. 136. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 860. Гражданское право: Учебник для

мнению ряда ученых, в числе которых Д.В.Новак, А.В. Слесарев, случаи приобретения имущества охватывают получение права собственности на вещь, так и получение вещи в беституальное владение.³³ При этом, А.В. Слесарев обосновывает возникновение права собственности у приобретателя родовым характером приобретаемых вещей, предполагающим смешение вещей и, соответственно, предлагает разрешать проблему собственности на неосновательное обогащение с учетом характера приобретаемого имущества.³⁴ В схожем ключе пишет Д.А. Ушивцева: право собственности переходит к приобретателю, если указанное имущество родовое; в случае неосновательного приобретения или сбережения индивидуально определенного имущества право собственности на указанное имущество к приобретателю не переходит.³⁵

Большинство современных авторов, в том числе В.В.Былков, Н.Г. Соломина, Е.А.Анчишина, исключают в принципе саму возможность приобретения прав на неосновательно полученное имущество. Называя ошибочным мнение представителей первого подхода, В.В. Былков утверждает, что закон не предусматривает такого способа приобретения права собственности как «смешении вещей, определяемых родовыми признаками». Автор приходит к выводу, что неосновательное обогащение не является основанием возникновения права собственности приобретателя на полученное имущество, а также и не влечет возникновения каких-либо иных прав (пользования, владения).³⁶ Сходная позиция высказана Н.Г.Соломиной, которая писала, что неосновательное приобретение имущества

юридических вузов. Часть вторая / Агарков М.М., Граве К.А., Зимелева М.В., Липецкер М.С., и др.; Отв. ред.: Миколенко Я.Ф., Орловский П.Е., Перетерский И.С. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.С. 378.

33 Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. С. 217–219. Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 146-147.

34 Слесарев А.В. Указ. соч. С. 147.

35 Ушивцева Д.А. Правовое регулирование обязательств вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 91, 92.

36 Былков В.В. Указ. соч. С. 62–64. Анчишина Е.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2010. С. 20.

подразумевает поступление его во владение приобретателя без перехода прав на это имущество.³⁷

Несмотря на то, что действующее российское законодательство (главы 14 и 15 ГК РФ) не называет «неосновательное приобретение» в качестве основания возникновения или прекращения права собственности, тем не менее, следует отметить, что перечень оснований прекращения права собственности, закрепленный в ГК РФ, не является исчерпывающим и в силу пункта 1 статьи 235 ГК РФ иные случаи прекращения права собственности могут быть предусмотрены законом. Кроме того, как указывалось ранее, судебная практика признает кондикционный характер требования о возврате имущества по расторгнутому договору купли-продажи недвижимости в случае, когда до произведенной оплаты покупателем к нему переходит право собственности. В связи с этим, при определенных условиях приобретатель может стать формальным собственником неосновательно полученного имущества, что автоматически влечет прекращение права собственности у потерпевшего.

Что касается сбережения, авторы в целом сходятся во мнении, что приобретатель сохраняет право собственности на сбереженное имущество.³⁸

Следует отметить, что возможность истребования вещи из чужого незаконного владения допускается в рамках так называемой кондикции владения, которая не закреплена на уровне закона, но получила признание в разъяснениях судебной практики. Речь идет о случаях истребования вещи, переданной по незаключенному или недействительному договору. В отличие от виндикации удовлетворение требований истца не поставлено в зависимость от доказывания им права собственности на спорное имущество. По смыслу правовой позиции, изложенной в пункте 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 г. № 165 «Обзор судебной

³⁷ Соломина Н.Г. Указ. соч. С. 65.

³⁸ Слесарев А.В. Указ. соч. С. 147. В.В. Былков. Указ. соч. С. 64.

практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» на основании кондикционного требования можно истребовать индивидуально-определенную вещь, переданную по незаключенному договору, не доказывая свое право собственности на спорную вещь.

Схожим образом распределено бремя доказывания – на истце не лежит обязанность доказывать свое право собственности - для требований о возврате полученного по недействительной сделке. Пунктом 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» по смыслу пункта 2 статьи 167 ГК РФ для возврата полученного по недействительной сделке не подлежат исследованию основания возникновения прав сторон на переданное по сделке имущество. Теперь указанный подход подтвержден Пленумом Верховного суда РФ в пункте 81 недавно принятого Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому *при рассмотрении требования лица, передавшего индивидуально-определенную вещь по недействительной сделке, к лицу, которому эта вещь была передана, о ее возврате истец не обязан доказывать свое право собственности на спорное имущество. Индивидуально-определенная вещь подлежит возврату, если она сохранилась у получившей ее стороны.*

Стороны должны доказать только факт передачи имущества во исполнение недействительной сделки. В связи с этим, поскольку по закону недействительность сделки определяется на момент ее совершения, основание для получения исполнения по недействительной сделке отпадает, а неосновательное обогащение служит правовым основанием для применения реституции как последствия признания сделки недействительной.

Относительно соотношения неосновательного обогащения и реституции среди российских цивилистов нет единой позиции. Согласно первому, наиболее распространенному, подходу неосновательное обогащение служит правовым основанием реституции.³⁹ Как отмечается в литературе, требование о возврате полученного по недействительной сделке полностью охватывается иском из неосновательного обогащения.⁴⁰ Вторая позиция исходит из невозможности сопоставления виндикации, кондикции и реституции в силу отличных черт последней (взаимный характер, публичность, посессорность).⁴¹ Наконец, есть точка зрения, согласно которой реституция представляет собой частный случай виндикации либо неосновательного обогащения в зависимости от характера истребуемого имущества.⁴²

Как писала Н.В. Рабинович, требование о виндикации вещи не только совместимо с требованием о признании сделки недействительной, но и вытекает из этого последнего требования, если предметом сделки является вещь, определенная индивидуально.⁴³

Доктрина и судебная практика выработали иные основания для применения кондикции в случае предъявления иска о возврате исполненного по недействительной сделки – 1) взыскание денежного эквивалента вследствие невозможности истребования вещи в натуре; 2) нарушение эквивалентности встречных предоставлений.

³⁹ Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленными ими последствия. Томск, ТГУ, 1967. С. 247-248. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. С. 144. Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 223.

⁴⁰ Белов В.А. Гражданское право. Общая и особенная части: Учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 911. Розенфельд Я.Э. Конкуренция виндикационного и реституционного исков // Право собственности в условиях социализма. М., 1989. С. 124-125. Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке// В кн.: Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденция, практика. Сб. статей//Отв. ред. М.А.Рожкова.М.:Статут,2006. С.164.

⁴¹ К.И. Скловский, Ю.В. Ширвис. Последствия недействительной сделки // Закон. 2000. № 5. С. 112-113.

⁴² Толстой Ю.К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав//Правоведение.1999.№2. С.140. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. С. 237. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С.14.

⁴³ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Издательство Ленинградского Университета, 1960. С. 118.

В пользу допустимости первого основания высказывался О.В. Гутников, который писал, что виндикационное требование может быть трансформировано в требование о возврате неосновательного обогащения, если вещь невозможно истребовать в натуре и потому истребуется денежный эквивалент. Такой же позиции придерживается Н.В.Рабинович, которая отмечала, что действительно, виндикация предполагает только истребование вещи в натуре. Однако при невозможности передачи самой вещи это не исключает допустимости компенсации за нее, но не на основании иска о виндикации, а путем перехода от вещно-правового виндикационного иска к требованиям обязательственно-правового характера из неосновательного обогащения, а в некоторых случаях — из причинения вреда.⁴⁴

Второе основание - нарушение эквивалентности встречных предоставлений получило отражение в Постановлении Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 года № 35 «О последствиях расторжения договора».

Таким образом, в отличие от виндикации по своей правовой природе реституция и неосновательное обогащение во многом схожи: имеют обязательственно-правовую природу, носят относительный характер, имеют одинаковую цель – восстановление положения, существовавшего до нарушения права обогатившимся лицом.⁴⁵ Вместе с тем, данные способы защиты прав не тождественны друг другу: реституция в подавляющем большинстве случаев (за исключением нескольких установленных законом случаев, например, ст.169, п.2 ст.179 ГК РФ) носит взаимный характер, применяется двусторонняя реституция, тогда как возврат неосновательного обогащения представляет собой реституцию одностороннюю – возврату подлежит неосновательно полученное или сбереженное имущество в натуре либо в случае невозможности возврата в натуре стоимость неосновательного обогащения (ст. 1104, 1105 ГК РФ).

⁴⁴ Рабинович Н.В. Указ. соч. С. 121.

⁴⁵ Перкунов Е. Неосновательное обогащение - место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 117.

Не вызывает сомнения то, что неосновательное обогащение лежит в основе любого реституционного требования и представляет собой универсальную меру защиты права. По своему объему неосновательное обогащение шире реституции, представляющей лишь его частный случай.

подавляющее большинство случаев неосновательного обогащения возникает в связи с прекращением или ошибочным исполнением договора. Отпадение правового основания, выраженного в виде договора, может быть следствием его незаключенности, недействительности, расторжения; ошибка в исполнении обязательства может быть выражена в выборе ненадлежащего лица – исполнение не кредитору, а другому (постороннему) лицу,⁴⁶ в неправильном расчете суммы оплаты.

Традиционно кондикционные и договорные иски разграничиваются в зависимости от существования между сторонами договорной связи или ее отсутствия.⁴⁷ Соответственно, в случае наличия между сторонами действующего договора возврат исполненного осуществляется по иску из договора. По этой логике вопрос о конкуренции между требованием о возврате неосновательно полученного и договорным требованием в принципе не ставится в отсутствие договора между сторонами.

Вместе с тем, такой подход не лишен недостатков, поскольку не учитывает, что требования одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством могут иметь кондикционную природу, в том числе в ряде случаев, когда отношения сторон, связанные с договором, далеко выходят за пределы собственно договорных отношений.⁴⁸ По мнению Ю.К. Толстого, такими примерами служат требования о возврате имущественного предоставления, цель

⁴⁶ Новак Д.В. Указ. соч. С. 327.

⁴⁷ Иоффе О.С. Указ. соч. С.865. Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 91. Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 233-234.

⁴⁸ Толстой Ю.К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав//Правоведение.1999.№2. С.142.

которого не осуществилась, о взыскании убытков в части, превышающей проценты за пользование чужими денежными средствами (ст.395 ГК РФ).

На неудачную попытку разграничить договорный и кондикционный иски по критерию договорной связи обращает внимание А.Л. Маковский.⁴⁹ Отчасти по этим соображениям в доктрине предлагаются иные второстепенные критерии разграничения указанных требований: сопровождалось ли неосновательное приобретение имущества нарушением договора. Как писал А.А.Шамшов, кондикционное обязательство возникает, если неосновательное приобретение имущества произошло хотя и в связи с договором, но не сопровождалось нарушением его условий (содержания) со стороны должника. Если же приобретение должником имущества, с одной стороны, неосновательно, а с другой - нарушает условия договора, то подлежит применению договорный иск.⁵⁰ В.С. Ем считает, что в данном случае речь идет не о требовании по возврату исполненного по обязательству, а о требовании возврата исполненного, которое возникло в связи с обязательством, но выходит за рамки его содержания.⁵¹

Несмотря на общую обязательственно-правовую сущность, договор и неосновательное обогащение противопоставляются друг другу. Неосновательное обогащение относится к внедоговорному обязательству и направлено на возврат неосновательно полученного имущества плюс доходы, которые были извлечены или должны быть извлечены из этого имущества с момента осведомленности неосновательности. Напротив, договорный иск направлен на получение исполнения в натуре, а в случае наличия вины должника в нарушении договора, помимо этого, на уплату штрафных санкций (неустойки, пени), возмещение убытков.

⁴⁹ Маковский А.Л. Указ. соч. С. 595.

⁵⁰ Шамшов А.А. Правоотношения, возникающие в результате неосновательного приобретения или сбережения имущества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1975. С. 12.

⁵¹ Ем В.С. Указ. соч. С.20.

Кроме того, не стоит забывать о значении кондикционного иска как восполнительного субсидиарного средства защиты гражданских прав, что означает некоторую диспозитивность правил гл. 60 ГК РФ в отношении требований о возврате исполненного по договору, которые применяются, если иное не предусмотрено договором.

Острые дискуссии в российской цивилистической науке вызывает вопрос о соотношении неосновательного обогащения и деликта в тех случаях, когда «причинение вреда одному лицу сопровождается приращением или сбережением имущества у другого».⁵² Рассмотрим основные подходы относительно критериев разграничения кондикции и деликта.

Согласно господствующей в советской доктрине точке зрения таким критерием служит *вина причинителя вреда*: в случае наличия вины иск потерпевшего следует квалифицировать как деликтный иск, при отсутствии таковой речь идет о кондикционном иске.⁵³

Вторая позиция исходит из необходимости учета *степени вины причинителя* как квалифицирующего признака. По мнению сторонников данного взгляда, деликтный иск может быть предъявлен лишь при наличии умысла, в противном случае интересы потерпевшего подлежат защите посредством кондикционного иска.⁵⁴ В связи с этим, для квалификации обязательства в качестве возникающего из неосновательного обогащения не должно быть умысла у обогатившегося лица на получение чужого имущества; напротив, наличие неосторожности (ошибочные действия самого потерпевшего или неосновательного приобретателя) не препятствует

⁵² Толстой Ю.К. Проблема соотношений требований о защите гражданских прав//Правоведение. 1999. №2.С.138.

⁵³ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.,1975. С.863-871. Флейшиц Е.А. Указ.соч. С. 234. Чернышев В.И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974. С. 101.

⁵⁴ Советское гражданское право. Учебник для вузов. Т.2. М.:«Юридическая литература».1965. С.378,379,386 (автор главы – В.А.Рясенцев). Гражданское право. Учебник для вузов. Т.2. М.: «Юридическая литература».1970. С.444,446 (автор главы – А.М.Белякова).

признанию обязательства возникшим из неосновательного приобретения.⁵⁵ Другого взгляда придерживается В.А. Носов, полагая, что форма вины не имеет значение для возникновения обязанности по возврату недолжного кредитору, поскольку в большинстве случаев действия по необоснованному приобретению или сбережению имущества являются виновными: чаще получение (сбережение) недолжного производится по неосторожности, но и не исключается и умысел. При этом, при неосновательном обогащении умысел должен быть направлен не на причинение вреда другому, а именно на оставление в своей сфере того имущества, которое ему принадлежать не должно.⁵⁶

Наконец, согласно третьему подходу, впервые предложенному Ю.К.Толстым, разграничение деликтного и кондикционного исков следует проводить в зависимости от того, образуется ли на стороне причинителя вреда *имущественная выгода*.⁵⁷

В последние годы большинство цивилистов критикуют принцип вины в качестве критерия разграничения деликтного и кондикционного исков в пользу третьего подхода.⁵⁸

Действующий ГК РФ закрепил правило о субсидиарном применении норм о неосновательном обогащении как общей защитной меры, применяемой к другим требованиям о защите гражданских прав, перечисленным в статье 1103 ГК РФ, если иное не предусмотрено нормами этих институтов, другими законами или иными правовыми актами и не

⁵⁵ Внедоговорные обязательства. Авторское, изобретательное и наследственное право. Отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: ВЮЗИ. 1980. С. 34.

⁵⁶ Носов В.А. Внедоговорные обязательства. Ярославль. 1987. С. 59.

⁵⁷ Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник Ленинградского университета. 1973. №5. С. 139-140.

⁵⁸ См. Магальяс Е.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с требованиями об истребовании имущества из чужого незаконного владения и возмещении вреда в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 5. С.14. Ем В.С.Указ.соч. С.22. Невзгодина Е.Л. О соотношении требования о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества с другими требованиями// Доклады конференции правоведов «Развитие советского права». Свердловск, 1972. С. 90. Руденченко Н.А. Обязательства, возникающие из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Автореф. дис....канд. юрид. наук. М., 1974. С. 19.

вытекает из существа обязательства.⁵⁹ Полагаем, что субсидиарность предполагает обращение к правилам главы 60 как общей защитной меры только при условии, если: а) это не противоречит существу соответствующих отношений, ГК РФ, другим законам или иным правовым актам; б) нормы специальных институтов (в данном случае о возмещении вреда) содержат пробел в правовом регулировании либо недостаточно (не в полной мере) регулируют тот или иной аспект возмещения вреда. Это соответствует смыслу разъяснений, изложенных в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении».

В завершение рассмотрения вопроса о соотношении неосновательного обогащения с виндикацией, реституцией, договором и деликтом, хотелось бы отметить, что обозначенная проблема окончательно не разрешена в российском праве. По своей правовой природе и предназначению неосновательное обогащение в наибольшей степени схоже с реституцией, которая также направлена на восстановление положения потерпевшего до неосновательного обогащения приобретателя, и противопоставлено виндикации как вещно-правовому иску. Несмотря на обязательственно-правовой характер договорного и деликтного исков, в отличие от неосновательного обогащения, последние выполняют более выраженную карательную (взыскание пени, штрафов, назначение наказания) и компенсационную функцию (компенсация потерь, убытков).

В современный период понятие «неосновательное обогащение» не подверглось кардинальным изменениям, как и ранее, законодатель определяет данную категорию через формы приобретения или сбережения имущества. Пункт 1 ст. 1102 ГК РФ содержит следующее легальное

⁵⁹ Подробнее см. Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996 С. 597-599. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1: Общие положения. М.: Статут. 2011. С.352. Гурвич М. Указ. соч. С. 110. Перкунов Е. Неосновательное обогащение - место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2004. № 2. С.153.

определение обязательства из неосновательного обогащения: «Лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 настоящего Кодекса».

Современные научные представления о понятии «неосновательное обогащение» весьма разнообразны. Это объясняется многозначностью понятия «неосновательное обогащения». Помимо ранее рассмотренного понимания современными учеными сбережения и приобретения имущества в контексте категории неосновательного обогащения, можно выделить концепции «юридического факта», «цели», «содержания», «фактора неосновательности», каждая из которых соответствует тому или иному значению категории неосновательное обогащение.⁶⁰

Согласно концепции юридического факта обогащение является одним из видов оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, перечисленных в статье 8 ГК РФ.⁶¹ Действительно, подпункт 7 пункта 1 статьи 8 ГК РФ прямо указывает неосновательное обогащение в качестве такого порождающего основания.

При этом, обогащение в смысле статьи 8 ГК РФ не имеет ничего общего с упомянутыми в статье 1102 ГК РФ основаниями, без которых обогащение становится неосновательным (закон, иной правовой акт или сделка). Следует согласиться с утверждением В.С.Гербутова о том, что это разные правовые категории.⁶² По нашему мнению, рассматриваемая теория должна быть отвергнута, в том числе и по причине противоречия смыслу

⁶⁰ Подробнее см.: Новак Д.В. Указ. соч. С.240-244.

⁶¹ Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения // Законодательство. 2002. № 3. С.10. Садилов О.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. проф. О.Н. Садилов. 2-е изд., исправ. и доп. С. 709.

⁶² Гербутов В.С. Указ. соч. С. 84.

нормы ст. 1102 ГК РФ, в силу которой основание приобретения или сбережения имущества устанавливается законом, иными правовыми актами или сделкой, а факт обогащения наступает независимо от наличия или отсутствия законного основания (каузы) получения имущества.

В связи с этим, необходимо проводить различие между правовыми основаниями (факторами) неосновательности обогащения в контексте статьи 1102 ГК РФ, неосновательным обогащением в значении юридического факта (статья 8 ГК РФ) и обстоятельствами, вызывающими само неосновательное обогащение, к которым относят: а) действия самого потерпевшего; б) действия обогатившегося лица; в) действия третьих лиц; г) события.

По правилу п.2 ст. 1102 ГК РФ последние, а именно обстоятельства, влекущие за собой неосновательное обогащение, не оказывают юридически значимого эффекта на общую квалификацию правоотношения неосновательного обогащения. Как отмечает М.В. Телюкина, квалификация обогащения как неосновательного не зависит от того, в результате каких событий или действий оно возникло, а также от того, были ли действия правомерными и кто их совершил – должник, кредитор либо третьи лица.⁶³

Напротив, правовое основание (кауза) обогащения, как и обогащение в качестве юридического факта имеют ключевое значение для констатации возникновения обязательства из неосновательного обогащения. Это обусловлено тем, что оба составляют необходимые элементы юридического состава, порождающего обязательства из неосновательного обогащения: 1) факт обогащения, выраженного в виде увеличения или сбережении имущества на стороне обогатившегося лица за счет потерпевшего; 2) отсутствие правового основания для такого перехода имущественных благ.

Концепция «цели» М.А.Гурвича, М.М.Агаркова исходит из первостепенности правового основания (каузы) обогащения, под которым

⁶³ Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения // Законодательство № 3,2002. С.10.

понимается легитимное обоснование экономической цели предоставления имущества для признания неосновательного обогащения.⁶⁴

Наконец, концепция «содержания» опирается на понимание обогащения как правоотношения (обязательства), с которым связано основание возникновения обогащения.⁶⁵

Встречаются и иные комплексные подходы к определению понятия неосновательного обогащения. Так, Д.В. Новак предлагает понимать обогащение в двух смыслах: в широком смысле - это всякое увеличение (в том числе несостоявшееся уменьшение) имущества лица, являющееся результатом присоединения к нему новых благ денежной ценности без выделения из него соответствующего эквивалента; в узком смысле – увеличение имущества одного лица за счет имущества другого лица путем перехода благ денежной ценности из одного имущества в другое (либо путем сохранения таких благ в составе одного имущества за счет выбытия их из другого), т.е. получение имущественной выгоды за чужой счет.⁶⁶ С.Д. Дамбаров определяет неосновательное обогащение посредством синтеза концепции «юридического факта» и «цели».⁶⁷

В основе действующей законодательной модели категории обогащения лежит свойственная еще дореволюционному праву идея двойственности понятия «неосновательного обогащения». В статье 1102 ГК РФ термин «обогащение» используется в двух значениях: во-первых, в качестве юридического факта; во-вторых, для обозначения самого имущества, составляющего предмет обогащения.

Как и в советском праве, предмет обогащения включает полученное имущество вместе с извлеченными доходами и, как правило, раскрывается

⁶⁴ Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14). С. 93-94. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т.1. В 2-х томах. М.: АО ЦентрЮрИнфор. 2002. С. 439.

⁶⁵ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 217.

⁶⁶ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., Статут. 2010. С.240,244.

⁶⁷ Дамбаров С.Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 60,61.

через круг объектов, поименованных в статье 128 ГК РФ в качестве имущества (вещи и имущественные права). Ряд авторов широко толкуют понятие «имущество», в состав которого, помимо вещей, имущественных прав, входят информация, долги.⁶⁸ Реформа гражданского законодательства внесла некоторые уточнения в перечень объектов гражданских прав,⁶⁹ заменив «работы, услуги» на «результаты работ и оказание услуг». С учетом такого уточнения, полагаем, что объектом неосновательного обогащения теперь выступают результаты работ и оказанные услуги.

Случаи неосновательного обогащения весьма многообразны. Е.А. Флейшиц систематизировала все такие случаи по трем группам: 1. получение недолжного, включающего исполнение несуществующего обязательства, превышение исполнения, исполнение по ничтожной сделке, исполнение обязательства до отпадения его основания; 2. получение исполнения по недействительной сделке в результате противозаконного действия обогатившегося лица; 3. другие случаи неосновательного обогащения, в том числе действия в чужом интересе без поручения, в результате действий третьего лица или вне связи с каким-либо обязательством.⁷⁰

Представляется правильным мнение о бесполезности попыток классификации случаев неосновательного обогащения. По свидетельству А.Л.Маковского, такой подход страдает оттенком казуистичности, поскольку не позволяет предусмотреть все бесчисленное множество ситуаций, которые могут возникнуть при применении правил о неосновательном обогащении. Решение проблемы данному автору видится в создании универсальных норм, применимых ко всем случаям неосновательного обогащения.⁷¹

⁶⁸ Ушивцева Д.А. Указ. соч. С. 69,75. Дамбаров С.Д. Указ. соч. С. 107, 183.

⁶⁹ Статья 128 Гражданского кодекса РФ в редакции Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ.

⁷⁰ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 222-231.

⁷¹ Маковский А.Л. Комментарий к Гражданскому кодексу России [Текст] // А.Л.Маковский. СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. М., Консультант. 2005.

На основании изложенного, по российскому действующему законодательству неосновательное обогащение рассматривается в двух значениях: в качестве юридического факта - основания возникновения обязательства (ст. 8 ГК РФ) и имущества, составляющего предмет обогащения (пункт 1 ст. 1102 ГК РФ); обязательства из неосновательного обогащения можно определить как вид обязательственных правоотношений, возникающих при наличии определенного юридического состава: 1) наличие обогащения (приобретение или сбережение имущества) на стороне обогатившегося лица; 2) обогащение за счет потерпевшего; 3) отсутствие правового основания.

Подводя итог проведенному анализу становления и развития понятия неосновательного обогащения в отечественном праве и доктрине, можно сделать следующие выводы:

- на протяжении всей истории становления и развития рассматриваемого института в России прослеживается двойное понимание категории обогащения: с одной стороны, имущество, составляющее предмет обогащения, с другой стороны, обогащение в значении юридического факта;
- начиная с советского времени, неосновательное обогащение становится самостоятельным основанием возникновения обязательств наряду с договором и причинением вреда;
- характерные черты обязательства из неосновательного обогащения: 1) обязательственно-правовая природа; 2) внедоговорный характер; 3) цель – восстановление положения, существовавшего до обогащения обогатившимся лицом; 4) содержание - возврат потерпевшему неосновательно полученного имущества, при определенных условиях вместе с извлеченными от имущества доходами за вычетом расходов;
- неосновательное обогащение признается универсальным средством защиты права, применяемым субсидиарно к смежным институтам гражданского права (реституции, виндикации, договору, деликту).

§ 2. Понятие неосновательного обогащения в зарубежных правовых системах (сравнительно-правовой анализ).

В современных правовых системах возможность восстановления нарушенного баланса интересов участников гражданского оборота вследствие неправомерного перемещения имущества от одного лица к другому в том или ином виде прямо предусмотрена в законе либо получила развитие в судебной практике в рамках института неосновательного обогащения.

В странах романо-германской правовой системы источником норм права, регулирующих обязательства из неосновательного обогащения, служит гражданское законодательство. В Германии данному институту посвящена глава 24 (§ 812 - 822) Германского Гражданского Уложения (далее – ГГУ) раздела 7 («Отдельные виды обязательств»), во Франции обязательства вследствие неосновательного обогащения вместе с обязательствами из ведения чужих дел без поручения (*Negotiorum Gestio*) объединены в раздел «Квазидоговоры» (ст. ст. 1376 – 1381 Французского гражданского кодекса 1804 года). Нормы о неосновательном обогащении закреплены в статьях 2041-2042 Гражданского кодекса Италии, статьях 62-67 части третьей титула 1 раздела 1 Швейцарского гражданского кодекса.

В странах англо-американской правовой системы ведущая роль в регулировании обязательств из неосновательного обогащения принадлежит судебной практике и доктрине.

На современном этапе обязательства из неосновательного обогащения признаются самостоятельным видом обязательства в системе обязательственного права наряду с договором и обязательствами из причинения вреда. Однако, становлению данного института предшествовал длительный процесс развития представлений о неосновательном обогащении.

Долгое время термин «неосновательное обогащение» был неизвестен англо-американскому праву. В отсутствие общего средства правовой защиты о возврате неосновательно полученного английская судебная практика применяла различные формы исков: иск об отчетности (**action of account**), иск о принятии на себя долга (**indebitatus assumpsit**).⁷² Впоследствии право справедливости дополнило данные средства правовой защиты квазидоговорными исковыми формами: иск о справедливой цене (**quantum valebat**), иск о справедливом вознаграждении (**quantum meruit**), иск о деньгах, уплаченных истцом в интересах ответчика (**action for money paid**), иск о деньгах, имевшихся у истца и полученных ответчиком (**action for money had and received**) и др.⁷³

Появление квазидоговорных исковых форм стало следствием недоступности получить компенсацию по договору, не подлежащему принудительному исполнению, в случае, когда стороны в соглашении не определили точную цену товара, размер вознаграждения за выполненные работы, оказанные услуги или иные существенные условия исполнения договора.

В отличие от неосновательного обогащения, квазидоговорные исковые формы *quantum valebat* и *quantum meruit* не требовали доказывания самого факта обогащения на стороне ответчика, достаточным было доказать наличие запроса о получении (*request*) или принятия (*acceptio*) работ или услуг со стороны обогатившегося лица.

Со временем англо-американская доктрина стала проводить различие между случаями, когда неосновательное обогащение наступает вследствие поведения потерпевшего, и случаями обогащения, возникающими в результате виновного поведения самого обогатившегося лица. Если первые

⁷² Иск «*indebitatus assumpsit*», появившийся после известного дела Слэйда (*Slade's case*) в XVII веке, стал широко применяться в качестве генерального средства защиты во всех случаях нарушения договорных обязательств.

⁷³ Ансон В. Договорное право / Под общ. ред. О.Н. Садикова. М.: Юрид. лит., 1984. С. 443. См.: Свод английского договорного права. Общая часть: Обязательственное право / Под ред. Э. Дженкса; пер. с англ. Л.А. Лунца. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 210 – 213.

получали защиту с помощью квазидоговорных *quantum valebat* и *quantum meruit*, вторую группу составлял *waiver of tort* (отказ от правонарушения), которое опиралась на деликтное право.⁷⁴

Однако, применяемые разрозненно указанные иски не были объединены каким-либо единым принципом. Сначала в качестве единой основы английская судебная практика выработала конструкцию «подразумеваемого договора» (*implied contract*), в силу которой иск о возврате неосновательного обогащения рассматривался как требование из договора, и денежные средства взыскивались на основе применения правил о договорных обязательствах.⁷⁵

Впоследствии из-за возникающих на практике сложностей доктрина квазидоговора показала свою несостоятельность и была заменена принципом недопустимости неосновательного обогащения.

Во второй половине XX века в английской доктрине и судебной практике возникло осознание необходимости введения общего принципа недопустимости неосновательного обогащения (*principle of unjust enrichment*), когда в 1966 году авторитетные английские судьи и ученые Р.Гофф и Г.Джонс⁷⁶ выступили с критикой конструкции квазидоговора и предложили заменить ее принципом недопустимости неосновательного обогащения, в большей мере отвечающим потребностям практики. Идею Гоффа и Джонса поддержал не менее известный английский ученый по праву реституции П. Биркс, высказавшись следующим образом: «В наши дни наиболее важным, о чем следует сказать при характеристике взаимоотношений между реституцией и квазидоговором, является то, что термин «квазидоговор» вообще более не нужен. Он «не работает».

⁷⁴ Впервые доктрина *waiver of tort* была признана Лордом Мэнсфилдом в деле *Hambly v. Trott* (1776) 98 E.R. 1136.

⁷⁵ Подробнее см. Цвайгерт К, Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т.2. М.: Международные отношения.2000. С.303-304. Первая попытка систематизации всех этих типов исков была предпринята в решении лорда Мэнсфилда по делу *Moses & Macferlan. Moses v. Masferlan* (1760) 2 Burr. 1005, 97 Eng. Rep. 676.

⁷⁶ См.: R. Goff and G. Jones. *The Law of Restitution* (Sweet & Maxwell, 1966).

«Квасидоговорные» обязательства - это не что иное, как обязательства по общему праву, возникающие в связи с неосновательным обогащением. Они являются реституционными по своему содержанию, а неосновательное обогащение служит основанием для их возникновения. Называть их квазидоговорными значит увековечивать терминологию, которая не обогащает новым знанием и таит в себе постоянную угрозу реанимировать их историю, которая только вводит в заблуждение».⁷⁷

И, наконец, в 1991 году по делу *Lipkin Gorman v. Karpnale Ltd.* суд признал право реституции, в основе которой лежит принцип недопустимости неосновательного обогащения.⁷⁸

В странах романо-германской правовой системы становление и развитие представлений о неосновательном обогащении происходило под большим влиянием учения римского права о кондикции.⁷⁹ Это проявилось в том, что по кондикции в ее римском варианте подлежало возврату имущество в натуре, в англо-американском праве потерпевший вправе потребовать стоимость неосновательно полученного имущества.⁸⁰

Германская юриспруденция классифицировала все известные еще со времен Юстиниана кондикционные иски, встречавшиеся в судебной практике, по типам: § 812 ГГУ выделяет кондикции из исполнения (*durch die Leistung*) и кондикции, возникающие «каким-либо иным образом» (*in sonstiger Weise*). Схожая типизация кондикционных исков была свойственна англо-американскому праву: *quantum valebat*, *quantum meruit* и *waiver of tort*.

В Германии общий принцип недопустимости и возврата неосновательного обогащения получил закрепление на уровне закона. Абзац 1 § 812 ГГУ гласит: «Лицо, которое без законного основания вследствие

⁷⁷ Цит. по кн.: Цвайгерт К., Кетц Х. Т.2 С.306.

⁷⁸ Andrew Burrows. *Understanding the Law of Obligations. Essays on Contract, Tort and Restitution.* Hart Publishing. Oxford. 1998. P.48.

⁷⁹ От лат. *condictio* – получение. Более подробно о зарождении и эволюции *condictio* см. : Римское частное право. Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1994. С.509-518. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С.83-84.

⁸⁰ Gallo P. *Unjust Enrichment: A Comparative Analysis* // *The American Journal of Comparative Law.* Vol. 40.1992. P. 433,438.

исполнения обязательства другим лицом или иным образом за счет последнего приобрело какое-либо имущество, обязано возвратить этому лицу полученное. Эта обязанность имеет место и в том случае, если правовое основание отпало впоследствии либо, если не достигнут результат, на который направлено исполнение в соответствии с содержанием сделки».⁸¹

В немецкой юридической доктрине вышеприведенное положение ГГУ воспринимается как конструкция так называемого генерального кондикционного иска, построенного по модели **condictio sine causa generalis**, разработчиком которого принято считать выдающегося немецкого правоведа Фридриха Карла фон Савиньи.⁸²

Центральной категорией при рассмотрении кондикций из исполнения является «исполнение», под которым понимается «осознанное и целенаправленное «приращение» чужого имущества».⁸³ На основе анализа ГГУ Д. Медикус выделяет следующие случаи возврата исполнения:

- вследствие недостижения цели исполнения, поскольку обязательство либо не существует, например, в силу ничтожности договора, либо произведенное исполнение не соответствует содержанию существующего обязательства;
- вследствие последующего отпадения юридического основания, например, в будущем не возникает обязательства, в погашение которого исполнение было произведено заранее;
- вследствие недостижения другой цели, на которую направлено исполнение в соответствии с содержанием сделки, например, в случае не заключения брака, обусловленного передачей имущества в качестве приданого;

⁸¹ Бергман В., Суханов Е.А. Введение // Германское право. Ч. I: Гражданское уложение / Пер. с нем. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С.5.

⁸² Подробнее см. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. N.Y. Oxford University Press.1996. P. 872 – 873.

⁸³ Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии. М.: БЕК, 2001. С. 119.

- вследствие недостойности цели исполнения, принятие которого нарушает законодательный запрет или добрые нравы.⁸⁴

К кондикциям, возникающим «каким-либо иным образом», относится иск из посягательства на чужие права (**Eingriffskondiktion**), иск о возмещении издержек, связанных с действиями в чужих интересах (**Aufwendungskondiktion**), регрессный иск (**Rückgriffskondiktion**). В литературе к искам из посягательства на чужие права относят использование либо извлечение выгоды из чужой вещи или права без разрешения на то собственника вещи или обладателя права.⁸⁵ В качестве примера такого иска в литературе приводится парковка автомобиля в чужом месте без договора или нарушение прав интеллектуальной собственности.⁸⁶

Содержание кондикционного обязательства определяется так же, как и по российскому праву: на обогатившемся лице лежит обязанность вернуть потерпевшему полученную за его счет ценность, а при невозможности возврата – компенсировать ее рыночную стоимость, потерпевшему предоставляется корреспондирующее этой обязанности право получить такую ценность или ее рыночную стоимость.

Германская доктрина подходит широко к кругу благ, которые можно истребовать посредством кондикции: таковыми может быть любая ценность, имеющая денежную стоимость, в частности, вещи, имущественные права, запись в реестре, пользование вещью, услугой, получение секундарных прав, в том числе нематериальные блага (гудвилл, клиентала).⁸⁷ Предмет кондикции ограничен полученной ценностью либо ее рыночной стоимостью.

Сравнивая понятие «неосновательное обогащение» в германском праве и английском праве, ведущий цивилист Р. Циммерманн усматривал различие

⁸⁴ Медикус Д. Указ. соч. С.120-121.

⁸⁵ Медикус Д. Указ.соч.С.123.

⁸⁶ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т.2. М.:Международные отношения.2000. С.293-294.

⁸⁷ Dannemann G. The German Law of Unjustified Enrichment and Restitution. A Comparative Introduction, Oxford University Press, 2009. P. 25–29.

между ними по распределению бремени доказывания: по английскому праву бремя отсутствия основания для получения имущества лежит на истце (субъективный подход), а по германскому праву существует презумпция неосновательности обогащения (объективный подход).⁸⁸

Французский гражданский кодекс 1804 года (далее – «ФГК 1804 года»), следуя традиции римского права, прямо не предусматривает общих норм о возврате неосновательного обогащения, регулируя лишь один случай возврата недолжно уплаченного. На практике такое положение дел приводило к тому, что многочисленные случаи, связанные с возвратом неосновательно полученного, разрешались с помощью наиболее развитого института ведения чужих дел без поручения (*negotiorum gestio*).⁸⁹

Однако, квазидоговорная конструкция «ведение чужих дел без поручения» не могла охватить все случаи неосновательного обогащения, не подпадающие под действие норм ФГК 1804 года о возврате недолжно уплаченного. И в конце XIX века французская судебная практика пришла к необходимости введения общего иска о неосновательном обогащении, отличного от *negotiorum gestio*. Основные принципы общего иска о неосновательном обогащении, именуемого «**action de in rem verso**», были сформулированы в решении Кассационного суда от 15 июня 1892 г. по известному делу Будье (Bourdier).⁹⁰

В литературе выделяют следующие условия, необходимые для возникновения права на **action de in rem verso**:

1. Наличие обогащения одного лица за счет другого. Как указывает Жюллио де ла Морандьер Л., существенными моментами являются: а)

⁸⁸ Johnston D., Zimmermann R. Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective. – Cambridge University Press, 2002.P.5.

⁸⁹ Подробнее см. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т.2. М.:Международные отношения.2000. С.295.

⁹⁰ Подробнее см. обстоятельства дела Будье (1892). Приводит. по кн.: Цвайгерт К., Кетц Х. Там же. С. 297.

отсутствие вины истца в неосновательном обогащении ответчика; б) уменьшение имущества истца вследствие увеличения имущества ответчика.⁹¹

2. Отсутствие правового основания (sans cause legitime) означает, что обогащение не должно быть «основано на законе или на предшествующей обогащению юридической сделке, оправдывающей обогащение».⁹²

Выделяют также третье условие применения данного иска – резервность, понимая ее как недопустимость в случае, когда есть возможность для предъявления исков, основанных на других правовых основаниях: на договоре, деликте или законе.⁹³ Указанное условие является следствием субсидиарного характера иска *de in rem verso*, т.е. «вторичного характера» требования из неосновательного обогащения, в отличие от ранее рассмотренной германской модели генерального кондикционного иска.

Подводя итог, можно отметить, что субсидиарный характер французского общего иска о неосновательном обогащении напоминает действующее в России правило о субсидиарном применении норм о неосновательном обогащении, недопускающее конкуренцию кондикционным требованиям с виндикационным, договорным и деликтным исками при наличии условия для предъявления таких специальных требований.

В США принцип недопустимости неосновательного обогащения был сформулирован американскими судьями, которые обращались к правилам естественной справедливости при разрешении споров о возврате неосновательного обогащения в ущерб столь присущей английскому праву фикции подразумеваемого договора (**implied contract**). Теоретическим обоснованием такого подхода послужил курс Уильяма А. Кинера по праву

⁹¹ Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции // Пер. с фр. Е.А. Флейшиц. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Т. 2. С.489-490.

⁹² Жюллио де ла Морандьер Л. Указ.соч. С.490.

⁹³ Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 35. Саватье Р. Теория обязательств. М. «Прогресс». 1972. Пер. с франц. доктора юридических наук Р.О. Халфиной. С. 371.

квазидоговоров «A Treatise on the Law of Quasi-Contracts», который, по словам Дж. Палмера, «помог освободить американские суды от представления, что ответственность по квазидоговору так или иначе покоится на договоре».⁹⁴

Важнейшей вехой в развитии института реституции в американском праве служит издание в 1937 году Американским институтом права свода права реституции (Restatement of the Law of Restitution).⁹⁵ Как пишет один американский автор, составители свода – проф. Уоррен А. Сивей и Остин В. Скотт – преследовали цель создать целый институт права, объединив различные ранее никак не связанные между собой доктринальные концепции под одним общим началом – принципом недопустимости неосновательного обогащения.⁹⁶

Общее правило о недопустимости неосновательного обогащения закреплено в § 1 свода: «любое лицо, которое неосновательно обогатилось за счет другого лица, обязано по реституции перед другим лицом» (A person who is unjustly enriched at the expense of another is liable in restitution to the other).

С позиции доктрины американского права на понятие «реституция», последнее следует понимать двояко: как «обязательство» (obligation), универсальный способ защиты права (remedy). В первом понимании речь

⁹⁴ Цит. по кн.: Новак Д.В. Указ. соч. С. 126. Palmer G.E. History of Restitution in Anglo-American Law / International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. X. Restitution - Unjust Enrichment and Negotiorum Gestio. Tubingen, 1989. Ch. 3. P. 31 – 51.

⁹⁵ **Restatement of the Law** является важнейшим доктринальным источником современного американского права и представляет собой систематизированное, доктринальное и созидательное изложение основополагающих принципов (core principles) и руководящей правовой политики (underlying legal policy), разрабатываемое Американским институтом права (частной организацией ведущих американских и известных зарубежных юристов). В настоящее время имеется Restatement of the Law почти для всех отраслей права, в том числе для договорного и деликтного права, а также для права неосновательного обогащения, траста (trusts) и т.д. По своей природе Restatement of the Law не является ни «кодексом», ни «комментарием» к какому-то праву, ни «сводом права». Restatement of the Law не является обязательным источником права для суда; это только доктринальные принципы, а не нормы. (Цит. по статье Осаке К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика//Журнал российского права. 2005. №7. С.80).

⁹⁶ Sherwin Emily. Restitution and Equity: an Analysis of the Principle of Unjust enrichment//Texas Law Review.Vol.79:2083.2001. P.2083. Также см. опубликованные разъяснения составителей Seavey W.A., Scott A.W. Restitution. 213 Law Q. Rev. 29, 29 - 32 (1938).

идет о самостоятельном основании возникновения материально-правового обязательства наряду с другими основаниями, такими, как договор, деликт, *promissory estoppel* и т.д. Во втором понимании «реституция» понимается как универсальная мера ответственности за нарушение материально-правового обязательства, основанного на договоре, деликте, *promissory estoppel*, неосновательном обогащении и т.д.⁹⁷

Подобно легендарному труду Р.Гоффа и Г.Джонса «*The Law of Restitution*» в Англии, общепризнанным авторитетным доктринальным исследованием по праву реституции, в американском праве признаны работы Джорджа Палмера.⁹⁸

В англо-американской юридической литературе традиционно выделяют следующие три условия, необходимые для предъявления реституционного требования:

- 1) получение выгоды (*receipt of a benefit*);
- 2) обогащение за счет истца (*enrichment at the plaintiff's expense*);
- 3) отсутствие правомерного основания для удержания ответчиком полученной выгоды (*unjust retention of the benefit or unjust factor*).⁹⁹

Содержание первых двух условий схоже с аналогичными условиями ранее рассмотренных немецкой и французской модели неосновательного обогащения, т.е. обеднение истца является неизбежным следствием обогащения ответчика.

Наибольший интерес представляет третье условие – отсутствие правомерного основания для удержания ответчиком полученной выгоды или фактор неосновательности. На первый взгляд кажется, что так называемый фактор неосновательности сводится к *causa*, используемой в странах романо-

⁹⁷ Осаке К. Указ. соч. С. 77 – 78.

⁹⁸ См. Palmer G.E. *The Law of Restitution* (4 vols, Boston, 1978). А также *History of Restitution in Anglo-American Law//International Encyclopedia in Comparative Law. Vol.10. Restitution. Unjust enrichment and Negotiorum Gestio. Ch.3. Tubingen. 1989.*

⁹⁹ Brice Dickson. *Unjust Enrichment Claims: A Comparative Overview. The Cambridge Law Journal, Vol. 54, No. 1 (Mar., 1995). P.106.*

германской системы, и должен соответственно пониматься как отсутствие правового основания для обогащения лица. Однако, исследование англо-американской специализированной литературы показало, что это не так. Здесь под фактором неосновательности понимается различного рода пороки (дефекты) заключенного договора, которые впоследствии могут привести к одностороннему расторжению договора, признанию его недействительным либо полученного по нему исполнения незаконным.¹⁰⁰

В 2011 году было опубликовано третье издание книги *Restatement of the Law Third, Restitution and Unjust Enrichment*, наименование которой, помимо реституции, включало неосновательное обогащение, что свидетельствовало о признании самостоятельности данного института.

Проведенный сравнительно-правовой анализ неосновательного обогащения в праве Германии, Франции, Англии, США показал, что, несмотря на различия в правовой регламентации данного института, условия, необходимые для предъявления требования о возврате неосновательного обогащения, в целом совпадают. Имеются некоторые различия в подходах к понятию неосновательное обогащение: «реституция», сочетающая черты материального и процессуального права, в странах англо-саксонской правовой системы и «неосновательное обогащение» как институт материального права в странах континентальной системы права. Что касается правовой природы, то иностранная доктрина относит обязательства из неосновательного обогащения к особому рода внедоговорным обязательствам, не основанным ни на деликте, ни на договоре. В отличие от российского права, зарубежное законодательство не закрепляет специальных правил о соотношении кондикционного требования с иными требованиями о защите гражданских прав.

¹⁰⁰ Подробнее см. Осаке К. Указ. соч. С. 89-91.

§ 3. Проблема квалификации понятия «неосновательное обогащение».

Поскольку квалификация выступает первым этапом на пути поиска надлежащей коллизионной нормы, указывающей на подлежащее применению право к отношению из неосновательного обогащения, осложненному иностранным элементом,¹⁰¹ следует разрешить вопрос, связанный с толкованием юридических понятий, составляющих объем и привязку коллизионной нормы статьи 1223 ГК РФ.

В отношении обязательств из неосновательного обогащения большую сложность представляет квалификация понятия «неосновательное обогащение». Это обусловлено, во-первых, потенциальной «скрытой коллизией» между терминами «restitution» и «unjust enrichment», используемыми для обозначения обязательства из неосновательного обогащения, во-вторых, различиями в квалификации реституции: по праву стран общего права реституция относится к процессуальному институту, для стран континентально права характерна квалификация как института материального права, в-третьих, наличием «предварительного вопроса», связанного с тем, что обязательство из неосновательного обогащения, как правило, сопутствует основному правоотношению, вытекающему из договора, деликта, вещного права.

Как известно, в ходе правовой квалификации в международном частном праве принято выделять две стадии: *первичная квалификация*, направленная на уяснение содержания понятий, составляющих объем и привязку коллизионной нормы (имеет место до установления применимого права на основе коллизионной нормы), *вторичная квалификация* осуществляется для разрешения вопросов, возникающих в связи с

¹⁰¹ Под квалификацией для целей определения компетентного правопорядка принято понимать процесс толкования юридических понятий, содержащихся в объеме и привязке коллизионной нормы, путем соотнесения их с фактическими обстоятельствами дела. См. Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд. М.: Проспект. 2012. С. 138-139. Panagopoulos G. Restitution in Private International Law. Hart Publishing. Oxford Portland-Oregon.2000. P.27. Stephen G.A. Pitel, "Characterisation of Unjust Enrichment in the Conflict of Laws" in J. Neyers, M. McInnes and S. Pitel, eds., *Understanding Unjust Enrichment* (Oxford: Hart Publishing, 2004). P. 535.

применением норм избранного правопорядка, в том числе в целях установления его содержания (имеет место после применения коллизионной нормы). При этом, в англо-американской доктрине первичная квалификация подразумевала уяснение понятий лишь объема коллизионной нормы (основание иска – *cause of action*), не охватывая привязку.¹⁰² Толкование понятий привязки коллизионной нормы рассматривалось в качестве отдельного промежуточного этапа, который возникал в процессе применения коллизионной нормы и предшествовал уяснению правовых норм, регулирующих правоотношение, в рамках избранного правопорядка.

На стадии первичной квалификации обязательств из неосновательного обогащения, т.е. до момента, когда решена проблема выбора права, российский суд первоначально дает оценку фактического состава правоотношения, устанавливает его трансграничный характер и осуществляет толкование юридических понятий коллизионной нормы в соответствии с законом страны суда (*lex fori*).

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1187 ГК РФ «при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом». Таким образом, российское законодательство восприняло подход, основанный на квалификации юридических понятий по закону страны суда (*lex fori*), и суд при выяснении того, что является неосновательным обогащением, должен руководствоваться российским правом.

После определения применимого права на основании избранной коллизионной нормы («вторичная квалификация») суд осуществляет квалификацию понятия неосновательного обогащения в соответствии с применимым правом.

¹⁰² J.Falconbridge. *Essays of the Conflict of Laws*, 2 ed. Toronto, 1954. pp.112-153. J.Unger. *The Place of Classification in Private International Law* // В.У.,1937, 19. Привод. по кн.: Бирюкова Н.С. Проблема правовой квалификации в международном частном праве: дис...канд. юрид. наук. М., 2007. С.75.

Обязательства из неосновательного обогащения относятся к сложным видам внедоговорных обязательств. Это отчасти проявляется в том, что последствия в виде возврата неосновательно полученного могут возникнуть в связи с применением иного смежного института частного права «реституция».

Категория «реституция» широко применяется, прежде всего, в странах англо-саксонской правовой системы, при этом, сфера применения данного института во многом совпадает с неосновательным обогащением, а четких критериев для разграничения реституции и неосновательного обогащения иностранная доктрина не выработала.¹⁰³

Так, в странах англо-саксонской правовой системы реституция и неосновательное обогащение зачастую используются как идентичные понятия. Но есть и иная не менее противоречивая позиция, в силу которой по английскому праву реституция включает в себя три категории: неосновательное обогащение (*unjust enrichment*), реституция в силу правонарушения (*restitution for wrongs*), вещная реституция (*proprietary restitution*).¹⁰⁴

Вопрос о соотношении реституции и неосновательного обогащения остается неразрешенным и в отечественной доктрине.¹⁰⁵ В российском законодательстве понятие «реституция» не закреплено и используется доктриной и практикой для обозначения последствий признания сделки недействительной в виде возврата исполненного по такой сделке (односторонняя или двусторонняя реституция).

¹⁰³ См.: Peter Birks. *An introduction to the law of restitution*. Oxford. Clarendon Press, 1985. P. 16-22. P. Jeffrey. *The nature and scope of restitution*. Bloomsberg Publishing 2000. Hedley S. *Unjust enrichment as the basis of Restitution. An Overworked Concept // Legal Studies*. Vol. 5. 1985. P. 56. Dagan H. *The Law and Ethics of Restitution*, Cambridge University Press, 2004. P. 26.

¹⁰⁴ Подробнее см. Hill Jonathan, Chong Adeline. *International Commercial Disputes: Commercial Conflict of Laws in English Courts*. 4th ed. Hart Publishing. Oxford and Portland, Oregon. 2010. P. 609.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Гутников О.В. *Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания*. М., Бератор-Пресс. 2003. Рабинович Н.В. *Недействительность сделки и ее последствия*. Издательство Ленинградского университета. 1960. Хейфец Ф.С. *Недействительность сделок по российскому гражданскому праву*. М. Юрайт. 1999. Скловский К.И., Ширвис Ю.В. *Последствия недействительной сделки//Закон*. 2000. № 6.

Таким образом, понятие «реституция» известно правовым порядкам стран романо-германской правовой системы, в том числе и российскому праву, в совершенно ином значении, нежели в англо-американском праве.

Обозначенные национально-правовые различия в терминологии, употребляемой для обозначения обязательства из неосновательного обогащения: в странах англо-американского права используется термин “restitution”, а в странах континентального права - термин “unjust enrichment” могут стать причиной возникновения так называемой «скрытой» коллизии, когда одно и то же понятие используется в правовых порядках с разным значением (содержанием).¹⁰⁶

Для разрешения «скрытой коллизии» при квалификации понятий пунктом 2 статьи 1187 ГК РФ предусмотрено применение иностранного права, если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, не известны российскому праву или известны в ином словесном обозначении либо с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право». Это означает, что вопросы неосновательного обогащения, осложненного иностранным элементом, могут быть подчинены не иначе, как статуту договора, в сферу действия которого входят последствия недействительности сделки (ст. 1215 ГК РФ).

Вместе с тем, правило пункта 2 статьи 1187 ГК РФ, направленное на устранение конфликта квалификации, на практике может привести к неопределенности. Предполагается, что применение английского права к квалификации известного российскому праву, но с другим содержанием понятия «реституция», в рамках которого со-существуют вполне

¹⁰⁶ Под «скрытыми коллизиями» (ввел в научный оборот Ф.Кан) (или «конфликтом квалификаций», как называл Бартэн) понимались ситуации, когда одинаково словесно выраженные понятия, содержащиеся в коллизионной норме, имели различное содержание. Kahn F. *Gesetzeskollisionen: Ein Beitrag zur Lehre des Internationalen Privatrechts*, 1891. P. 19. *Bartin E. De l'impossibilite d'arriver a la suppression definitive des conflits de lois // Clunet*, 1897. P.225, 720.

самостоятельные правовые институты, привело бы в серьезное замешательство российского судью, который уже на предварительном этапе определения подлежащего применению права, по сути, должен обратиться к английской доктрине и судебной практике применения реституционных требований, что не совсем логично, ведь вопрос о выборе права до применения коллизионной нормы еще не решен и обязанности по установлению содержания иностранного права в силу п.1 ст.1191 ГК РФ у суда не возникло. Возможно именно по этим соображениям раздел 7 Модели Гражданского Кодекса для государств-участников СНГ,¹⁰⁷ послужившей основой для гражданских кодексов, в том числе раздела, посвященного международному частному праву, практически всех государств-членов СНГ,¹⁰⁸ предусматривает отдельную коллизионную норму для определения права, применимого к понятию «неосновательное обогащение». Такая коллизионная норма построена по модели односторонней, т.е. прямо указывает право соответствующего государства в качестве применимого правопорядка, что возможно явилось причиной исключения соответствующего правила из состава норм ныне действующего раздела 6 ГК РФ в свете тенденции постепенного исключения односторонних коллизионных норм из состава норм МЧП.

Понятия «реституция» и «неосновательное обогащение», используемые соответственно в странах общего права и романо-германского права, далеко не тождественны и рассматривать их как синонимы представляется неверным. В англо-американском праве термин «реституция» имеет несколько значений: в качестве «обязательства» (*obligation*), являющегося

¹⁰⁷ Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья (Принят 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3 – 84.

¹⁰⁸ См. Международное частное право. Иностранное законодательство// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. ст.1196 Гражданского кодекса Республики Узбекистан. С. 138. ст.1205 ГК Кыргызской Республики. С. 129. ст.1119 ГК Республики Казахстан. С.117. ст.1131 ГК Республики Беларусь. «Понятие неосновательного обогащения определяется по праву Республики Беларусь». С.89.

институтом материального права, либо как общее «средство защиты права» от нарушения обязательства (remedy), относящееся к процессуальному праву.¹⁰⁹ При этом, применительно к требованиям о возврате неосновательно полученного реституция выступает как процессуальное средство защиты права, правовым основанием для реализации которого служит неосновательное обогащение.

Квалификация по закону страны суда находит поддержку в английской доктрине, которая относит все связанные с неосновательным обогащением вопросы к средствам правовой защиты, а не к материальному праву и разрешает их на основе собственного процессуального закона.¹¹⁰ Соответственно, для целей выбора применимого права такое понимание «реституции» в странах англо-американской системы права как категории процессуального права означает обращение к закону страны суда (*lex fori*), исключая применение иностранного права.

Напротив, в странах романо-германской правовой системы, как и в российском праве, «реституция» определяется как институт материального права, что означает применение права, которому мог быть подчинен статут договора, признанного недействительного (*lex causae*).

Таким образом, квалификация правоотношения из неосновательного обогащения с точки зрения права романо-германской и англо-саксонской правовой системы может привести к различным результатам в отношении применимого права.

На протяжении длительного времени в зарубежных странах проблема квалификации не вызывала ни практического, ни теоретического интереса. В Англии в 30-е годы XX века данная проблема либо полностью

¹⁰⁹ Осаке К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика//Журнал российского права. 2005. №7. С. 77-78.

¹¹⁰ Bennet T.W. Choice of Law Rules in Claims of Unjust Enrichment. The International and Comparative Law Quarterly, Vol. 39, No. 1 (Jan., 1990). P.144.

игнорировалась английскими авторами (Дж. Чешир)¹¹¹ либо освещалась незначительно, оставляя много неясностей (Дж. Моррис).¹¹² Напротив, в США общие вопросы квалификации получили широкое освещение в работах А. Робертсона, Д. Фальконбриджа, Э. Лорензена.¹¹³ В странах романо-германской правовой системы вследствие длительного господства квазидоговора в обязательственном праве существовала неопределенность относительно квалификации обязательств из неосновательного обогащения, довольно часто необоснованно относимых к договорным обязательствам.¹¹⁴

Современная иностранная доктрина отмечает ряд сложностей, возникающих при квалификации обязательств из неосновательного обогащения. По мнению Т. У. Беннет, при квалификации отношений, возникших из неосновательного обогащения, мы имеем дела не столько с фактами, послужившими основаниями для требования о возврате неосновательного обогащения, сколько с нормами права, регулируемыми данные отношения.¹¹⁵

Квалификация фактического состава отношений из неосновательного обогащения, осложненных иностранным элементом, приобретает особую важность в связи с тем, что обязательство из неосновательного обогащения, как правило, сопутствует основному правоотношению, вытекающему из договора, деликта, вещного права. В связи с таким «сопутствующим» характером возникает вопрос, как следует квалифицировать неосновательное обогащение: по основному правоотношению, послужившему основанием для обращения с иском, и применять соответствующие коллизионные нормы либо в качестве самостоятельного основания иска, устанавливая применимое

¹¹¹ Дж. Чешир использовал для обозначения проблемы термин «классификация» ('classification'). G.C.Cheshire. Private International Law, Oxford, 6 ed. 1961. См. также M. Wolff. Private international law (1950).

¹¹² Gutteridge H.C., Lipstein K. Conflicts of Law in Matters of Unjustifiable Enrichment. The Cambridge Law Journal, Vol. 7, No. 1 (1939), pp. 81, 85. См. J. H. C. Morris. The Conflict of Laws (1984) and G. C. Cheshire and P. M. North. Private International Law (1979).

¹¹³ Robertson A., Characterization in the Conflict of Laws//Harv.U. Press 1940. P.129-143. Lorenzen E.G. The Theory of Qualifications and the Conflict of Laws //Col. L. Rev., 1920. P.271-274. Falconbridge J.D. Essay on Conflict of laws. Can. law book company. 1947. P. 86-96.

¹¹⁴ Gutteridge H.C., Lipstein K. Op.cit. P.85.

¹¹⁵ Bennet T.W. Op.cit. P.140.

право на основе специальной коллизионной привязки в области неосновательного обогащения.

Неправильная квалификация фактических обстоятельств на предмет соотнесения их со сферой действия того или иного статута, которым свойственны разные подходы на уровне международного частного права, в итоге может привести к применению ненадлежащей коллизионной нормы и, как следствие, установлению неверного применимого права на основе такой коллизионной нормы. Как известно, в сфере договорных обязательств действует принцип автономии воли сторон, в силу которого стороны вправе выбрать право, применимое к договору, в области вещных отношений господствует закон место нахождения вещи (*lex rei sitae*), для деликта основным правилом является закон места совершения правонарушения (*lex loci delicti commissi*).

На данном этапе развития международного частного права формирование универсального подхода к проблеме конкуренции статутов представляется невозможным. В связи с этим, первичная квалификация будет осуществляться *ad hoc* – индивидуально на основе конкретных обстоятельств каждого дела. Вместе с тем, по нашему мнению, наиболее эффективным способом является включение в раздел VI части третьей ГК РФ статьи о сфере действия статута обязательства из неосновательного обогащения, которая призвана разграничить конкурируемые статуты на уровне закона с учетом содержания и особенностей кондикционных обязательств. Подробнее данный вопрос рассмотрен в параграфе 3.2. главы 3 диссертации.

Джордж Панагопулос разделяет все факторы, вызывающие трудности квалификации, на две группы: 1) общие проблемы квалификации; 2) сложности, возникающие в связи с различным пониманием содержания понятия «неосновательного обогащения» в праве различных государств.¹¹⁶

¹¹⁶ Panagopoulos G.Op.cit. P.28.

В первом случае речь идет о существующих на сегодняшний день различных подходах к разрешению проблемы квалификации (квалификация по *lex fori*, по *lex causae*, автономная квалификация), которые очень подробно освещены как в зарубежной, так и отечественной доктрине международного частного права.¹¹⁷

Если национальные правовые системы исходят из квалификации неосновательного обогащения по закону страны суда, Регламент Рим II предписывает автономное толкование внедоговорного обязательства из неосновательного обогащения.¹¹⁸ С учетом отсутствия унифицированных правовых актов, содержащих общие, единообразные понятия обязательственного права, перспектива автономной квалификации отношений из неосновательного обогащения на основе сравнительного правоведения видится неопределенной. Кроме того, различия в выборе метода правовой квалификации зависят от того, какой орган (арбитр или судья государственного суда) столкнулся с проблемой квалификации обязательства из неосновательного обогащения. Так, если государственный суд, будучи частью системы государственных органов, руководствуется при рассмотрении дел национальным законодательством страны места нахождения суда, арбитраж, выполняя роль альтернативного способа разрешения споров, не связан публичными интересами какого-либо правопорядка, обращаясь к автономии воли сторон, либо коллизионным нормам, которые сочтет применимыми.

Что касается второго рода сложностей, вытекающих исключительно из содержания и структуры неосновательного обогащения, здесь необходимо более детально остановиться на уяснении генезиса проблемы. Из

¹¹⁷ См. Лунц Л.А. К вопросу о «квалификации» в международном частном праве // Советский ежегодник международного права, 1979. - М.: Наука, 1980. С.214-215. Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М.: Международные отношения. 2016. С.116-123.

¹¹⁸ Пункт 11 Преамбулы Регламента Рим II гласит: «Понятие внедоговорного обязательства является неодинаковым в разных государствах-членах. Поэтому в целях настоящего Регламента оно должно рассматриваться как автономное понятие. Содержащиеся в настоящем Регламенте правила в отношении конфликтов законов должны также распространяться на внедоговорные обязательства, основанные на ответственности без вины».

предшествующего анализа подходов отдельно взятых стран романо-германской и англо-американской систем права к правовой природе института неосновательного обогащения нетрудно заметить, что, несмотря на наличие в целом некоторых общих черт, содержание понятия обязательства из неосновательного обогащения по-разному понимается в правовых порядках различных государств.

В частности, в Германии обязательство из неосновательного обогащения представляет собой самостоятельный вид обязательства, в силу которого одно лицо, которое без законного основания вследствие исполнения обязательства другим лицом или иным образом за счет последнего приобрело какое-либо имущество, обязано возвратить этому лицу полученное. При этом, в странах романо-германской правовой системы, в том числе России, реституция рассматривается исключительно в контексте договорного обязательства для обозначения правового последствия недействительности сделки, заключающегося в возврате сторонами всего полученного по сделке, т.е. приведении сторон в первоначальное положение, существовавшего до признания сделки недействительной.¹¹⁹

В англо-американской доктрине существует неопределенность в понимании природы реституционного обязательства: некоторые считают, что они не составляют самостоятельного вида обязательства наряду с деликтом и контрактом, поскольку право реституции охватывает различные отрасли права.¹²⁰ Напротив, другие исходят из самостоятельности реституционных обязательств.¹²¹ В связи с этим, при квалификации осложненного иностранным элементом неосновательного обогащения возникает вопрос: универсальна ли коллизионная норма, подлежащая применению к

¹¹⁹ Johnston D., Zimmermann R. *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective*. – Cambridge University Press, 2002. P.12. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве : Автореферат дис. канд. юрид. наук. Томск, 1999. С.1-2.

¹²⁰ См. Hedley S. "Unjust Enrichment as the Basis of Restitution—An Overworked Concept" (1985) 5 *Legal Studies*. P.56, 58. Stoljar S.J. *The Law of Quasi-Contract*, 2nd ed. (Sydney, The Law Book Company Limited, 1989). P.1, 250.

¹²¹ A.Burrows. "Restitution: Where do We Go From Here?" (1997) *Current Legal Problems*.P. 95, 96.

реституционному обязательству, для вопросов, тесно связанных с ним, а именно недействительности или расторжения договора, возмещения причиненного вреда в рамках деликта и неосновательного перехода вещных прав т.п., либо для отдельного самостоятельного вопроса (договора, возмещение вреда, вопросы траста и др.) подлежит применению «своя» отдельная коллизионная норма.¹²²

Сложилось два подхода к определению предмета квалификации. Согласно первому подходу, реституция представляет собой единое понятие, охватывающее в целом все иные связанные с ней вопросы, касающие договора, деликта, оснований для оспаривания реституционного требования и т.п., и по отношению к ним рассматривается как *lex causae*, подчиняя их привязку к одной правовой системе. Согласно второму из них, каждому отдельному вопросу соответствует «своя» коллизионная привязка, что позволяет в наибольшей степени учесть специфику того или иного отношения.¹²³ Но следует учитывать, что все выше описанное относится к случаям, когда реституционное требование возникает не самостоятельно, а в неразрывной связи с договором или деликтом.

В английской доктрине до сих пор не выработано единое мнение о том, что именно составляет предмет квалификации: основание иска (*cause of action*), отдельный вопрос (*issue*), правовые нормы (*legal rules*).¹²⁴ Обычно под предметом квалификации принято понимать наиболее значимые фактические обстоятельства дела, образующие основание иска (*cause of action*). Основанием иска (*cause of action*) обязательств из неосновательного обогащения служат все три элемента реституции, а именно: 1) получение выгоды (*receipt of a benefit*); 2) обогащение за счет истца (*enrichment at the plaintiff's expense*); 3) фактор неосновательности (*unjust factor*). Если

¹²² Подробнее об этой дискуссии см. Pitel Stephen. "Characterisation of Unjust Enrichment in the Conflict of Laws" P.545-547.

¹²³ Panagopoulos G.Op.cit. P.37-40.

¹²⁴ Pitel Stephen. Op. cit. P. 536-537. Подробнее о дискуссии о том, что подлежит квалификации. Cheshire and North. Private International Law. 13th ed. Oxford. 1999. P.36. Bird J. "Choice of Law" in F.Rose (ed.). *Restitution and the Conflict of Laws* (Oxford, 1995). P.75

позволить проводить квалификацию каждого из этих условий в соответствии с законом страны, в котором имел место тот или иной признак, по образному выражению Джорджа Панагопулоса, трансграничные реституционные обязательства превратятся в нечто иное, как игру в лотерею.¹²⁵

В англо-американской доктрине первичная квалификация подразумевала уяснение понятий лишь объема коллизионной нормы (основание иска – *cause of action*), не охватывая привязку.¹²⁶

Джордж Панагопулос обращает внимание на еще одну проблему: несопадение существующего в рамках английского международного частного права некоторых элементов системы права с соответствующими институтами системы в английском внутреннем праве. Так, средства правовой защиты, доступные в соответствии с английским правом заявителю реституционного требования, могут носить как личный характер (*personal remedy*), так и иметь вещно-правовую природу (*proprietary remedy*). В то время как английские коллизионные нормы проводят четкую грань между вещным правом и обязательственным правом. Более того, некоторые вопросы, которые могут возникнуть в связи с реституционным обязательством, вообще не урегулированы английским международным частным правом, к примеру, это касается правонарушения по праву справедливости (**equitable wrongs**) и основанные на подразумеваемой доверительной собственности требования выгодоприобретателя об «отыскании» своего имущества (**tracing**).¹²⁷

Более того, по своему объему понятие «реституция» гораздо шире понятия «неосновательное обогащения», ведь с точки зрения англо-американской доктрины реституционное требование охватывает не только иск о возврате недолжно полученного за счет другого лица, что и составляет

¹²⁵ Panagopoulos G.Op.cit. P.40-41.

¹²⁶ Falconbridge J.D. *Essays of the Conflict of Laws*, 2 ed. Toronto, 1954. pp. 112-153. Unger J. *The Place of Classification in Private International Law* // В.У.,1937, 19. Привод. по кн.: Бирюкова Н.С. Проблема правовой квалификации в международном частном праве: дис....канд. юрид. наук. М., 2007. С.75.

¹²⁷ Panagopoulos G.Op.cit. P.28.

в понимании юриста континентальной Европы собственно неосновательное обогащение, но и иные самостоятельные требования, связанные с возмещением причиненного вреда или отношениями, основанными на институте так называемой доверительной собственности (*constructive trust*). Несовпадения обнаруживаются также и в условиях (предпосылках), необходимых для предъявления иска о возврате неосновательного обогащения. В частности, третье условие (отсутствие правового основания для обогащения), обычно предусмотренное в праве большинства стран континентальной Европы, по-иному понимается в англо-американской судебной практике.

Таким образом, в современной доктрине и практике международного частного права проблема квалификации обязательств из неосновательного обогащения остается одной из самых трудно разрешимых. С учетом сохраняющихся национально-правовых различий на правовую природу и содержание неосновательного обогащения представляется необходимым воспринять опыт Модели ГК для государств-членов СНГ, закрепив в статье 1223 ГК РФ одностороннюю коллизионную привязку для целей толкования понятия «неосновательное обогащение».

§ 4. Понятие трансграничного обязательства из неосновательного обогащения.

В трансграничных частноправовых отношениях неосновательное получение (приобретение или сбережение) имущества за счет другого лица без законного основания является основанием возникновения трансграничного обязательства из неосновательного обогащения. Можно выделить следующие черты рассматриваемых отношений:

1. Внедоговорный характер.

Регламент Рим II относит обязательства из неосновательного обогащения, вместе с обязательствами вследствие причинения вреда, действия в чужом интересе без поручения, «*culpa in contrahendo*» к числу

внедоговорных обязательств. При этом, ввиду того, что понятие внедоговорного обязательства является неодинаковым в разных государствах, в Регламенте Рим II внедоговорное обязательство рассматривается как автономное понятие.

В Модели ГК РФ для государств-членов СНГ имеется специальный параграф 6 «Внедоговорные обязательства», включающий в числе прочих обязательства из неосновательного обогащения.

ГК РФ не содержит раздел «внедоговорные обязательства», поместив главу 60, посвященную обязательствам вследствие неосновательного обогащения, в раздел IV «Отдельные виды обязательств». Несмотря на отсутствие легального разделения обязательств на договорные и внедоговорные, для целей правильной квалификации и определения надлежащего применимого права важно проводить различие между этими двумя группами обязательств.

Проблема разграничения договорных и внедоговорных обязательств остается одной из наиболее дискуссионных и трудноразрешимых в современной цивилистической доктрине. Выделяются следующие признаки внедоговорных обязательств, позволяющие отграничивать их от договора:¹²⁸

- возникают без согласования (или помимо) воли их участников;
- наступают не по соглашению сторон, а в силу юридических фактов, установленных в законе;

¹²⁸ Крюков В.С. Внедоговорные обязательства. М.: Лаборатория Книги. 2010. С. 7, 53. Носов В.А. Внедоговорные обязательства. Ярославль. 1987. С. 4, 10,11. Внедоговорные обязательства. Авторское, изобретательское и наследственное право. Отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: ВЮЗИ. 1980. С.33. Михайлич А.М. Внедоговорные обязательства в советском гражданском праве. Краснодар. 1982. С. 13. Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А., Якушев П.А. Договорное право. Под ред. Ю.Ф. Беспалова. М.: Закон и право. 2012. С. 503-525. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. Лит. 1975. С. 21-22. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юрид. лит. 1950. С. 381, 382. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Том II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут. 2011. С. 42, 1074-1075. Гражданское право. Учебник. В 3т. Том 1. 6-е изд. Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. С. 575. Пирцхалава Х.Д. Правовое регулирование внедоговорных трансграничных обязательств (на примере Российской Федерации и Испании). Дис...канд. юрид. наук. М.,2013. С. 23.

- в качестве юридических фактов, порождающих внедоговорное обязательство, могут выступать как правомерные, так и неправомерные действия (правонарушения) их субъектов;
- одностороннеобязывающий характер;
- направленность на восстановление нарушенного права и компенсацию потерь;
- содержание (права и обязанности сторон), их объем и характер определяются законом или волей субъекта этого обязательства, а и иногда лица, не являющегося участником данного обязательства.

Деление обязательств на договорные и внедоговорные по основаниям возникновения лежит в основе пандектной системы обязательственного права: договорные обязательства возникают на основе заключенного договора, а внедоговорные - из иных юридических фактов. Содержание договорных обязательств, главным образом, определяется соглашением лиц, участвующих в обязательстве и законом, содержание же внедоговорных обязательств – только законом или волей одной из сторон в обязательстве.¹²⁹

Иная классификация не на две, а на три группы предложена А.И. Масляевым: договорные, внедоговорные и возникающие из односторонних волевых актов.¹³⁰ Е.А. Суханов делит обязательства на три группы: 1) обязательства из сделок (договорные обязательства и обязательства из односторонних сделок); 2) правоохранительные (внедоговорные) обязательства (обязательства из деликтов и из неосновательного обогащения); 3) иные обязательства (обязательства, возникающие из юридических поступков и из событий).¹³¹

¹²⁹ Гражданское право. В 4 т. Том 3: Обязательственное право. Учебник. Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер. 2005. С. 22-23. Гражданское право. Учебник. В 3т. Том 1. 6-е изд. Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Изд-во Проспект, 2005. С. 575. Носов В.А. Указ. Соч. С.11.

¹³⁰ Гражданское право. Часть первая: Учебник/ Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юрист. 2007. С. 539.

¹³¹ Гражданское право. В 4 т. Том 3: Обязательственное право. Учебник. Отв. ред. Е.А. Суханова. С. 21.

С.Т. Максименко полагает, что в основе внедоговорных обязательств лежит не договор, а иной юридический факт: деликт, односторонняя сделка, административный акт, иные односторонние действия.¹³² Г.Д. Дмитриева отмечает, что возникновение внедоговорных обязательств не обусловлено соглашением между сторонами (договором); они возникают на основании других юридических фактов.¹³³

По мнению Х.Д. Пирцхалавы, основным признаком, который отличает внедоговорные обязательства от договорных, является их одностороннеобязывающий характер. Полагаем, что данный признак характерен для деликтных обязательств, в котором на одну сторону (причинителя вреда) возлагается обязанность возместить причиненный вред, а другая сторона (потерпевший) обладает только правом требовать возмещения такого вреда, и не может быть применим в отношении всех внедоговорных обязательств, в том числе обязательств из неосновательного обогащения. В частности, приобретатель имущества, выступающий должником в обязательстве из неосновательного обогащения, имеет не только обязанность возратить потерпевшему (кредитору) неосновательно приобретенное или сбереженное имущество либо возместить его стоимость вместе с доходами, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества, но и право требовать от потерпевшего возмещения понесенных затрат на содержание и сохранение такого имущества (статья 1108 ГК РФ).

В отличие от договорных, которые всегда являются результатом правомерных действий, внедоговорные обязательства могут возникать как в силу правомерных действий, так и в силу правонарушения. Вследствие этого, В.А. Носов считал, что внедоговорные обязательства могут быть как регулятивными, если такие обязательства не связаны с нарушением

¹³² Максименко С.Т. Внедоговорные обязательства в международном частном праве//Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): Сборник тезисов докладов. г.Саратов, 3-4 июня 2010 г. С. 159.

¹³³ Дмитриева Г.К. Новые подходы в правовом регулировании трансграничных внедоговорных обязательств по международному частному праву России//Lex Russica. 2006. № 6. С. 1106.

субъективных прав, так и охранительными, направленными на восстановление имущественной сферы потерпевшего лицом, неосновательно сберегшим или приобретшим имущество в результате правонарушения.¹³⁴ Данная позиция противоречила общепризнанному мнению советской доктрины, которая рассматривала внедоговорные обязательства, в том числе из неосновательного обогащения, как разновидность охранительных обязательств. О.С. Иоффе писал: «Обязательства же данной группы возникают вследствие неправомерных действий (например, причинение вреда) или отражают определенное объективно неправомерное состояние (например, неосновательное приобретение имущества, хотя бы и не в результате неправомерного поведения)». Несмотря на неправомерность действий или ситуации, приводящих к возникновению обязательств из причинения вреда и из неосновательного приобретения или сбережения имущества, сами эти обязательства служат правомерной цели — охране собственности, охране имущественных прав юридических и физических лиц.¹³⁵

По нашему мнению, обязательства из неосновательного обогащения могут охватывать как охранительные, так и регулятивные правоотношения, поскольку основанием их возникновения могут выступать не только неправомерные действия, но и правомерное поведение обогатившегося, потерпевшего, третьих лиц, а иногда и события, не зависящие от воли участников (данный вывод следует из пункта 2 статьи 1102 ГК РФ). В связи с этим, можно согласиться с В.А. Канашевским, указывавшим в качестве основания их возникновения как неправомерные, так и правомерные действия.¹³⁶ Кроме того, несмотря на восстановительно-компенсационную направленность рассматриваемых обязательств — защиту имущественных

¹³⁴ Носов В.А. Указ. соч. С. 14, 30,31.

¹³⁵ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 21-22.

¹³⁶ Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М.: Международные отношения. 2016. С. 770.

прав и интересов потерпевшего от посягательств на них со стороны обогатившегося, стороны обязательства из неосновательного обогащения могут самостоятельно регулировать взаимоотношения путем заключения соглашения о выборе права для установления своих прав и обязанностей (статья 1223.1 ГК РФ).

Помимо оснований возникновения, различия внедоговорной и договорной природы обязательств проявляются в вопросах о характере, объеме возмещаемых убытков, о формах и степени вины правонарушителя, значении вины потерпевшего. Регламент Рим II в качестве общего признака, объединяющего внедоговорные обязательства, определяет возмещение любого ущерба, являющегося результатом причинения вреда, неосновательного обогащения, действий в чужом интересе без поручения или «*culpa in contrahendo*».

Основным принципом договорной и внедоговорной ответственности является полное возмещение убытков, для взыскания которых требуется нарушение прав другого лица вне зависимости от договорного или внедоговорного основания иска. Вместе с тем, принципы, лежащие в основе возмещения таких убытков, в некоторых отношениях различны. При договорной ответственности возмещению подлежит «положительный» договорный интерес, предполагающий постановку потерпевшей стороны в положение, в которой она находилась бы, если бы договор был исполнен.¹³⁷ Напротив, внедоговорная ответственность направлена на восстановление имущественной сферы потерпевшего в том состоянии, в каком оно находилось до правонарушения.¹³⁸ Внедоговорные обязательства возникают

¹³⁷ Комаров А.С. Регулирование возмещения убытков при нарушении договора в коммерческом обороте стран с развитой рыночной экономикой и международной торговле: Состояние и тенденции: Дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. С.58,61.

¹³⁸ Сокурова Т.Ю. Особенности правового регулирования внедоговорных обязательств в международном частном праве (коллизийные вопросы)//Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5. С. 143.

в отсутствие договорной связи сторон и направлены, прежде всего, на привлечение правонарушителя к ответственности.

Вместе с тем, обязательства из неосновательного обогащения могут наступать в связи с договорными отношениями сторон как следствие отпадения основания в результате недействительности или незаключенности договора и поэтому могут носить смешанный характер: в случае ошибочного платежа недолжного «тяготеют» к договору, во всех иных случаях они направлены на защиту прав и интересов потерпевшей стороны от неправомерного перемещения имущественных благ, т.е. возникают вне зависимости от договорного основания, что сближает их с деликтом. Такая сложная природа отношений из неосновательного обогащения ведет свое начало к римско-правовой традиции, следуя которой законодательство некоторых стран романо-германской правовой системы (к примеру, Франции, Бельгии) именует обязательства из неосновательного обогащения квазидоговорными («как бы из договора» - *quasi ex contractu*). Сущность квазидоговорного обязательства определил американский профессор А.Л. Корбин как обязательства, которые не основаны ни на договоре, ни на деликте, приводимые в исполнение либо путем возврата в натуре либо путем возмещения стоимости неосновательного обогащения. При этом, отмечалось, что квазидоговор обладает двумя неизменными признаками, отличающими его от договора и деликта: 1) отсутствие соглашения сторон (the lack of agreement); 2) характер возмещаемых убытков (the character of the remedy). Как считает А.Л. Корбин, объем возмещения по квазидоговорному обязательству включает не только возврат имущества в натуре, компенсационные убытки, но и иные способы защиты.¹³⁹ Следовательно, в контексте традиционного деления убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду по требованию о возврате неосновательного обогащения объем возмещения, на который вправе рассчитывать потерпевшая сторона,

¹³⁹ Corbin A.L. Quasi-Contractual Obligations//The Yale Law Journal. Vol. 21, No. 7 (May 1912). P. 537, 550, 551.

включает потери, которые были понесены в результате факта обогащения, в том числе расходы, направленные на компенсацию (восстановление) имущества потерпевшего до обогащения, а также полученные доходы, которые были извлечены из имущества обогатившимся лицом, т.е. представляет собой реальный ущерб.

Судебная практика Европейского союза влияет на формирование подходов к квалификации внедоговорных обязательств из неосновательного обогащения. Так, в деле *Masdar (UK) Ltd. v. Commission of the European Communities* субподрядчик подал против заказчика иск о возмещении убытков, понесенных вследствие не получения оплаты оказанных услуг и процентов, по правилам о внедоговорной ответственности. По материалам дела субподрядчик Masdar, не получив оплаты оказанных услуг от генподрядчика Helmico по двум субподрядным контрактам, обратился в Суд Европейских Сообществ к Комиссии, с которой договорные отношения отсутствовали. Основанием иска явилась внедоговорная ответственность, базировавшаяся на неосновательном обогащении (*unjust enrichment – de in rem verso*), действиях в чужом интересе без поручения (*negotiorum gestio*), неправомерном поведении Комиссии. При квалификации природы спорных правоотношений, суд пришел к выводу, что таковые действия не относятся к внедоговорным. Внедоговорные обязательства не во всех случаях требуют такого признака, как противоправность или вина в поведении ответчика. Признавая внедоговорную природу требований из неосновательного обогащения, при этом, суд постановил, что кондикционные требования не подпадают под действие правил о внедоговорной ответственности в строгом смысле, которые возникают при наличии следующих условий: противоправность поведения Комиссии, предполагаемые убытки, причинно-следственная связь между поведением Комиссии и убытками. По определению суда единственным признаком, необходимым для возникновения внедоговорного обязательства из неосновательного обогащения, является отсутствие действительного правового основания для

обогащения (*no valid legal basis for the enrichment*): лицо, которое понесло потери, на которые увеличились ценности другого лица в отсутствие правового основания для такого обогащения имеет право, по общему правилу, требовать от обогатившегося лица возврата суммы потерь. Поскольку между Комиссией и Хельмико, с одной стороны, и между Хельмико и Масдар, с другой стороны, имеются договорные правоотношения, суд квалифицировал спорные отношения как возникшие в рамках договора и не подпадающие под категорию неосновательного (*unjust*) обогащения.¹⁴⁰ Таким образом, по мнению Суда Европейских Сообществ, необходимым условием внедоговорного обязательства из неосновательного обогащения является отсутствие действительного правового основания для обогащения.

Особое значение разграничение договорной и внедоговорной природы обязательства приобретает в свете отмеченной в Концепции развития гражданского законодательства необходимости расширения круга внедоговорных обязательств, в отношении которых ГК РФ предусматривается коллизионное регулирование.¹⁴¹

В последние годы отмечается распространение общих положений обязательственного права, ранее относимых исключительно к правовому режиму договорных обязательств, в частности, касающих уступки прав и передаче обязательств, зачета, исковой давности, на обязательства внедоговорного характера. Примером такого широкого толкования служат отдельные правила Принципов международных коммерческих договоров

¹⁴⁰ Решение суда первой инстанции от 16 ноября 2006 года по делу T-333/03 Masdar (UK) Ltd. v. Commission of the European Communities. Решение Большой Палаты суда ЕС от 16 декабря 2008 года по делу C-47/07 P Masdar (UK) Ltd. v. Commission of the European Communities. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1451840815951&uri=CELEX:62003TJ0333>; <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1452190895358&uri=CELEX:62007CJ0047> (дата обращения: 19.01.2016).

¹⁴¹ «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. № 11, ноябрь. 2009.

2010 года.¹⁴² В качестве иллюстрации соотношения Принципов к «материи» внедоговорного обязательства В.П. Звеков приводит случай, связанный с различиями в применении срока исковой давности в зависимости от квалификации отношения (реституция или неосновательное обогащение): «Банк **В** дает кредит заемщику **А**, который не выплачивает долг в срок, предусмотренный в кредитном соглашении. Долг **А** был упущен из виду и забыт из-за бухгалтерской ошибки со стороны **В**. Через четыре года **В** обнаруживает ошибку и посылает **А** уведомление об уплате долга. **А** выполняет это требование, но позднее он узнает от адвоката, что мог бы отказаться платить в связи с пропуском срока исковой давности. **А** не может потребовать от **В** возврата платежа как неосновательного обогащения».¹⁴³

2. Восстановительная функция.

Функциональное предназначение обязательств из неосновательного обогащения состоит в восстановлении имущественной сферы потерпевшего лицом, обогатившимся за счет имущества без законного основания. Это связано с общепринятым суждением о том, что в основе института неосновательного обогащения лежат идеи справедливости, заложенные в римском частном праве (*aequitas*).¹⁴⁴ С учетом этого, данные обязательства в наибольшей степени связаны с такими оценочными категориями, как мораль, нравственность, справедливое распределение материальных благ, равноценное возмещение.

3. Трансграничный характер (наличие иностранного элемента).

Ключевым признаком трансграничного обязательства из неосновательного обогащения для целей коллизионного регулирования

¹⁴² Принципы УНИДРУА в первоначальной редакции были опубликованы в 1994 году. Вторая редакция, которая представляет новый, дополненный вариант Принципов 1994 года, была издана 2004 году. По состоянию на 2015 года действует третья редакция этого документа 2010 года. Текст Принципов УНИДРУА 2010 года на русском языке в переводе д.ю.н., профессора А.С. Комарова доступен на официальном сайте УНИДРУА: URL: <http://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf> (дата обращения: 19.01.2016).

¹⁴³ Приведен по кн. Звеков В.П. Отдельные виды обязательств в международном частном праве. Под ред. В.П. Звекова. Статут. 2008. СПС «КонсультантПлюс». См. комментарий к ст. 10.1 Принципов УНИДРУА 2010 г. С. 371-372.

¹⁴⁴ Новак Д.В. Указ. соч. С. 1-2.

является наличие в таком обязательстве иностранного элемента. Как отмечает авторитетный коллизионист В.П.Звеков, именно «наличие в частноправовом отношении, возникающем в международной жизни, иностранного элемента обуславливает постановку коллизионного вопроса»,¹⁴⁵ подлежащего разрешению путем обращения к коллизионной норме, определяющей, праву какой страны подчиняется то или иное правоотношение. По мнению Г.К.Дмитриевой, именно иностранный элемент придает частноправовым отношениям новое сущностное качество, которое порождает потребность в особых приемах и средствах правовой регламентации.¹⁴⁶

Для обозначения частноправовых отношений, выходящих за пределы юрисдикции одного государства и связанных по меньшей мере с двумя различными правопорядками, некоторыми авторами предлагается использовать критерий «трансграничности».¹⁴⁷ При этом, подавляющее большинство представителей российской доктрины международного частного права сходятся во мнении о том, что использование термина «международное» для обозначения отношений, составляющих предмет международного частного права, неудачно в силу его многозначности и, как следствие, вероятности смешения норм различной системной принадлежности: международного публичного права, направленного на регулирование межгосударственных отношений, и международного частного права, предметом которого служат имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, с участием субъектов частного права.¹⁴⁸

¹⁴⁵ Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Н.И.Марышева. 3-е изд. М.:Волтерс Клувер. 2011. (автор главы – В.П.Звеков). С.4.

¹⁴⁶ Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд. М.: Проспект. 2012. С. 11.

¹⁴⁷ Возможность использования терминологии «трансграничных отношений» допускает Г.К.Дмитриева. См.: Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М.: Проспект. 2012. С. 11. Ранее В.П. Звеков называл такого рода отношения транснациональными.

¹⁴⁸ На указанное обстоятельство обращал внимание Л.А.Лунц. См.: Курс международного частного права. Общая часть. Изд-во «Юридическая литература». 1973. С.42.

Представляется, что для научных целей использование термина «трансграничное обязательство из неосновательного обогащения» по аналогии с категорией «трансграничная сделка», «трансграничная несостоятельность», «трансграничное причинение вреда» вполне допустимо. В связи с этим важно определиться с понятийным аппаратом, для чего и предлагается дать определение и установить содержание понятия «трансграничное обязательства из неосновательного обогащения» с точки зрения международного частного права.

Само понятие «трансграничное обязательство из неосновательного обогащения» не вошло в научный оборот. В теории международного частного права специфика трансграничности данного вида обязательственных отношений подразумевается и поэтому для их обозначения используются существующие в материальном праве наименования: в западных изданиях – «реституционные или квазидоговорные обязательства»,¹⁴⁹ в отечественной литературе встречается традиционное наименование «обязательства из неосновательного обогащения».¹⁵⁰

Однако, для целей определения права, подлежащего применению, правильным и логичным было бы обращение к законодательному инструментарию и в соответствии со ст. 1186 ГК РФ именовать их обязательствами из неосновательного обогащения, осложненными иностранным элементом.

Как следует из анализа ст. 1186 ГК РФ, применительно к обязательствам вследствие неосновательного обогащения иностранный элемент может присутствовать в случаях, когда одной из сторон такого

¹⁴⁹ См. Dicey A. and Morris J. Conflict of laws. London. Stevens & Sons Limited. 1967. Ch.29. P. 903. Вольф М. Международное частное право. Под ред. Л.А.Лунц. Изд-во Иностранной литературы. 1948. С.530. A.Ehrenzweig. Restitution in the Conflict of Laws. 36 N.Y.U. L. Rev. 1961. P.1297. Falconbridge J.D. Op.cit. P.356. Gutteridge H.C., Lipstein K. Op.cit. P.80. Иссад М. Международное частное право. Пер. с фр. Под ред. М.М.Богуславского. 1989. С.186.

¹⁵⁰ Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С.660. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. 1924. С.94. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. С-Петербург. ЮрЦентр Пресс. 2004. С. 454.

обязательства выступает иностранное физическое или юридическое лицо либо само неосновательное обогащение, выраженное в определенном имуществе или сумме денежных средств, находится за рубежом, либо действие или событие, повлекшее неосновательное обогащение, имело место за границей либо неосновательное обогащение связано с иным уже существующим или предполагаемым между сторонами правоотношением, подчиненным иностранному праву.

Как отмечается в доктрине, ни ГК РФ, ни иные акты российского законодательства не определяют понятие «иностранный элемент».¹⁵¹ Содержание категории «иностранный элемент» остается дискуссионным в российской и зарубежной доктрине международного частного права. Некоторые отечественные авторы пытаются объяснить сущность категории «иностранный элемент» через связь отношения с различными правопорядками. Так, В.В.Кудашкин полагает, что критерием выделения иностранного элемента является такая связь отношения с несколькими правовыми системами, которая имеет направленность вовне одной правовой системы и независима от национально-правовых систем.¹⁵² Однако, представленная указанным автором точка зрения обоснованно критикуется в литературе в связи с допущенным смешением причин возникновения иностранного элемента и иностранного элемента как правового понятия.¹⁵³

На сегодняшний день принято выделять три вида иностранного элемента в составе правоотношения:

- 1) субъект отношения – иностранное физическое или юридическое лицо.
- 2) объект отношения – имущество, находящееся за рубежом.

¹⁵¹ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части третьей. Под ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. 3-е издание. «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М». 2010// СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵² Кудашкин В.В. К вопросу об иностранном элементе в гражданском отношении // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵³ Гафаров С.Э. Проблема иностранного элемента в международном гражданском процессе // Вестник ВГУ. Серия Право. №2.2007. С. 95.

3) юридический факт, имевший место за границей.¹⁵⁴

Выше приведенные виды иностранного элемента относятся к наиболее распространенным на практике его проявлениям, поскольку ст. 1186 ГК РФ, предусматривая существование гражданско-правовых отношений с «иным иностранным элементом», закрепляет лишь примерный перечень возможных проявлений иностранного элемента. Гражданское-правовое отношение может содержать один и более иностранных элементов, при том, в любых их сочетаниях.¹⁵⁵ Поскольку закон не определяет, что следует понимать под «иным иностранным элементом», следует иметь в виду, что иной иностранный элемент должен отвечать критерию существенности, в противном случае отношение, полностью подпадающее под регулирование одного правопорядка, может быть признано осложненным иностранным элементом исключительно по формальному признаку: составление договора на иностранном языке или определение иностранной валюты долга/платежа.

Первый элемент – субъект правоотношения, когда одна из сторон отношения из неосновательного обогащения является иностранным физическим или юридическим лицом. Здесь иностранный элемент проявляется в зависимости от места жительства или место нахождения лица, вступающего в правоотношение.¹⁵⁶ Проявление иностранного элемента в субъекте традиционно встречается наиболее часто и, как правило, дополняет разнообразные случаи трансграничного неосновательного обогащения: к примеру, излишняя уплата, сделанная гражданином государства А при покупке какой-либо вещи на территории государства Б, платеж ненадлежащему лицу путем перечисления денежных средств со счета, открытого гражданином государства Х, на банковский счет гражданина Y,

¹⁵⁴ Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М. Международные отношения. 2016. С.15.

¹⁵⁵ Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2011 (автор главы - В.П. Звекон). С.2.

¹⁵⁶ Бендевский Траян. Международное частное право. Учебник. Пер. с македонского С.Ю.Клейн. Отв. ред. Е.А.Суханов. М.: Статут. 2005. С.188.

возврат недолжно исполненного по недействительной сделке, заключенной с иностранным лицом.

Второй элемент – объект правоотношения, когда предметом является имущество, находящееся за границей. Иллюстрацией служат следующие примеры: возврат полученного вследствие невозможности исполнения (доктрина «тщетности» договора) или ненаступления отлагательного условия, возмещение потерь в связи с не завершением переговоров о заключении между гражданами одного государства договора купли-продажи недвижимого имущества, находящегося в другом государстве, либо изготовление вещи, находящейся в одной стране, из чужого материала (спецификация), поставляемого из другой страны. Если предметом тщетного договора или спецификации служит недвижимое имущество, при отсутствии соглашения стороне о выборе права законодательство подавляющего большинства государства подчиняет такое правоотношение закону местонахождения имущества (*lex rei sitae*).¹⁵⁷

Третий элемент – юридический факт, с которым связано возникновение, изменение или прекращение правоотношения вследствие неосновательного обогащения. Здесь речь идет о месте совершения самого факта неосновательного обогащения, который может проявиться в месте получения недолжно уплаченного (платеж несуществующего долга либо ненадлежащему лицу) в одном государстве между гражданами другого государства в связи с платежной транзакцией в третьем государстве либо в месте одностороннего отказа от исполнения или заключения соглашения о расторжении договора, возврат ранее исполненного по которому определяется по закону страны, которому был подчинен договор. При этом, как будет показано в главе 3, привязка «закон места неосновательного обогащения» допускает неоднозначное толкование, когда под ним

¹⁵⁷ Ст. 1213 ГК РФ, Ст. 119 Закона Швейцарии о международном частном праве, пар. 26 Указа Венгрии о международном частном праве, Ст. 19 Гражданского кодекса Египта (Вводный титул) и т.д.

понимается не только место приращения имущества, но и место локализации действия или события, повлекшее такое приращение.¹⁵⁸

Вышеизложенная модель опирается на выдвинутую Л.А.Лунцем концепцию гражданского правоотношения, осложненного иностранным элементом.¹⁵⁹

Однако, при обращении к истокам учения о правоотношении в международном частном праве, можно установить, что данная позиция разделялась не всеми авторами. Так, советский ученый А.А.Рубанов подверг критике теорию Л.А. Лунца, полагая, что иностранные элементы не входят в структуру правоотношения, а «лишь указывают на внешние связи с другими общественными отношениями».¹⁶⁰ Поэтому А.А.Рубанов предложил именовать отношения, составляющие предмет международного частного права, как «имущественные отношения, обладающие иностранной характеристикой».¹⁶¹ На современном этапе в работах многих известных специалистов преобладает точка зрения, согласно которой категория «иностраный элемент» и элементы правоотношения, к которым относятся субъект, объект и содержание (права и обязанности сторон), образуют явления разного порядка и смешивать их неправильно.¹⁶²

Как считает А.Л.Маковский, локализованный за границей юридический факт, не будучи вообще элементом правоотношения, тем не менее, может признаваться иностранным элементом, используемым в международном частном праве исключительно в прикладных целях – для «квалификации в законе той категории гражданских правоотношений, к которым можно применять не только отечественное, но и иностранное

¹⁵⁸ Толстых В.Л. Указ. соч. С. 456.

¹⁵⁹ Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. С. 26 – 27.

¹⁶⁰ Рубанов А.А. Имущественные отношения в международном частном праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 32.

¹⁶¹ Рубанов А.А. Там же.

¹⁶² Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве// СПС «КонсультантПлюс». Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части третьей. Под ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. В.А. Канашевский. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. - М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 32.

право».¹⁶³ По мнению В.А. Канашевского, использование юридического факта как иностранного элемента допустимо в структуре отношения, а не правоотношения, подвергнутого регулированию нормами права, в противном случае, как считает указанный автор, искажается концепция правоотношения.¹⁶⁴

Зарубежная доктрина определяет лишь случаи, когда иностранный элемент имеет место, подробно не раскрывая содержания данной категории. Так, М.Иссад пишет, что нормы международного частного права регулируют возникающее между двумя лицами правоотношение, имеющее связи с двумя и более странами.¹⁶⁵ Дж. Чешир считает, что иностранный элемент обнаруживается «когда рассматриваемый судом вопрос касается факта, события или сделки, находящихся в столь тесной связи с иностранной правовой системой, что возникает потребность обратиться к этой системе».¹⁶⁶ В некоторых зарубежных изданиях наряду с термином «иностраннный элемент» встречается также понятие «международный элемент».¹⁶⁷

На основании изложенного, трансграничные обязательства из неосновательного обогащения можно определить как возникающие не по воле их участников и осложненные иностранным элементом обязательства, в основании которых могут лежать как правомерные, так и неправомерные действия стороны (самого потерпевшего или обогатившегося лица), третьих лиц, либо не зависящие от воли его участников события, в силу которых одна сторона (обогатившееся лицо) обязана возратить другой стороне (потерпевшему) неосновательно полученное за счет последнего без правового основания имущество, в частности, в случае, когда обогатившееся лицо и/или потерпевший является иностранным лицом; имущество,

¹⁶³ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части третьей. Под ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁴ Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. - М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 32.

¹⁶⁵ Иссад М. Указ. соч. С.14.

¹⁶⁶ Cheshire G.C. Private International Law. P.5.

¹⁶⁷ Бендевский Траян. Указ. соч. С. 187.

составляющее неосновательное обогащение, находится на территории иностранного государства; факт (результат) неосновательного обогащения либо действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение, имеют место за границей; неосновательное обогащение связано с иным существующим или предполагаемым между сторонами правоотношением, подчиненным иностранному праву.

Глава 2. КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ.

Законодательство зарубежных государств неодинаково регулирует вопросы разрешения коллизии законов в отношении обязательств из неосновательного обогащения. Рассмотрим особенности правового регулирования обязательств из неосновательного обогащения в иностранном коллизионном праве отдельных стран романо-германской и англо-саксонской правовых систем.

§ 1. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, на примере Германии и Швейцарии.

Коллизионные правила определения права, подлежащего применению к кондикционным обязательствам, закреплены в Законе о международном частном праве для внедоговорных обязательственных отношений и вещей от 21 мая 1999 года, который дополнил действовавший на тот период Вводный закон к ГГУ статьями 38-46 «Внедоговорные обязательственные отношения» и «Вещное право». До принятия указанного Закона о международном частном праве от 21 мая 1999 года, в германском праве отсутствовали коллизионные нормы, регулирующие отношения из неосновательного обогащения. Этот пробел законодательства восполняла германская правовая

доктрина, исходящая из подхода, основанного на применении закона страны, которому подчинено существующее между сторонами договорное или иное правоотношение, в связи с которым возникло обязательство из неосновательного обогащения (*law of the underlying relationship или lex causae condictiois*).¹⁶⁸ Как отмечают авторы Х. Гаттеридж и К. Липштейн, ранее надлежащим правом порядком служил закон местонахождения имущества, если основание иска касалось земельного участка (*lex rei sitae*) или иного недвижимого имущества, или закон места исполнения договора, если основанием иска служил договор, или закон места совершения юридически значимого действия (*lex loci actus*) во всех иных случаях.¹⁶⁹ Подход, основанный на применении закона, которому подчинено существо правоотношения из неосновательного обогащения (*lex causae of unjust enrichment*), представляется вполне оправданным, поскольку подавляющее большинство исковых требований о возврате неосновательного обогащения касаются излишне или недолжно уплаченных денежных средств в рамках уже заключенного договора или иного возникшего правоотношения. Как отмечается в литературе, основным преимуществом данного подхода является устранение проблемы квалификации путем отыскания общего элемента, присутствующего во всех случаях неосновательного обогащения – сбалансирование неравномерного перемещения имущественных благ от одного лица к другому, и, тем самым, обеспечение единообразия при определении применимого права.¹⁷⁰

Отсюда следует, что если требование о взыскании неосновательного обогащения возникает в связи с договорным правоотношением, то

¹⁶⁸ Hay Peter. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d.// The American Journal of Comparative Law, Vol. 26, No. 1. 1978. P.2,43. Bennet T.W. Choice of Law Rules in Claims of Unjust Enrichment. The International and Comparative Law Quarterly, Vol. 39, No. 1 (Jan., 1990). P.146, 157. Раапе Л. Международное частное право. Пер. с нем. М.А.Гурвича. Под ред. Л.А.Лунца. М.1960. С. 498-499. В качестве примера приведены случаи возврата дара ввиду неблагоприятности одаряемого (применимое право - статут дарения), возврата несуществующего долга в силу ничтожности договора по договорному статуту.

¹⁶⁹ Gutteridge H.C., Lipstein K. Conflicts of Law in Matters of Unjustifiable Enrichment. The Cambridge Law Journal, 1939. Vol. 7, No. 1. P.86. Bennet T.W. Op.cit. P.152.

¹⁷⁰ Hay Peter. Op.cit. P.6. 17. О преимуществе данного подхода высказывалась Bennet T.W. Op.cit.P.146.

применимым к такому требованию будет право, которому подчинен договор в соответствии с тем или иным коллизионным методом (закон наиболее тесной связи, автономия воли сторон, принцип «взвешивания» контактов с различными правовыми системами, установление «подразумеваемого» выбора права (*hypothetischer Parteiwille*) и т.п.); если такое требование вытекает из деликта, то вопросы о допустимости и объема возмещения, взыскиваемого с причинителей вреда, определяются по закону, применимому к деликтному обязательству, а если, при этом, совершенный деликт сопряжен с несанкционированным использованием или посягательством на чужое имущество, то право, применимое к деликту, совпадет с законом местонахождения имущества.¹⁷¹

Для целей отыскания применимого права американский автор Питер Хей на основе сравнительно-правового анализа коллизионных правил германского права и американского Второго Свода законов о конфликте законов 1971 г. разделил все требования о взыскании неосновательного обогащения на три категории:¹⁷²

- I. требования, вытекающие как из действующего, так и из предполагаемого договора, а именно в связи с:
 - а) несостоятельностью (тщетностью) договора, невозможностью его исполнения, его недействительностью или расторжением;
 - б) применимостью квазидоговорного средства правовой защиты в пользу истца, лишенного права взыскать убытки по договору ввиду отсутствия «достаточного исполнения» со своей стороны;
 - в) суброгацией по договору;
 - г) участием третьих лиц (при невозможности встречного предоставления или предъявления к зачету встречного требования, возникшего из основного договора);

¹⁷¹ Hay Peter. Op.cit. P.2.

¹⁷² Hay Peter. Op.cit. P.7,8, 24-27.

е) произведенной переплатой или двойной оплатой в счет исполнения обязательства.

II. требования, возникающие вследствие получения имущественной выгоды за счет другого лица (действия в чужом интересе без поручения – *negotiorum gestio*). К данной категории относятся предоставление материальных благ другому, в том числе оплата одним лицом чужого долга, дарения в пользу третьего лица, улучшения земельного участка, произведенные в период законного владения им.

Германское право традиционно определяет правовой режим улучшений по закону местонахождения имущества в той мере, в какой они относятся к неосновательному обогащению в целом и не рассматриваются как часть права собственности.¹⁷³ Оплата чужого долга подчиняется праву, применимому к такому долгу. Аналогичным образом разрешается проблема выбора права в случае дарения в пользу третьего лица.

III. требования, возникающие в связи с деликтным обязательством, могут возникнуть в связи с возмещением работникам, совместным причинением вреда, суброгацией ответственности, незаконным присвоением имущества.

Вопрос о незаконном присвоении имущества (*conversion*) порождает на практике трудности с квалификацией правоотношения, поскольку в зависимости от конкретных обстоятельств дела данный вопрос может рассматриваться в контексте деликта либо договора либо вещного права. Германская юриспруденция выделяет разного рода случаи, касающиеся недозволенного использования одним лицом чужого имущества. В случае использования материального имущества, право, подлежащее применению, определяется по месту нахождения имущества, совпадающего с местом

¹⁷³ Zweigert & Müller-Gindullis. «Quasi-Contracts» *International Encyclopedia of Comparative Law* ch. 30 (1974). P. 30-35 and 30-36.

совершения деликта. Однако, в случае использования нематериальных активов (*intangible property*) установление права, подлежащего применению, вызывает затруднения ввиду того, что место совершения действия, место обогащения и место причинения вреда не совпадают.¹⁷⁴

Как отмечает Питер Хей, *lex causae* подлежит конкретизации применительно к различным ситуациям требований из неосновательного обогащения; установить единое коллизионное правило для всех случаев неосновательного обогащения невозможно... однако, именно при разработке конкретных критериев *lex causae* возникают трудности.¹⁷⁵ На практике возникает неясность, какие обстоятельства должны быть приняты во внимание для целей определения права, подлежащего применению. Как указывает Т.У.Беннет, возможное разрешение проблемы путем установления примерного перечня коллизионных привязок для тех или иных случаях представляется слишком механическим, поскольку не позволяет учитывать специфику каждой конкретной ситуации.¹⁷⁶

Вместе с тем, применение закона, которому подчинено существо правоотношения, к квазидоговорным обязательствам не нашло всеобщую поддержку. Критика данного подхода сводилась к тому, что квазидоговорное основание иска возникает отдельно и абсолютно независимо от договора и, соответственно, применение закона, которому подчинен договор, представляется нелогичным.¹⁷⁷ Вместе с тем, вопрос о том, следует ли рассматривать кондиционный иск как самостоятельное средство правовой защиты либо как вытекающий из договорного требования, продолжает оставаться дискуссионным.¹⁷⁸

Заслуживает отдельного внимания вопрос о праве, подлежащем применению к отношениям из неосновательного обогащения с участием

¹⁷⁴ Hay Peter. Op. cit. P.30.

¹⁷⁵ Hay Peter. Op.cit. P.43.

¹⁷⁶ Bennet T.W. Op.cit. P.158.

¹⁷⁷ Cohen S. Quasi-Contract and the Conflict of Laws. 31 Los Angeles Bar Bulletin 71 (1956).

¹⁷⁸ Zweigert K. Bereicherungsanspruche im internationalen Privatrecht. 1947 Suddeutsche Juristen-Zeitung 247, 253 n. 23.

третьего лица, в частности, связанным с исполнением обязательства несколькими содолжниками, оплатой чужого долга, исполнением договора в пользу третьего лица.

Согласно германской доктрине к кондикционным требованиям, возникшим в связи с исполнением обязательства несколькими лицами, в зависимости от того, какое основание лежит в основе кондикционного требования, применяется либо закон места совершения деликта либо закон, который регулирует договор.¹⁷⁹ Несмотря на то, что германское право не предусматривает специального требования, вытекающего из договора в пользу третьего лица, мнение германских ученых разделилось по вопросу о праве, подлежащем применению к требованиям третьего лица, в пользу которого был заключен договор, в ситуациях, когда такой договор по каким-либо основаниям становится недействительным или он вообще не заключался.¹⁸⁰ По мнению Е. фон Каммерера, надлежащим правопорядком должен служить закон, регулирующий отношения между третьим лицом и должником по договору, поскольку отсылка к закону, которому подчинен основной договор, возлагает на третье лицо ответственность, которая бы наступала независимо от его воли.¹⁸¹ Данная точка зрения получила также поддержку в решении Верховного суда Австрии, согласно которому требования о взыскании неосновательного обогащения направлены на защиту должника (в данном случае – третьего лица), нежели кредитора.¹⁸²

Германское право привязывает требования, вытекающие из договора в пользу третьего лица, к закону, которому подчинено существо правоотношения. В случае исполнения чужого долга таким законом служит закон, который применяется к самому обязательству, что позволяет избежать нежелательного расщепления статута неосновательного обогащения

¹⁷⁹ E von Caemmerer. Bereicherung and unerlaubte Handlung. Festschrift für Rabel, 1954, p. 388; Zweigert & Müller-Gindullis. Op.cit. p. 30-39, p. 18.

¹⁸⁰ Hay Peter. Op.cit. P.21.

¹⁸¹ E von Caemmerer, supra n. 1 (Festschrift für Rabel) p. 388

¹⁸² Österreichische Juristen-Zeitung 15 (1960) 133 (Evidenzblatt, 28. Jhrgg. No. 69): 104.

(*déréçage*) вследствие связей правоотношения с рядом юрисдикций (закон местожительства сторон, закон места совершения действия и т.п.).¹⁸³

Решение, в котором Верховный суд ФРГ впервые применил закон, которому подчинено существующее между сторонами правоотношение, было вынесено в 1932 году.¹⁸⁴ Но в виде четко сформулированного правила данный подход получил закрепление в 1957 году.

Идея единой коллизионной привязки для всех случаев неосновательного обогащения, выдвинутая в Германии еще в начале прошлого века, не получила поддержки в германской доктрине международного частного права. Как указывал Л.Раапе, «обстоятельства, в силу которых возникает неосновательное обогащение, столь разнообразны, что следует отказаться от мысли о едином принципе для всех возможных притязаний, вытекающих из обогащения за чужой счет».¹⁸⁵ Другой авторитетный автор Д.Буссе, сравнивая две модели коллизионного регулирования неосновательного обогащения: модель единой коллизионной привязки и модель, основанную на применении специальных коллизионных привязок для определенных видов исков из неосновательного обогащения, заключает, что последняя позволяет учитывать специфику материального права в области неосновательного обогащения, обеспечивая необходимую дифференциацию и гибкость коллизионного регулирования.¹⁸⁶

На ныне действующее коллизионное регулирование оказали огромное влияние взгляды Е. фон Каммерера, отрицавшего возможность закрепления единой коллизионной привязки для всех случаев неосновательного обогащения и предложившего применять отдельные коллизионные привязки применительно к каждому типу кондикционных исков: *Leistungskondiktion* (кондикция из исполнения), *Eingriffskondiktion* (кондикция из посягательства

¹⁸³ Hay Peter. Op.cit. P.26.

¹⁸⁴ RGZ 74, 171, IPRspr. 1932 No. 38 (1932). BGH IPRspr. 1956-57 No. 34. Привод. по кн. Hay Peter. Op.cit. P.11.

¹⁸⁵ Раапе Л. Международное частное право. Пер. с нем. М.А.Гурвича. Под ред. Л.А.Лунца. М.1960. С. 496.

¹⁸⁶ Busse D. Internationales Bereicherungsrecht. Mohr Siebeck. Tübingen. 1998. P. 60, 68-69.

на чужие права) и *Negotiorum Gestio* (иск из ведения чужих дел без поручения). Так, правом, подлежащим применению к отношениям, вытекающим из *Leistungskondiktion* (кондикции из исполнения), служит закон страны, регулирующий исполнение обязательства истцом, тогда как правом, применимым к *Eingriffskondiktion* (кондикции из посягательства на чужие права), является закон страны, который определяет правовой режим имущества, или закон страны, где имело место перемещение активов.¹⁸⁷ Что касается *Negotiorum Gestio* (иска из ведения чужих дел без поручения), Вводный закон к ГГУ предусматривает отдельную коллизионную норму (ст. 39) для установления права, подлежащего применению: «к притязаниям вследствие ведения дел без поручения применяется право государства, в котором осуществлялась такая деятельность, а к притязаниям вследствие исполнения чужого обязательства применяется право, регулирующее указанное обязательство». Таким образом, несмотря на предусмотренное в ГГУ общее правило касательно неосновательного обогащения, в коллизионном праве единый универсальный подход для всех типов исков не установлен.

В соответствии со ст. 38 Вводного закона к ГГУ в ныне действующей редакции:¹⁸⁸

«1) Притязания из неосновательного обогащения вследствие произведенного исполнения определяются по праву, применимому к правоотношению, с которым связано исполнение.

2) К притязаниям вследствие посягательств на охраняемый интерес применяется право государства, в котором произошло посягательство.

3) В иных случаях к притязаниям из неосновательного обогащения применяется право государства, в котором произошло неосновательное обогащение.»¹⁸⁹

¹⁸⁷ Bennet T.W. Op.cit.P.160.

¹⁸⁸ С изменениями, введенными статьей 4(4) закона от 01.10.2013 года (Federal Law Gazette I p.3719). Текст перевода закона на английский язык приведен на сайте www.juris.de.

Анализ текста вышеприведенной статьи позволяет заключить, что, во-первых, при определении права, подлежащего применению, привязка «закон места неосновательного обогащения» уступила место коллизионному методу установления фактического/юридического состава, служащего основанием возникновения требования о возврате неосновательного обогащения, во-вторых, подход, основанный на применении закона, которому подчинено существо отношения из неосновательного обогащения, позволяет избежать проблемы квалификации, поскольку основание иска опирается на ранее возникшее между сторонами правоотношение, что исключает необходимость толкования категории «неосновательное обогащение» как таковой, в-третьих, на этапе, предшествующем наступлению неосновательного обогащения, возможно обращение к следующим коллизионным привязкам: закон, который применяется к существующему или предполагаемому правоотношению сторон либо закон, который регулирует вопросы признания такого правоотношения недействительным (так называемый статут недействительности сделки - *Vernichtungsstatut*).¹⁹⁰ Вместе с тем, как отмечают некоторые зарубежные специалисты, в случае, когда договор признается недействительным или тщетным, применение закона, которому подчинен договор, допускать не следует.¹⁹¹

Ранее в германской литературе существовала неопределенность относительно того, следует ли допускать расщепление статута неосновательного обогащения (*déréçage*),¹⁹² подчиняя определение основательности такого обогащения праву одного государства, а вопрос о

¹⁸⁹ Привод. по кн.: Международное частное право. Иностранное законодательство. сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 284.

¹⁹⁰ Bennet T.W. Op.cit. P.160. OGH 6 Apr. 1976, J.BI. 1977, 36.

¹⁹¹ Gutteridge H.C., Lipstein K. Op.cit. P. 86.

¹⁹² См. W. L. M. Reese, "Déréçage: a Common Phenomenon in Choice of Law" (1973) 73 Col. L.R. 58-59, 74. Расщепление статута принято считать закономерным следствием детализации коллизионных норм. Под *déréçage* понимают процесс, посредством которого одно основание иска, возникшее в результате единого фактического состава, распадается на отдельные вопросы, каждый из которых регулируется своим правом.

правовой природе и объеме возмещения - праву другого государства.¹⁹³ На сегодня данная проблема решена. Как отмечают К. Цвайгерт и Мюллер-Гиндуллис, вопрос о квалификации обогащения как неосновательного, дающего право на обращение в суд с требованием о его взыскании, приравнивается к вопросу о наличии оснований для предъявления такого требования.¹⁹⁴

Для обозначения объема коллизионной нормы, закрепленной в п.1 ст. 38 Вводного закона к ГГУ, германский законодатель вводит специальную категорию «правоотношение» (*Rechtverhältniss*), под которой следует понимать некое родовое понятие, включающее все виды правоотношений, в связи с которыми могут возникнуть кондикционные требования. Так, в отношении притязаний о возврате неосновательно полученного вследствие произведенного исполнением объемом коллизионной нормы служит так называемое «*Leistung*» (исполнение), охватывающее любую передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или освобождение от исполнения обязательства при отсутствии правового основания для получения материальной выгоды.¹⁹⁵

При этом, в контексте договорных отношений сторон германские суды склонны к расширительному толкованию понятия «*Rechtverhältniss*» путем включения отношений, явно выходящих за рамки договора. Так, в деле, касающемся требований кредитора, рассмотренном в 1961 году Верховным судом ФРГ, суд постановил, что такого рода правоотношение возникло между несколькими истцами, обладающими исключительно интересом в праве собственности на объект притязаний.¹⁹⁶ Как правило, в случае, когда требования о возврате неосновательного обогащения возникают в связи с заключенным между сторонами договором, правом, применимым к

¹⁹³ A.Nussbaum, *Deutsches Internationales Privatrecht* (1932), pp.294-295; E. Zitelmann, *Internationales Privatrecht* (1912). Vol.2, pp.525-526, M. Wolff. *Das Internationale Privatrecht Deutschlands* (1954), p.169.

¹⁹⁴ Zweigert K. and Müller-Gindullis D. *Op. cit.* §24.

¹⁹⁵ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 288.

¹⁹⁶ BGHZ (1961) 35, 267.

кондикционному требованию, является право, избранное сторонами или закон места совершения действия или личный закон сторон, а при недействительности договора такое применимое право определяется по закону страны, которому был бы подчинен договор, если бы договор признавался действительным.¹⁹⁷

Что касается требований о неосновательном обогащении вследствие посягательства на чужие права (п.2 ст. 38 Вводного закона к ГГУ), то правом, подлежащем применению, является право государства, в котором произошло посягательство. Не вызывает сомнений, что правило п.2 ст. 38 сформулировано по аналогии с коллизионной нормой в сфере деликтных обязательств (*lex loci actus*). Как отмечается в литературе, такой подход обеспечивает гибкость в отыскании надлежащего правопорядка, позволяя учесть все многообразие возможных ситуаций такого рода посягательств.¹⁹⁸ Такая гибкость может проявиться в применении как закона страны, в котором имело место неосновательное обогащение, так и закона, регулирующего существующее правоотношение. Вместе с тем, авторы Х.Кох, У.Магнус, П.Винклер фон Моренфельс допускали отступление от применения коллизионной привязки к закону места нарушения этих прав в случае установления более тесной связи всех участников деликта с правопорядком другого государства.¹⁹⁹

Следует учитывать, что в силу ст. 41 Вводного закона к ГГУ при наличии существенно более тесной связи с правом иным, нежели право, определяемое в соответствии со ст. 38 Вводного закона к ГГУ, к правоотношению подлежит применению право страны, с которой наиболее такое правоотношение наиболее тесно связано. В качестве факторов, которые могут свидетельствовать о существенно более тесной связи с иным

¹⁹⁷ Bennet T.W. Op.cit. P.162. См. G. Kegel, Internationales Privatrecht (1985), p.378

¹⁹⁸ Münchener Kommentar. Außervertragliche Schuldverhältnisse (1983). Vol.7. pp. supra n.123, p.318.

¹⁹⁹ Кох Х., Магнус У., Фон Моренфельс П.В. Международное частное право и сравнительное правоведение. Пер. с нем. д.ю.н. Ю.М.Юмашева. М. Международные отношения. 2003. С. 183.

правопорядком, принимается: 1) особое правовое или фактическое отношение между участниками по поводу обязательственного отношения; или 2) обычное местопребывание участников в одном и том же государстве в момент события, имеющего юридическое значение. Приведенный перечень носит открытый характер.

До реформы МЧП Германии, когда отсутствовали коллизионные нормы в данной сфере, оставался неясным вопрос о допустимости выбора права в отношении кондикционных обязательств, в частности германская доктрина считала возможным выбор права в той мере, в какой действие автономии воли сторон распространяется на случаи неосновательного обогащения.²⁰⁰ При этом, не уточнялось, идет ли речь о выборе права сторонами договора или о расширении автономии воли сторон на внедоговорные обязательства. Статья 42 Вводного закона устраняет указанный пробел, предусматривая возможность для сторон внедоговорного обязательства договориться о праве, подлежащем применению к такому обязательству.

В литературе высказана точка зрения, что установление единой коллизионной нормы, применимой для всех возможных случаев возникновения обязательств из ведения дел без поручения (*negotiorum gestio*), представляется нежелательным.²⁰¹ Как правило, иск из *negotiorum gestio* совпадает с любым из двух выше рассмотренных категорий кондикционных исков, что вызывает необходимость учета конкретных фактических обстоятельств для отыскания применимого права. В некоторых случаях обязанность возместить убытки вследствие ведения чужих дел возникает вне связи с каким-либо правоотношением. Тогда правом, подлежащим применению, будет являться личный закон стороны обязательства вследствие ведения чужих дел без поручения, либо закон

²⁰⁰ Кох Х., Магнус У., Фон Моренфельс П.В. Указ. соч. С. 183.

²⁰¹ Bennet T.W. Op.cit. P. 166.

местонахождения имущества, если затрагивается недвижимое имущество, либо закон, который определял права и обязанности сторон договора, признанного впоследствии недействительным.²⁰²

В немецкой доктрине при сравнительно-правовом анализе коллизионного регулирования кондикционных обязательств в странах романо-германской и англо-саксонской правовых систем обращается внимание на применение различных стандартов к средствам правовой защиты в области обязательств вследствие неосновательного обогащения, а именно квалификацию их как вопроса процессуального или материального права.²⁰³ Как отмечает Питер Хей, во избежания искажения материально-правового эффекта вследствие различий в происхождении и правовой природе средств правовой защиты по праву различных государств, необходимо рассматривать данный вопрос как относящийся к материальному праву, а не процессуальному праву, т.е. применимое право должно быть таким же.²⁰⁴ Как указывают зарубежные авторы Г.К.Гаттеридж и К.Липштейн, вопрос об исчислении размера убытков, причиненных вследствие неосновательного обогащения (*quantificationo of amount of damages*), должен определяться по закону, применимому к обязательству, нежели по закону страны суда.²⁰⁵ Однако, если суд имеет место в Германии, а *lex causae* указывает средство правовой защиты, неизвестное германскому правопорядку, германский судья отказывается присуждать такие убытки.²⁰⁶

Подход германского права, основанный на применении закона, которому подчинено существо правоотношения, имеет ряд преимуществ перед иными коллизионными привязками (*lex loci conditionis, lex fori, personal law of the debtor, lex loci actus*). Во-первых, устраняется проблема квалификации, имманентно присущая всем требованиям о возврате

²⁰² Zweigert K. and Müller-Gindullis D., op. cit. supra n.15, § 43, §44 . Kegel G. Op. cit. supra n.138, p.398.

²⁰³ Hay Peter. Op.cit. P.9.

²⁰⁴ Hay Peter. Op.cit. P.38.

²⁰⁵ Gutteridge H.C., Lipstein K. Op.cit.P. 92.

²⁰⁶ Hay Peter. Op.cit. P.40.

неосновательного обогащения ввиду «производного» характера правил о кондикционных обязательствах.²⁰⁷ К примеру, существующие различия между английским правом и германским правом в понимании «договора» или «деликта» или границ действия договорного права или расхождения в содержании понятий «квази-договор» и «реституция» не могут оказывать своего деструктивного влияния на процесс отыскания применимого права.²⁰⁸ Во-вторых, данный подход предлагает прямое решение проблемы выбора права и в настоящее время получил широкое распространение.²⁰⁹

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в основе действующего коллизионного регулирования кондикционных обязательств по праву Германии лежит типология Е. фон Каммерера: *Leistungskondiktion*, *Eingriffskondiktion*,²¹⁰ определяется статутом, при котором привязка *lex causae condictionis* служит основным коллизионным правилом, охватывающим подавляющее большинство требований о возврате неосновательного обогащения. При отсутствии предшествующего правоотношения, в рамках которого обычно возникают кондикционные обязательства, германское право исходит из закона места неосновательного обогащения (*lex loci condictionis*).

Швейцария. Несмотря на схожесть материально-правового регулирования обязательств из неосновательного обогащения, швейцарское коллизионное право не восприняло полностью германскую модель коллизионного регулирования, основанную на типологии кондикционных требований. В частности, статья 128 Закона Швейцарии о международном частном праве гласит: «К требованиям из неосновательного обогащения

²⁰⁷ Bennet T.W. Op.cit. P.167.

²⁰⁸ Hay Peter. P.42.

²⁰⁹ Collier J. in Lipstein K. (Ed.). Harmonisation of Private International Law by the EEC (1978) supra n.15, pp.87-88; Balaster. Ungerechtfertigte Bereicherung im Internationalen Privatrecht (1955). p.87. Даже те правовые системы, которые восприняли *lex loci condictionis*, отдают предпочтение *lex causae condictionis*. См. Niboyet. J.P. Droit International Privé Français (1948), Vol.5. §1444; Rigaux F., Droit International Privé (1979), Vol.2, supra n.63. Данный подход получил поддержку в работе такого авторитетного автора, как Voet J. Commentary on the Pandects (1698-1704) (trans. by P. Gane sub nom. Selected Voet (1955)) 4.1.29, который говорил, что применению подлежит закон места заключения договора, который служит основанием возникновения неосновательного обогащения.

²¹⁰ См. Kropholler Jan. Internationales Privatrecht. 6. Auflage. 2006. Mohr Siebeck Tubingen. S.516-517. Looschelders Dirk. Internationales Privatrecht. Art. 3-46 EGBGB. P. 575-576.

применяется право, применимое к существующему или предполагаемому правоотношению, повлекшему обогащение».²¹¹ Очевидно, что швейцарское право также обращается к *lex causae condictionis*, которое, в отличие от Германии, здесь призвано выполнять роль генеральной абстрактной коллизионной привязки без конкретизации оснований, приводящих к неосновательному обогащению. Принимая во внимание тот факт, что не во всех странах применяется аналогичная германскому праву типология кондикционных требований, швейцарский подход обеспечивает более гибкое регулирование, позволяя охватить все возможные случаи неосновательного обогащения.²¹² Только при невозможности применения генеральной коллизионной привязки вследствие отсутствия такого правоотношения швейцарский законодатель позволяет применить закон места неосновательного обогащения.

§ 2. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, на примере Англии и США.

Принятый в Великобритании Закон о международном частном праве 1995 года не содержит коллизионных норм о неосновательном обогащении. В связи с этим решающее значение имеет сложившаяся судебная практика и английская доктрина.

Вплоть до середины XX века английская правовая доктрина уделяла незначительное внимание проблемам определения права, подлежащего применению к неосновательному обогащению, и исключительно в контексте квази-договорного обязательства (*quasi-contract, quasi ex contractu*).²¹³

²¹¹ Текст закона с изменениями от 01.07.2014 года (перевод закона на английский язык приведен на сайте URL: http://www.andreasbucher-law.ch/images/stories/pil_act_1987_as_amended_until_1_7_2014.pdf (дата обращения: 16.01.2016).

²¹² По мнению Peter Hugh, Закон Швейцарии прямо устанавливает коллизионное правило акцессорного характера по отношению к основному правоотношению. Peter Hugh. *Autonomy in International Contracts*. Clarendon Press. Oxford. 1999. P. 253.

²¹³ Обязательства, возникающие в силу закона, при отсутствии намерения сторон породить такое обязательство, в отличие от договорного обязательства, возникающего по воле сторон, Private International Law. Ch.5. P.124-127. Westlake J. *Private International Law*, 7th ed. § 235. В качестве основного коллизионного правила для определения применимого права предлагалось использовать закон места, с которым действие,

На рубеже 30-40-х годов XX века отдельные аспекты коллизионного регулирования в сфере неосновательного обогащения стали освещаться в работах английских исследователей.²¹⁴ Толчком, вызвавшим повышенный интерес английской доктрины к разрешению коллизионных вопросов неосновательного обогащения, послужила проводившаяся в тот период правовая реформа, касающаяся так называемых «тщетных» договоров (Law Reform Frustrated Contracts Act 1943 – Акт о реформе «тщетных» договоров), согласно которой деньги, уплаченные до прекращения договора, могут быть взысканы обратно. Доктрина «тщетности» договора впервые получила практическое применение в известном деле *Fibrosa Spolka Akcyjna v. Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd.* [1943], которое стало руководящим началом для судей при разрешении аналогичных дел.²¹⁵

На современном этапе проблемы коллизионного регулирования неосновательного обогащения рассматриваются в некоторых английских монографиях и статьях.²¹⁶ Однако, как отмечает Дж. Панагопулос, степень теоретической разработанности данной проблематики еще недостаточна для выработки ясного и продуманного подхода к определению применимого

вызывавшее квази-договорное обязательство, имеет наиболее реальную связь. См. дело *De Greuchy v. Wills* (1879). Впоследствии стал употребляться термин «реституция», который заменил понятие «квази-договора».

²¹⁴ Wolff M. *Op.cit.* P. 480-481. Falconbridge J.D. *Op.cit.* P. 356-367. Gutterbridge H.C. and Lipstein K. 'Conflict of Law in Matters of Unjustifiable Enrichment. The Cambridge Law Journal, Vol. 7, No. 1 (1939). P.80. Goff and Jones, *The Law of Restitution* (1966).Ch.44. Cohen S, 'Quasi Contract and the Conflict of Laws' (1956) 31 *Los Angeles Bar Bulletin*. P. 71. Morris. 'The Choice of Law Clause in Statutes' 62 *Law Quaterly Review* (1946). P. 170.

²¹⁵ Решение по делу было вынесено Палатой Лордов в 1943 году. Необходимость применения реституции как средства правовой защиты лорд Райт (Lord Wright) обосновал так: «Ясно, что любая цивилизованная правовая система должна обеспечить защиту в случаях так называемого неосновательного обогащения или неосновательной выгоды с тем, чтобы не допустить сбережения одним лицом денег или получения какой-либо выгоды за счет другого, против воли которого удерживаются денежные средства или выгода. В Англии такое средство правовой защиты традиционно отличается от средств правовой защиты, применяемых при нарушении договора или совершении деликта, и в настоящее время относится к третьей разновидности средств правовой защиты, предоставляемых по общему праву, - так называемому «квази-договору» или «реституции». Привод. по кн. Dicey A. & Morris J. *Conflict of Laws*. 8th ed. London. 1967. P. 903.

²¹⁶ Panagopoulos G. *Restitution in Private International Law* (Hart Publishing, Oxford,2000). Rose F. *Restitution and the Conflict of Laws* (Mansfield Press, Oxford, 1995). Bennett T.W. 'Choice of Law Rules in Claims of Unjust Enrichment' (1990) 39 *ICLQ* 136. Blaikie J. 'Unjust Enrichment in the Conflict of Laws' [1984] *Juridical Review* 112. Bird J. 'Choice of law' in Rose (ed).Stevens. 'The Choice of Law Rules of Restitutionary Obligations' in Rose (ed.).

права к реституционному обязательству.²¹⁷ Как считает Э.Бэрроуз, изучение проблемы установления применимого права в сфере неосновательного обогащения имеет не только теоретическую, но и существенную практическую значимость в свете необходимости применения единообразного европейского подхода, в значительной степени отличающегося от национального коллизионного регулирования.²¹⁸

Для Великобритании как страны-участницы Европейского Союза, действуют также нормы Регламента Рим II, относящиеся к обязательствам из неосновательного обогащения. Вместе с тем, изначально правительство Великобритании и английское научное сообщество выступили против включения коллизионной нормы, посвященной неосновательному обогащению, по причине отсутствия достаточного единообразия в понимании этого института в национальном законодательстве государств-членов ЕС.²¹⁹ Впоследствии было признано, что Регламент внес ясность и четкость в ранее сложившиеся в английской доктрине коллизионные правила, регулирующие обязательства из неосновательного обогащения (так называет правило А.Дайси и Дж.Морриса «Rule 200»).

В США коллизионные вопросы обязательств из неосновательного обогащения – одна из ветвей коллизионного права, претерпевших значительное влияние современных тенденций развития международного частного права, в частности речь идет об отходе от «жестких» коллизионных формул прикрепления в сторону более гибкого коллизионного регулирования. Так, Второй свод законов о конфликте законов (1971) закрепил главенство привязки к праву, имеющему наиболее тесную связь с

²¹⁷ Panagoroulos G. Op.cit. P.111. Столь неудовлетворительное состояние английской доктрины по данной проблеме, по образному выражению лорда Миллета, в итоге приводит к тому, что английский судья, сталкиваясь с неразрешимыми в доктрине вопросами словно «плавает в неизведанных водах без каких-либо ориентиров». Lord Justice Millett. 'Jurisdiction and Choice of Law in the Law of Restitution' in TK Sood and others (eds). *Current Issues in International Commercial Litigation* (Singapore, The Faculty of Law of the National University of Singapore, 1997. Привод. по кн.: Pitel Stephen. "Characterisation of Unjust Enrichment in the Conflict of Laws". P. 534.

²¹⁸ Burrows A. Law of Restitution. P.709.

²¹⁹ Hill Jonathan, Chong Adeline. *International Commercial Disputes: Commercial Conflict of Laws in English Courts*. 4th ed. Hart Publishing. Oxford and Portland, Oregon. 2010. P. 609.

правоотношением из неосновательного обогащения (*the most significant relationship*), заменив территориальный подход к определению права в данной области (*vested rights approach*), получивший закрепление в Первом Своде (1934).

Как и в Англии, главным источником норм американского коллизионного права служит судебный прецедент. Вместе с тем, в США значительным авторитетом пользуются акты неофициальной кодификации международного частного права, представляющие собой обобщение сложившейся судебной практики при разрешении вопросов определения права, подлежащего применению. На сегодняшний день таким документом служит Свод законов о конфликте законов (*Restatement of the Law, Conflict of Laws*), составленный Американском институтом частного права.²²⁰ Как отмечает А.С.Комаров, Свод, не являясь источником права, тем не менее активно используется судами в качестве дополнительного обоснования для принятия решения.²²¹

В настоящее время применяется второе издание Свода законов (*Restatement Second, 1971*), который исходит из принципа наиболее тесной связи в качестве основного критерия при установлении применимого права, в отличие от первого издания Свода законов (*Restatement First*), опиравшегося на концепцию «*vested rights approach*», который устанавливал жесткие коллизионные нормы.²²²

Отличительной чертой американского коллизионного права является формирование каждым штатом самостоятельного коллизионного права, которое может существенным образом отличаться как от коллизионного регулирования таких же вопросов в других штатах, так и от коллизионных правил, складывающихся на федеральном уровне.

²²⁰ Всего было опубликовано 2 издания Свода (Первое издание в 1934 году, Второе издание в 1971 году).

²²¹ Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.:Юрид. лит. 1991. С.19.

²²² Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М.: Международные отношения. 2016. С.90.

Можно выделить следующие сложившиеся в англо-американской доктрине коллизионные подходы к определению права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения:

I. право страны, с которой обязательство из получения выгоды от неосновательного обогащения наиболее тесно связано (*proper law of obligation to restore the benefit of an enrichment*).

Данное коллизионное правило (известное как Rule 200) было впервые предложено авторами английского курса А.Дайси и Дж.Морриса.²²³ Во втором параграфе правила авторы уточняют коллизионную привязку «право страны, с которой обязательство имеет наиболее тесную связь» применительно к различным ситуациям, в связи с наступлением которых обязательство из получения неосновательной выгоды может возникнуть:

- а) если обязательство возникает в связи с договором, правом страны, с которой обязательство наиболее тесно связано, является право, свойственное договору (*proper law of the contract*);
- б) если обязательство возникает в связи с совершением сделки с недвижимым имуществом (земельным участком), правом страны, с которой обязательство наиболее тесно связано, является закон страны местонахождения имущества (*lex situs*);
- в) если обязательство возникает при наступлении иного обстоятельства, правом страны, с которой обязательство наиболее тесно связано, является закон страны, где имело место неосновательное обогащение.

²²³ Впервые правило было закреплено в шестом издании Dicey A. and Morris J. Conflict of laws (London, Stevens & Sons Limited 1949). 6th ed. Впоследствии в кн. Cheshire and North. Private International Law (London, Butterwoths 1999). 13th ed. В 2000 году вышло тринадцатое издание *Dicey, Morris & Collins. Conflict of Laws*, в котором правило именуется Rule 230. Для целей настоящей диссертации будет использоваться наиболее часто встречающийся в доктрине термин «Rule 200».

Примечательно, что правило, изначально предназначенное разработчиками для применения к квазидоговорным обязательствам, правовая природа (опираются на теорию «подразумеваемого» договора – *implied contract theory*) не совпадает со сложившимся в современной английской доктрине учением о реституции, практически не изменилось с момента своего первого опубликования.²²⁴

Правило применения закона страны, с которой любое обязательство из неосновательного обогащения имеет наиболее тесную связь (*proper law of the obligation*)²²⁵ выступает в роли общей презумпции, которая конкретизируется в специальных коллизионных привязках, подлежащих применению к отдельным категориям (основаниям), в связи с которыми наступает неосновательное обогащение (пункты а) – с) второго параграфа правила). При этом, перечень таких оснований не закрытый, думается, ввиду невозможности предусмотреть всё разнообразие случаев, могущих повлечь наступление неосновательного обогащения.

В литературе отмечаются как достоинства, так и недостатки вышеупомянутого подхода: с одной стороны, гибкость, когда отыскание права, подлежащего применению, опирается на каузальное исследование обстоятельств каждого конкретного дела, с другой стороны, отсутствие достаточной определенности при оценке значимости различных коллизионных критериев, возможность ограничительного толкования привязки «*proper law of the obligation*», когда под «обязательством» понимаются только обязательственно-правовые средства защиты, а средства защиты личных и имущественных прав исключаются из сферы действия данного правила.²²⁶

²²⁴ Panagoropoulos G. Op.cit. P. 113. См. Dicey A. and Morris J. *The Conflict of Laws* (13th ed.) by L. Collins, London, 2000.

²²⁵ В доктрине данный подход также именуется *lex causae condictionis*.

²²⁶ Дж. Панагопулос видит решение проблемы толкования «*proper law of the obligation*» в замене слова «обязательство» (*obligation*) на более нейтральное слово «категория» (*issue*). Panagoropoulos G. Op. cit. P. 113, 154.

Следует учитывать, что в английской доктрине сложилась неоднозначная позиция относительно данного коллизионного принципа: одни считают его полноценным правилом определения применимого права,²²⁷ другие рассматривают в качестве общей презумпции.²²⁸ С нашей точки зрения, подход, заложенный в английском праве, «proper law of the obligation», применяется в качестве общей презумпции наиболее тесной связи обязательства с правом какой-либо страны исходя из определенного критерия или признака, к примеру, место нахождения имущества, место наступления обогащения, без указания на право конкретного государства, что напоминает аналогичную концепцию английского права «proper law of the contract» для регулирования договорных обязательств, послужившей основой для российской привязки к праву страны, с которой наиболее тесно связан договор (пункт 1 статьи 1211 ГК РФ).

При разрешении коллизионного вопроса неосновательного обогащения на основе применения критерия наиболее тесной связи авторы-разработчики Дж.Моррис и А.Дайси обращали внимание на следующие моменты:²²⁹

тот факт, что правоотношение, в связи с которым возникло обязательство из неосновательного обогащения, неизвестно английскому праву (к примеру, действия в чужом интересе без поручения – *negotiorum gestio*), не означает применение коллизионных привязок в области деликтных обязательств;

применение права, которому подчинен договор, к обязательству из неосновательного обогащения, возникающего в силу закона, основано на фикции наличия «подразумеваемой» воли сторон договора.

²²⁷ См. McLeod. *The Conflict of Laws* (Calgary, 1983). P. 571-572. Blaikie J. “Unjust Enrichment in the Conflict of Laws” [1984] J.R. P. 112, 125. Anton A. *Private International Law*, 2nd ed. (Edinburgh, 1990). P. 311. Привод. по кн. Panagopoulos G. Op.cit. P. 113.

²²⁸ Burrows A. Op.cit. P. 491. R. Leslie, “Unjustified Enrichment in the Conflict of Laws” (1988) 2 *Edinburgh Law Review* 233, 236–7. Привод. по кн. Panagopoulos G. Op.cit. P. 113.

²²⁹ Dicey A. and Morris J. *Conflict of laws*. London. Stevens & Sons Limited. 1967. P.904-905.

Как известно, основным источником английского международного частного права является судебный прецедент. Принятый в 1995 году Закон Великобритании о международном частном праве не содержит правил для определения права, применимого к неосновательному обогащению.²³⁰ Известно, что разработчики Закона руководствовались рекомендациями Правовой комиссии Англии и Уэльса (Law Commission for England and Wales, *Private International Law: Choice of Law in Tort and Delict*), в частности, о недопустимости применения коллизионных норм в области деликтов к реституционным обязательствам.²³¹

Далее рассмотрим специальные привязки *proper law of the obligation* и сложившуюся судебную практику по вопросам определения применимого права по делам о взыскании неосновательного обогащения.

Специальные коллизионные привязки, определяемые на основании общей презумпции (*proper law of the obligation*):

1) обязательство по возврату неосновательно полученного, возникшее в связи с договором, заключенным между сторонами, регулируется правом страны, с которой договор наиболее тесно связан.

К требованиям о возврате неосновательного обогащения в рамках договорных правоотношений относятся иски о возврате денежных средств, уплаченных потерпевшим либо о предоставлении эквивалентного возмещения расходов (затрат) исполнителю за выполненные работы, оказанные услуги по договору (*quantum meruit*), признанному недействительным. Во всех вышеописанных случаях существование и сфера действия обязательства о возврате неосновательно полученного определяются по закону страны, которому подчинен договор, либо закону

²³⁰ См. в кн. Международное частное право. Иностранное законодательство. Сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 200-226.

²³¹ Подробнее см. Takashi Koj. Claims for Contribution and Reimbursement in International Context. Conflict-of-Laws Dimensions. Oxford. 2000. P. 52.

страны, которому был бы подчинен договор, если бы не был признан недействительным или незаключенным.²³²

Впервые Палата лордов применила данный подход в ранее упоминаемом деле *Fibrosa*. Польская компания уплатила аванс английской компании (поставщику) в оплату будущих поставок оборудования в г. Гдыня. Впоследствии исполнение договора поставки оказалось невозможным вследствие оккупации немцами г. Гдыни в сентябре 1939 года и польская компания обратилась в суд с требованием о возврате уплаченной денежной суммы на основании реституции. Суд применил английское право как закон, которому был подчинен договор.

Наибольшую известность в научных кругах получило дело *Arab Monetary Fund v. Hashim*, рассмотренное Апелляционным судом Англии и Уэльса в 1996 году.²³³ Арабский валютный фонд заявил в суд требование о взыскании с бывшего президента фонда г-на Хашима сумм денежных средств, полученных последним в качестве взятки за победу в тендере на право заключения договора строительного подряда. Апелляционный суд, посчитав требование о возврате полученной суммы взятки как относящееся к неосновательному обогащению,²³⁴ применил соответствующую коллизионную привязку, т.е. закон страны, который регулировал отношения в связи с проведением незаконного тендера на строительство – право Абу Даби. Как отмечает Дж. Панагопулос, применение права Абу Даби не было обусловлено связью с местом неосновательного обогащения, поскольку все поступления от взяток приходили на счет, который был открыт в швейцарском банке, а конечным местом неосновательного обогащения была Англия.²³⁵

²³² Dicey A. & Morris J. Op. cit. P. 905.

²³³ Дело рассматривалось лордом-мировым судьей Saville L.J. The Times, 11 Oct 1994. [1996] 1 Lloyd's Rep. 589.

²³⁴ Квалификация судьи получила неодобрительную оценку в работе Дж. Панапулоса, который предложил рассматривать такое требование на основе реституции, конфискации за подрыв доверия при исполнении своих служебных обязанностей.

²³⁵ Panagopoulos G. Op.cit. P. 125.

Множественность лиц при неосновательном обогащении.

В случае, когда реституционное требование возникает между несколькими со-должниками, могут возникнуть проблемы с определением применимого права, поскольку параграф 2 (а) правила 200 А.Дайси и Дж.Морриса, главным образом, предназначается для требований о возврате денежных средств с непосредственно обогатившегося получателя платежа, тогда как требование одного из должников к другим со-должникам о возмещении денег, уплаченных кредитору, остается не урегулированным. Для иллюстрации приводится следующий пример:²³⁶

Е в Англии имеет обязательство перед F во Франции по договору, подчиненному английскому праву. А в Бельгии и X в Голландии выступают в качестве поручителей Е по договору поручительства, регулируемому французским правом. А уплачивает долг в Бельгии и намерен получить возмещение с X.

Как указывает К.Такаши, здесь реституционное требование сопровождает три группы правоотношений: между истцом и кредитором, между ответчиком и кредитором, и, наконец, между истцом и ответчиком. Поскольку правило 200 не устанавливает порядок разрешения противоречий между общей привязкой (*proper law of the obligation*) и параграфом 2 (*lex contractus*), становится неясно, с правом какой из этих стран реституционное требование имеет наиболее тесную связь: законом основного договора либо законом договора поручительства.²³⁷

Неосновательное обогащение и совместное причинение вреда.

По мнению А.Дайси и Дж.Морриса, право, подлежащее применению к требованию о возврате уплаченного между причинителями вреда, определяется на основании общей презумпции закона места совершения

²³⁶ Takashi Koj. Op.cit. P. 62.

²³⁷ Takashi Koj. Op.cit. P. 63-65. Позиции других авторов по вопросу о применимом праве к возврату неосновательно полученного при поручительстве: закон страны договора поручительства (Р.Гофф), закон страны основного долга (Мартини), закон места платежа (Э.Бэрроуз), закон местожительства должника – *lex domicilii debitoris* (дело *American Surety of New York v. Wrightson* (1910)).

деликта; в случае совместного местожительства причинителей вреда в одном и том же государстве, подлежит применению закон страны совместного местожительства как имеющей более тесную связь с правоотношением, нежели закон страны места совершения деликта.²³⁸

Неосновательное обогащение и недействительность договора.

Наиболее часто обязательства из неосновательного обогащения наступают в связи с признанием сделки недействительной. Долгое время в Англии вопрос о праве, подлежащем применению в таких случаях, вызывал затруднения, так как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии сделало оговорку о неприменимости ст. 10.1 (е) Римской Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 года,²³⁹ в силу которой закон страны, который регулирует договор, определяет последствия его действительности.²⁴⁰ Иными словами, возникала неопределенность относительно того, каким правом следует руководствоваться для регламентации реституционных требований, возникающих при недействительности договора: подчинять статуту договора либо сделать выбор в пользу специальной привязки, применяемой к реституционным обязательствам. Только лишь с принятием Регламента (ЕС) № 593/2008 от 17 июня 2008 года «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» («Рим I»), к которому присоединилось Соединенное Королевство,²⁴¹ неопределенность в вопросе квалификации таких требований в целом была устранена.

²³⁸ Dicey A. & Morris J. Привод. по кн. Takashi Koj. Op. cit. P. 54.

²³⁹ Official Journal of the European Communities, C 27, Vol.41, 26 January 1998. Текст неофициального перевода с английского языка Н.Г. Вилковой.

²⁴⁰ Великобритания исключила применение положения согласно разделу 2(2) Акта о контрактах (применимое право) 1990 в порядке ст. 22(1) Конвенции. В настоящее время Римская конвенция заменена на Регламент Рим I, который также подчиняет последствия недействительности сделки праву, применимому к договору. В отличие от Конвенции, Регламент Рим I имеет прямое действие во всех государствах-членах ЕС и не требует имплементации во внутригосударственное право страны. См. Peter Nygh. *Autonomy in International Contracts*. Clarendon Press. Oxford. 1999. P. 254. Panagopoulos G. Op. cit. P. 144.

²⁴¹ В соответствии с официальным письмом правительства Великобритании от 24 июля 2008 г.

Вместе с тем, в английской доктрине до сих пор нет единого мнения о праве, подлежащем применению к вопросам реституции при недействительности договора.²⁴² Основной аргумент против определения последствий недействительности сделки на основании статута договора исходит из правовой природы обязательства из неосновательного обогащения, возникающего в силу закона, а не общего волеизъявления сторон.²⁴³ Таким образом, в отличие от большинства европейских стран, в английской доктрине сложилась двоякая позиция относительно того, подпадает ли вопрос о последствиях недействительности договора под действие права, применимого к договору (*lex causae*).

По мнению некоторых авторов, последствия недействительности договора входят в сферу действия права, применимого к реституционным требованиям.²⁴⁴ Данный вывод нашел подтверждение в судебной практике. Так, при рассмотрении Сессионным судом Шотландии в 1997 году дела *Baring Bros. & Co. Ltd. v. Cunninghame District Council*²⁴⁵ лорд Дж. У. Пенроуз постановил, что вопросы реституции, вызванной недействительностью сделки, подлежат регулированию в соответствии с отдельной коллизионной нормой, т.е. правом иным, нежели право, применимое к договору. Это означает, что даже если стороны прямо подчинили договор английскому праву, реституция как следствие его недействительности может определяться по праву иного государства, имеющего наиболее тесную связь с обстоятельствами, вызвавшими неосновательное обогащение. В частности, Дж. Блейки указывает, что вопросы неосновательного обогащения следует

²⁴² В пользу применения закона, применимого к договору, высказываются такие авторы, как Р. Стивенс, Дж.Бёрд, П.Бреретон. Stevens R. *The Choice of Law Rules of Restitutionary Obligations*, in Rose (ed.) *Restitution and the Conflict of Laws*. P. 197, 198. Brereton P. *Restitution and Contract*, in Rose (ed.). P.179. Bird J. *Choice of Law*, in Rose (ed.). P.122, 123.

²⁴³ Dicey A. & Morris J. *Conflict of Laws* (1993). 12th ed. P.1473. Привод. по кн. Peter Hygh. *Op. cit.* P. 255. Такой же позиции придерживается Panagoroulos G. *Op.cit.* P. 147. Однако, как отмечает Bird J, здесь есть противоречие, поскольку последствия нарушения договора также наступают по закону. См. Bird J. 'Choice of law', in Rose (ed.). *Restitution and the Conflict of Laws* (Mansfield Press.1995). P. 127.

²⁴⁴ Takashi Koj. *Op. cit.* Section 3. Claim for contribution in respect of payment under a void contract. Cheshire and North. P.600, 673; Chitty on Contracts. P.1589, 1637, 1647; Dicey A. and Morris J. P.1496-7; Giuliano-Lagarde Report. P.33.

²⁴⁵ *The Times*, 30 September 1996.

определять в соответствии с правом страны, с которой обязательство по возврату неосновательно полученного имеет наиболее тесную связь.²⁴⁶

Вопрос о праве, применимом при недействительности договора, также был предметом рассмотрения Палаты Лордов по другому делу *Kleinwort Benson Limited v. Glasgow City Council*.²⁴⁷

2) неосновательное обогащение в связи со сделкой, предметом которой выступает недвижимое имущество (земельный участок) подчиняется закону местонахождения имущества (*lex situs*). Иллюстрацией этому служит решение, вынесенное Апелляционным судом Англии и Уэльса в 1887 году, по делу *Batthyany v. Wadford*.²⁴⁸ Арендатор, получивший в наследство земельные участки на территории Австрии и Венгрии, подал иск против управляющего наследственным имуществом за ухудшение (порчу) земель (*fidei commis*). Апелляционный суд, квалифицировав заявленное требование не как деликтное, а квазидоговорное, применил австрийское право как закон местонахождения земельного участка.

II. закон места неосновательного обогащения (law of the place of enrichment).

Исторически самым первым подходом к определению применимого права в области неосновательного обогащения являлся закон места неосновательного обогащения, который предлагалось использовать в качестве генеральной коллизионной привязки либо субсидиарной привязки, применяемой в случае наступления обязательства из неосновательного обогащения не в связи с каким-либо правоотношением.²⁴⁹ Впервые данное коллизионное правило было закреплено в американском Первом издании

²⁴⁶ Blaikie J. 'Unjust Enrichment in the Conflict of Laws'. 1984. Juridical Review 112. P.125.

²⁴⁷ [1999] 1 AC 153 (HL). Был заключен свой контракт между банком и Советом Шотландии. Впоследствии контракт был признан недействительным в связи с отсутствием полномочий Совета Шотландии (*ultra vires*). Статут контракта определял вопросы недействительности, однако, последствия недействительности относятся к статуту неосновательного обогащения. Привод. по кн. Pitel Stephen. 'Rome II and Choice of Law for Unjust Enrichment'. P.239.

²⁴⁸ (1887) 36 Ch. D. 269.

²⁴⁹ Также именуется как *lex loci conditionis*. Gutteridge H.C. and Lipstein K., "Conflicts of Law in Matters of Unjustifiable Enrichment" (1941) 7 C.L.J. 80. Leslie R., "Unjustified Enrichment in the Conflict of Laws" (1998) 2 Edinburgh Law Review 233.

Свода законов о конфликте законов 1934 года (§§452 and 453 U.S. First Restatement 1934).²⁵⁰

Первое издание Свода законов о конфликте законов предусматривало две коллизионные привязки: закон места передачи материальной выгоды (§452), регулирующий вопрос о наличии/отсутствии права на возмещение имущественных потерь, и закон места неосновательного обогащения для определения того, возлагается ли на получателя обязанность возвратить полученную денежную сумму (§453).²⁵¹ Данные коллизионные нормы различаются по форме полученного обогащения: в первом случае выгода получена в виде каких-либо материальных благ (выполнение работ, оказание услуг), во втором случае речь идет о выгоде, выраженной в денежном эквиваленте.

В американской доктрине Первое издание Свода законов явилось воплощением теории приобретенных прав, так называемого территориального подхода к применимому праву (*vested rights*), сторонником которого принято считать судью Джозефа Биля (Beale).²⁵² В английской доктрине применение закона места неосновательного обогащения вытекает из вышерассмотренного пункта «с» параграфа 2 правила 200 А.Дайси и Дж.Морриса. Законодательство большинства стран континентальной Европы предусматривало *lex loci condictionis* в качестве основной коллизионной

²⁵⁰ Согласно §452 Первого Свода закон места получения материальной выгоды определяет, существует ли право на компенсацию потерь. В силу §453 закон места неосновательного обогащения разрешает вопрос о возложении на реципиента обязанности по возврату суммы полученного неосновательного обогащения.

²⁵¹ Panagoroulos G. Op.cit. P.115.

²⁵² В силу этой доктрины государство применяет только свое собственное право, и может лишь признать права, приобретенные по иностранному закону. Treatise in Conflict of Laws, 1935 vol. ii, p. 1429. См. Gutteridge H.C., Lipstein K. Op.cit. P. 82. Ehrenzweig A.A. Restitution in the Conflict of Laws. Law and Reason versus the Restatement Second// 36 New York University Law Review. 1297 1961. P. 1300.

привязки в области неосновательного обогащения.²⁵³ Наибольшую поддержку данный подход получил во французской доктрине.²⁵⁴

По мнению шотландского исследователя Р.Лесли, все вопросы неосновательного обогащения следует подчинять закону места неосновательного обогащения, по аналогии с деликтом закон наиболее тесной связи следует применять лишь в виде исключения из общего правила.²⁵⁵

Вместе с тем, в настоящее время закон места неосновательного обогащения (*lex loci condictionis*) в роли коллизионной привязки подвергается критике в зарубежной доктрине международного частного права. Применение данной коллизионной привязки затрудняется определением места локализации обязательств вследствие неосновательного обогащения. Это вызвано тем, что на практике возникает неопределенность по вопросу о том, что следует понимать под «местом неосновательного обогащения»: «место эффекта неосновательного обогащения» либо «место действия/события, которое привело к неосновательному обогащению».²⁵⁶

Проблема локализации обязательств из неосновательного обогащения традиционно рассматривается путем соотношения места потери

²⁵³ Франция См. P. Arminjon, *Precis de Droit International Privé* (1958), Vol.2, §117; Balaster G.F., *Ungerechtfertigte Bereicherung im Internationalen Privatrecht* (1955), p.38, Niboyet J.-P., *Traité Droit International Privé Français* (1948), Vol.5, §1444-1445. Бельгия См. Rigaux F., *Droit International Prive* (1979), Vol.2, § 1388. Италия См. ст. 25(1) Вводных положений к Гражданскому кодексу. Испания См. J. D. Gonzalez Campos et al., *Derecho Internacional Pri-vado* (1984), p.416. Португалия См. ст. 44 Гражданского кодекса Португалии.

²⁵⁴ Bourel P., *Les Conflits de Lois en Matiere d'Obligations extracontractuelles* (1961). Он решительно отстаивал обоснованность закона места неосновательного обогащения, убедительно отвергал возражения немецких авторов против применения единого критерия (закона места, где произошел факт, лежащий в основании обязательства) к различным случаям неосновательного обогащения со ссылкой на слишком расширенное понимание объема этого понятия в ГГУ и швейцарском праве. См. также Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С. 660.

²⁵⁵ Leslie R. *Op. cit.* P. 241.

²⁵⁶ Впервые (примерно в 30-е годы 20 века) вопросом о локализации места неосновательного обогащения задались английские авторы Н. С. Gutteridge, К. Lipstein. В частности, *lex loci actus* допускал двойное толкование: закон места непосредственно обогащения или закон места совершения сделки, повлекшей за собой такое обогащение. *Op. cit.* P. 88.

материальной выгоды (place of impoverishment)²⁵⁷ и места получения платежа (place of payment).²⁵⁸

Довольно часто обозначенная проблема поднимается в случаях, когда неосновательное обогащение связано с так называемой спецификацией (изготовлением вещи из чужого материала). В контексте Первого издания Свода законов о конфликте законов данный вопрос может быть проиллюстрирован на следующем примере:

*некий г-н А привозит взятые у другого г-на В бревна в государство X, полагая, что они ему принадлежат, и затем перевозит в государство Y, где делает из бревен ящики. Г-н В требует вернуть ящики. Г-н А подает иск в суд государства X с требованием возместить ему стоимость произведенных им работ. По праву X г-н А имеет право подать такой иск, по праву Y у него нет такого права. Судебное решение было вынесено в пользу В.*²⁵⁹

На данном примере видно, что местом локализации неосновательного обогащения определено действие или событие, приведшее к неосновательному обогащению как эффекту такого действия или события.

Концептуально закон места неосновательного обогащения сконструирован по модели закона места совершения деликта, что позволяет некоторым авторам проводить параллели между этими двумя внедоговорными обязательствами. В основном аргументация против применения *lex loci condictionis* сводится к тому, что поскольку закон места совершения деликта имеет недостатки, закон места неосновательного обогащения также несовершенен. В частности, к недостаткам *lex loci delicti* относят, во-первых, весьма незначительную связь места совершения деликта

²⁵⁷ Cohen S. Quasi-Contract and the Conflict of Laws. 1956. 31 Los Angeles Bar Bulletin 71.

²⁵⁸ Blaikie J. Op. cit. P.119. Gutteridge and Lipstein. Op. cit. P. 89-90. По мнению Дж. Блейки, наиболее тесную связь между действиями, приводящими к неосновательному обогащению, и местом совершения окончательного платежа или передачи имущества имеет закон места получения платежа.

²⁵⁹ Bennet T.W. Op.cit. P.147.

с основанием иска,²⁶⁰ во-вторых, затруднения с локализацией места совершения деликта.²⁶¹

Кроме того, не стоит забывать, что понятие неосновательного обогащения имеет не только чисто фактическую сторону, но употребляется в значении юридического факта, что на практике может привести к искажению данного понятия в случае слишком узкого его толкования.²⁶²

В англо-американской доктрине отсутствует однозначная и авторитетная позиция о применении закона места неосновательного обогащения. Критерии определения места неосновательного обогащения вырабатываются на основе судебной практики.

При рассмотрении Палатой Лордов дела *Re Jodia (A Bankrupt) [1988]*²⁶³ о взыскании с французского поставщика должника излишнее уплаченных денежных средств в рамках процедуры банкротства судья V.-C. Browne-Wilkinson выразил особое мнение о необходимости применения закона места неосновательного обогащения или места получения платежа как имеющего наиболее тесную связь с правоотношением, руководствуясь теорией подразумеваемого договора (theory of implied contract).

В деле *Chase Manhattan Bank N.A. v. Israel-British Bank (London) Ltd.*²⁶⁴ судом штата Нью-Йорк в 1981 году был рассмотрен спор между нью-йоркским банком и лондонским банком о возврате ошибочно перечисленной нью-йоркским банком денежной суммы в размере 2 млн. долларов США на расчетный счет ответчика в другом нью-йоркском банке. На основании параграфа 2 (с) правила 200 А.Дайси и Дж.Морриса судья Гоулдинг применил право штата Нью-Йорк, согласно которому ответчик признается

²⁶⁰ Подтверждением тому служит известное дело *Babcock v. Jackson [1963]*, где впервые за историю американской юриспруденции судья отказался от традиционной для деликтных обязательств привязки к месту совершения деликта, применив закон наиболее тесной связи. Как отмечает Дж. Панагополус, ссылаясь на авторитет А.Дайси и Дж.Морриса, зачастую подлежащее применению право устанавливается случайно и может вообще не иметь никакой связи с правоотношением. Panagopoulos G. Op. cit. P. 137.

²⁶¹ Bennet T.W. Op.cit. P. 149.

²⁶² Bennet T.W. Op.cit. P. 150.

²⁶³ [1988] 1 W.L.R. 484.

²⁶⁴ [1981] 1 Ch. 105.

доверительным собственником денежных средств (a constructive trustee of the moneys).

Таким образом, на современном этапе, несмотря на очевидную простоту в применении, закон места неосновательного обогащения в роли единообразного коллизионного критерия, который смог бы охватить все разнообразные случаи неосновательного обогащения, отвергается англо-американской доктриной.²⁶⁵

III. закон страны, с которым правоотношение имеет наиболее тесную связь (law of the state which has the most significant relationship)

В соответствии с данным подходом обязательство из неосновательного обогащения подчиняется праву страны, с которым наиболее тесно связано возникшее правоотношение.

Разработка нового подхода к определению права, подлежащего применению, явилась закономерным результатом развития американского коллизионного права, главной тенденцией которого явился принцип наиболее тесной связи как основной критерий для выбора права, подлежащего применению, в области договорных, внедоговорных обязательств (деликты и неосновательное обогащение).

В настоящее время данное коллизионное правило получило закрепление в § 271 Второго издания Свода законов о конфликте законов (Second Restatement, Conflict of Laws, 1971), призванного заменить устаревшее правило о законе места неосновательного обогащения как не отвечающего современным тенденциям коллизионного регулирования.²⁶⁶

²⁶⁵ См. Panagopoulos G. Op.cit. P.115.

²⁶⁶ § 271 Second Restatement 1971 гласит:

- 1) Применительно к реституционным требованиям права и обязанности сторон в отношении конкретного основания иска должны определяться в соответствии с законом штата, который касательно данного основания иска имеет наиболее тесную связь с обстоятельствами дела и сторонами на основании принципов, изложенных в § 6.
- 2) При применении принципов § 6 в целях установления применимого права должны приниматься во внимание следующие контакты:
 - а) место, где наступило правоотношение сторон при условии наличия существенной связи правоотношения с получением неосновательного обогащения;
 - б) место получения необоснованной материальной выгоды или неосновательного обогащения;

При выработке правила Restatement Second преследовалась цель установления единого коллизионного правила, применимого ко всем случаям неосновательного обогащения.²⁶⁷

Для целей определения применимого права доктрина разделяет все случаи неосновательного обогащения на две категории: 1) право, применимое к ситуациям, когда обязательство из неосновательного обогащения возникает в связи с существующим или предполагаемым правоотношением сторон - пункт 2 (a) § 271 Restatement Second); 2) право, применимое к ситуациям, когда неосновательное обогащение не основано на предшествующем правоотношении сторон - пункт 2 (b), (c), (d), (e) § 271 Restatement Second.²⁶⁸ В первом случае подлежит применению право страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, сопровождающее неосновательное обогащение (к примеру, договор, траст, фидуциарное обязательство и т.п.),²⁶⁹ во втором случае вопрос о выборе права разрешается на основе принципа наиболее тесной связи, при определении которой суд оценивает контакты (связи) реституционного правоотношения из установленного списка с целью выявления правопорядка, имеющего наиболее существенную связь с обстоятельствами дела.²⁷⁰

Установление применимого права на основании критерия наиболее тесной связи опирается на доктрину правительственного интереса (*government interest analysis*),²⁷¹ оказавшую значительное влияние на

-
- с) место совершения действия по передаче материальной выгоды или неосновательного обогащения;
 - д) domicilio, место жительства, национальность, место инкорпорации и место ведения бизнеса (предпринимательской деятельности) сторон;
 - е) место нахождения вещей, в том числе земельного участка или движимого имущества, имеющих существенную связь с правоотношением из обогащения в момент неосновательного обогащения.

Вышеуказанные контакты должны оцениваться по степени важности с конкретным правоотношением.

Привод. по Hay P. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d. P.49.

²⁶⁷ Hay P. Op.cit. P.13

²⁶⁸ Hay P. Op.cit. P. 43, 46.

²⁶⁹ Panagopoulos G. Op.cit. P.149-151.

²⁷⁰ Hay P. Op.cit.P.46.

²⁷¹ Данная доктрина является продуктом развития исключительно американской правовой мысли и не получила развитие в других странах общего права. Основоположником концепции принято считать Б.Карри, который считал, что суд должен применять законы государства, которое заинтересовано в применении

развитие американского коллизионного права на протяжении последних пятидесяти лет.²⁷²

В американской доктрине данный подход рассматривается в контексте схожей ему английской модели “proper law of the obligation”, послужившей началом перехода от метода «привязки» к новому коллизионному методу «подхода».²⁷³ В отличие от метода «правила», когда суд, следуя заранее установленной формуле прикрепления, обращается к праву определенного государства, применение метода «подхода» предполагает поиск надлежащего правопорядка путем оценки («взвешивания») списка контактов (связей), которые имеет правоотношение с различными правовыми системами, на предмет их существенности или значимости в целях наиболее точного разрешения проблемы выбора права.

Вместе с тем, в отличие от германской модели *lex causae conditionis* английская доктрина *proper law of the obligation* и американский подход на основе принципа наиболее тесной связи (*the most significant relationship approach*) не являются коллизионными нормами, указывающими право страны, подлежащее применению к неосновательному обогащению, предлагая лишь подход к определению применимого права путем установления общей презумпции, конкретизируемой в специальных презумпциях, применимых для отдельных случаев неосновательного обогащения либо путем указания примерного перечня контактов, подлежащих оценке судом для целей отыскания надлежащего правопорядка.

Таким образом, с точки зрения американской доктрины установление применимого права на основе критерия наиболее тесной связи должно осуществляться с учетом конкретных обстоятельств дела, что позволяет говорить о казуистичности данного подхода. В качестве ориентира в

своих законов. Currie B., *Selected Essays on the Conflict of Laws* (Durham, NC, 1963). Впоследствии доктрина получила дальнейшее развитие в рамках теории «центра тяжести» (*center of gravity*).

²⁷² Bennet T.W. Op.cit. P.153.

²⁷³ Bennet T.W. Op.cit. P.145. Hay P. Op.cit. P.11.

процессе поиска применимого права пункт 2 § 271 Свода закрепляет примерный перечень (контактов) связей неосновательного обогащения с тем или иным правом порядком. При этом, при определении применимого права суд должен принимать во внимание установленные принципы (§ 6 Свода).²⁷⁴

Поскольку перечень контактов носит незакрытый характер, оценка (взвешивание) контактов производится судом по своему усмотрению, исходя из характера и обстоятельств конкретного дела, что не позволяет достичь единообразного результата разрешения коллизионных вопросов.²⁷⁵

Ключевой категорией является термин «*relationship*», который во Втором издании Свода используется в значении «связи» правоотношения с той или иной правовой системой. Вместе с тем, по аналогии с понятием «*Rechtverhältniss*» в германском праве англо-американская доктрина использует категорию «*preexisting relationship*» для обозначения предполагаемого или существующего правоотношения, в связи с которым может наступить обязательство из неосновательного обогащения. По мнению П.Хея, категорию «*preexisting relationship*» следует трактовать широко, охватывая, помимо договорных правоотношений, отношения, предметом которых выступает имущество.²⁷⁶ Вместе с тем, в отличие от германского «*Rechtverhältniss*», Restatement Second не включает в данную категорию случаи так называемого ошибочно предполагаемого правоотношения.²⁷⁷

По убеждению П.Хея, правило Restatement Second не дает ответы на некоторые вопросы, в частности, определение момента возникновения предполагаемого правоотношения, «основного правоотношения», составляющего основание (cause of action) иска о неосновательном обогащении. Как считает автор, указанные затруднения вызваны многозначностью самого термина «*relationship*», используемого в одних

²⁷⁴ В частности, к ним относятся интересы публичного порядка, основополагающие положения в определенной области права, определенность, предсказуемость и единообразие подхода в достижении результата, простоту в установлении применимого права.

²⁷⁵ Bennet T.W. Op.cit. P.155.

²⁷⁶ Hay P. Op.cit. P.44.

²⁷⁷ Hay P. Ibid.

случаях в значении существующего правоотношения, сопровождающего неосновательное обогащения; в других - для обозначения «центра тяжести», т.е. наиболее существенной связи (контакта) с тем или иным правопорядком. Возможным способом разрешения проблемы явилось бы закрепление в Restatement Second четких критериев разграничения между случаями, когда неосновательное обогащение возникает в связи с существующим правоотношением, и случаями, когда такое правоотношение не возникло, но предполагается между сторонами.

Следует отметить, что, в отличие от германской доктрины, американский Restatement Second не содержит правил о выборе права к отношениям из неосновательного обогащения с участием третьего лица. Исключения составляют случаи, вытекающие из агентских соглашений и договора хранения (депозита), которые подчиняются праву, применимому к существу правоотношения.²⁷⁸ Во всех остальных случаях применимое право определяется исходя из общего критерия наиболее тесной связи.²⁷⁹

На сегодняшний день концепция наиболее тесной связи для целей определения применимого права пользуется популярностью. Однако, есть авторы, которые критично оценивают значение правила Restatement Second применительно к обязательствам вследствие неосновательного обогащения. Так, Дж.Панагопулос отмечает, несмотря на то, что рассматриваемое коллизионное правило обеспечивает гибкость в выборе права, оно не позволяет достичь определенности, поскольку вопросы установления наиболее тесной связи в каждом конкретном случае остаются на широкое усмотрение суда.²⁸⁰ К такому выводу приходит автор, изучив судебную практику. В частности, по несложным делам, когда правоотношение имеют очевидную тесную связь только с одной страной, такой подход работает,²⁸¹

²⁷⁸ Hay P. Op.cit. P.20.

²⁷⁹ Hay P.Op.cit. P.21.

²⁸⁰ Panagopoulos G. Op. cit. P.118.

²⁸¹ Дело *Nowell v. Dick [1969]*, по которому Апелляционный суд пятого округа США применил закон штата Нью-Йорк как имеющего наиболее тесную связь с отношениями, сложившимися между клиентом и юристом,

тогда как по делам со сложной фабулой дела, когда отдельные элементы правоотношения тесно связаны одновременно с разными правопорядками, выбрать из них надлежащий правопорядок вызывает трудности, поскольку судьи не знают, чем руководствоваться для оценки значимости отдельных элементов правоотношения по отношению к другим.²⁸²

Другой авторитетный американский ученый А.Эренцвейг утверждает, что идея выработки во Втором Своде законов единой универсальной коллизионной нормы, применимой ко всем случаям неосновательного обогащения, не увенчалась успехом, даже в отношении определенной группы случаев, поскольку суд, рассматривающий дело, будет всегда руководствоваться своими соображениями «справедливости», стоящими выше избранного права.²⁸³

К аналогичному заключению приходит также американский юрист Питер Хей в своей работе, посвященной сравнительно-правовому анализу американской модели, закрепленной во Втором издании Свода законов, и германского *lex causae conditionis*, объясняя это невозможностью установления единых критериев наиболее тесной связи для всех случаев неосновательного обогащения, возникающих на практике.²⁸⁴

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что подход, основанный на принципе наиболее тесной связи, является своеобразным аналогом английской доктрины «*proper law of the obligation*», а также имеет много общего с германским коллизионным правилом «*lex causae conditionis*».

поскольку на территории данного штата возникло правоотношение и выполнена большая часть работы юриста.

²⁸² В решении по делу *Phoenix Canada Oil Co.v. Texaco Inc.[1983]*, в котором был рассмотрен спор о взыскании с нефтяных компаний неосновательного обогащения, выразившегося в доходах, полученных по концессионному соглашению с правительством Эквадор, Апелляционный суд третьего округа США применил право Эквадор к требованию о неосновательном обогащении, несмотря на то, что стороны спора не имели принадлежности к республике Эквадор, а неосновательное обогащение было получено в штате Пенсильвания.

²⁸³ Ehrenzweig A. P.1305.

²⁸⁴ Hay P. Op.cit. P.43.

IV. закон совместного гражданства (или места жительства) сторон (*lex patriae/domicilii of the parties*)

Данный коллизионный подход к отысканию применимого права берет свое начало в конце XIX века. Этот подход был предложен представителями французской доктрины международного частного права (Ф.Лорен, А.Вейсс) в отношении любых квази-договорных обязательств, том числе из неосновательного обогащения.²⁸⁵ Как считает Ф.Лорен, поскольку квази-договорные обязательства возникают в силу закона и опираются на волю сторон, их следует рассматривать по аналогии с договором.²⁸⁶ В связи с этим данным автором отвергается идея приравнивания квази-деликтов к квази-договорным обязательствам и сформулировано специальное правило: если стороны имеют гражданство одного и того же государства (одинаковую национальную принадлежность), подлежит применению личный закон сторон, в противном случае отношение регулируется законом места совершения акта.²⁸⁷ В пользу определения применимого права по принципу национальности сторон также высказывались некоторые германские авторы (Э.Цительманн, Э.Франкенштайн).²⁸⁸

На сегодняшний день данное правило практически не применяется и представляет интерес исключительно с точки зрения эволюции коллизионных подходов в области неосновательного обогащения. Непопулярность личного закона объясняется разными причинами. Так, по мнению Т.Беннет, личный закон должника не может претендовать на роль генерального универсального правила, так как рассчитан на весьма ограниченное количество случаев, отсутствует связь с фактической ситуацией, в рамках которой наступило неосновательное обогащение, кроме

²⁸⁵ Laurent F. Droit civil international. P.9. Weiss A. Traité théorique et pratique de droit international privé. P. 387-390. Привод. по ст. Gutteridge H.C., Lipstein K. Op. cit. P. 85.

²⁸⁶ См. L.v.Bar. The theory and practice of international private law. 2nd ed. Edinburgh. 1892. P.642.

²⁸⁷ L.v.Bar. Ibid.

²⁸⁸ См. Gutteridge H.C., Lipstein K. Op. cit. P.86-87.

того, возможна произвольность (случайность) достигаемого результата применения данной коллизионной нормы.²⁸⁹

Вместе с тем, закон личного закона сторон закреплен в качестве основного коллизионного правила для определения права, применимого к требованиям о возврате недолжно уплаченного в таком авторитетном документе региональной унификации международного частного права, как Кодекс Бустаманте.²⁹⁰

V. закон страны суда (*lex fori*)

Идея применения закона страны суда в качестве основного коллизионного принципа для определения права, применимого к случаям неосновательного обогащения, принадлежит авторитетному американскому автору А.Эренцвейгу. В своей известной работе «*Restitution in the Conflict of Laws: Law and Reason versus the Restatement Second*» данный автор подверг серьезной критике *lex causae* как основного подхода проекта Второго издания свода законов о конфликте законов (Draft Second Restatement, Conflict of Laws).

По мнению А.Эренцвейга, обращение к закону страны суда опирается на многочисленную судебную практику, когда суды почти всегда применяли свое собственное право по реституционным спорам.²⁹¹ Как считает данный автор, в пользу права страны суда указывает также квалификация реституции в качестве средства защиты права (*remedy*), относящегося к процессуальному праву.²⁹² Кроме того, целесообразность применения данного коллизионного правила вытекает из природы неосновательного обогащения, в основе

²⁸⁹ Bennet T.W. Op.cit. P. 150-151. На нецелесообразность применения личного закона сторон ранее указывали авторы Гаттеридж и Липштейн. Op.cit. P. 89.

²⁹⁰ См. Международное частное право. Иностранное законодательством// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. Ст. 221. С. 773.

²⁹¹ Ehrenzweig A. *Restitution in the Conflict of Laws: Law and Reason versus the Restatement Second*. 36 New York University Law Review. 1297 (1961). P.1306.

²⁹² Ehrenzweig A. Op.cit. P.1302, 1314.

которого лежит принцип справедливости, оценка которому может быть дана не иначе, как судом страны судебного разбирательства.²⁹³

Вместе с тем, А.Эренцвейг допускал одно исключение из общего правила *lex fori*: «суд может воздержаться от применения собственного права в пользу иностранного права, когда любая из сторон разумно полагала на применение иностранного права».²⁹⁴ При этом, в ходе оценки такого разумного ожидания (*reliance*) не должна приниматься во внимание квалификация спора для целей определения применимого права, что, однако, не устраняет неопределенность относительно критериев *reliance*.

Применение закона страны суда (*lex fori*) для целей определения применимого права в области неосновательного обогащения не получило поддержки в зарубежной литературе. Так, по мнению Х.Гаттеридж и К.Липштейн, установление закона страны суда может привести к злоупотреблениям сторон при разрешении вопроса о применимом праве путем обращения стороны в суд той страны, законодательство которой предусматривает наиболее благоприятное регулирование.²⁹⁵ П.Хей считает, что подход, основанный на законе страны суда, следует отвергнуть, поскольку он не учитывает намерения сторон, которые служат решающим фактором для целей выбора применимого права, в частности, речь идет о случаях взыскания неосновательно полученного при расторжении договора, признания его незаключенным или заключенным под влиянием обмана, намеренного уклонения от закона.²⁹⁶ Как полагает Дж.Панагопулос, опираясь на сложившуюся судебную практику, реституция относится скорее к праву материальному, нежели к праву процессуальному и, соответственно, должна подчиняться *lex causae*.²⁹⁷

²⁹³ Ehrenzweig A. Op.cit. P.1305.

²⁹⁴ Ehrenzweig A. Op.cit. P.1307.

²⁹⁵ В качестве иллюстрации авторы приводят дело *Chandler v. Webst.* Gutteridge H.C., Lipstein K. Op. cit. P. 91.

²⁹⁶ Hay Peter. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d// The American Journal of Comparative Law, Vol. 26, No. 1 P.14, 15.

²⁹⁷ Panagopoulos G. Op.cit. P. 141. Bennet T.W. Op.cit. P. 151.

В литературе разрешение коллизионного вопроса на основе закона страны суда обосновывается соображениями защиты публичного порядка страны суда, под которым принято понимать основополагающие положения, которые в силу их особого значения для страны призваны регулировать правоотношение, независимо от подлежащего применению права. Таким образом, единственным допустимым оправданием для отказа в применении иностранного права в пользу материального права страны суда является оговорка о публичном порядке. В США доктрина публичного порядка опирается на теорию правительственного интереса (*government interest approach*), оказавшего значительное влияние на развитие американского коллизионного права.²⁹⁸

Проблема публичного порядка применительно к неосновательному обогащению рассматривается в работе Стивена Ли. По его мнению, в частности, судья может отказать во взыскании или, наоборот присудить неосновательно полученное, опираясь на нормы собственного материального права, если установит, что применение иностранного права приведет к последствиям, несовместимым с отечественным правопорядком, в том числе косвенно.²⁹⁹ Вместе с тем, как признает С.Ли, при решении вопроса о противоречии публичному порядку сохраняется некоторая степень неопределенности относительно круга обстоятельств, подлежащих оценке с точки зрения публичного порядка, устанавливаемых судьей самостоятельно исходя из конкретной фактуры дела.³⁰⁰ При этом, подчеркивается, что отказ в применении иностранного права не должен ставиться в зависимость от

²⁹⁸ Параграф 221 Restatement (Second) Conflict of Laws предписывает принимать во внимание, помимо прочего, связи с государствами и юрисдикциями, затрагиваемыми спорным правоотношением. Lee Stephen. "Restitution, Public Policy and the Conflict of Laws" (1998) 20 U.Q.L.J. 1. P. 2.

²⁹⁹ В качестве оснований отказа в возмещении неосновательного обогащения, признаваемого иностранным правом, приводятся: нарушение фундаментальных прав человека, совершение незаконных действий, мошеннические действия с целью обхода закона. Lee S. Op.cit. P. 11-14. Основаниями для присуждения неосновательного обогащения в силу местного права являются подкуп (взятка), получение выгоды вследствие утраты доверия, приобретение недвижимости под принуждением, вследствие обмана. P. 15-37.

³⁰⁰ Lee S. Op.cit. P.3.

формы, содержания или мотивов применяемого закона, предметом оценки могут быть только последствия применения иностранного права.

Можно привести несколько примеров применения закона страны суда со ссылкой на оговорку о публичном порядке:

Апелляционный суд Сингапура рассмотрел дело *Thahir v. Pertamina* [1994],³⁰¹ которое касалось приведения в исполнения *constructive trust* в отношении имущества, полученного третьей стороной (г-жой Ташир), заведомо осведомленной о том, что имущество отчуждалось в нарушение фидуциарного обязательства. Суд признал г-жу Ташир вовлеченной с незаконную коррупционную схему. Несмотря на наличие связи дела с индонезийским правом, суд применил право Сингапура в целях недопущения нарушения публичного порядка страны суда и обязал г-жу Ташир вернуть неосновательно полученные денежные средства.

В деле *National Commercial Bank v. Wimborne* [1978]³⁰² Верховный суд Нового Южного Уэльса в Австралии рассмотрел спор о взыскании с жителя Уэльса Вимборна денежных средств, полученных им в результате предоставления ложных заверений. Вимборн получил целевой заем в швейцарском банке под гарантию Национального коммерческого банка Саудовской Аравии, выданной, в свою очередь, под индемнити (*indemnity*) принца Саудовский Аравии для целей строительства торгового комплекса. Однако, полученные денежные средства были использованы ответчиком не по целевому назначению. Применив закон страны суда, суд взыскал с г-на Вимборна денежные средства, полученные им обманным путем.

В деле *United States Surgical Corporation v. Hospital Products International Pty Ltd* [1982]³⁰³ американская корпорация (истец) предъявила иск о взыскании с австралийской компании (ответчик) неосновательного обогащения, полученного ответчиком путем намеренного нарушения своих

³⁰¹ [1994] S.L.R. 257, 272.

³⁰² [1978] 5 B.P.R. 11, 598 (N.S.W.S.C.).

³⁰³ [1982] 2 NSWLR 766.

обязательств, вытекающих из контракта, Верховный суд Нового Южного Уэльса в Австралии отказал в применении закона штата Нью-Йорк/Коннектикут, которому был подчинен контракт, на том основании, что применение такого закона, не признающего реституцию в сфере фидуциарных отношений, противоречит публичному порядку закона страны суда.

На современном этапе закон страны суда (*lex fori*) в качестве правила определения права, применимого к неосновательному обогащению, не закреплен ни в национальном законодательстве, ни в международно-правовых актах. Отказ от привязки к закону страны суда обусловлен рядом причин: применение закона страны суда в качестве коллизионного правила определения статута неосновательного обогащения, во-первых, исключает применение права других правопорядков, с которыми могут быть связаны элементы правоотношения из неосновательного обогащения, во-вторых, не учитывает позиции и интересы сторон для целей выбора применимого к их отношениям правопорядка, которые, как правило, имеют приоритет в свете расширения принципа автономии воли сторон, поэтому возможность выбора сторонами права не должна быть ограничена правом страны суда, в пользу данного довода служит исключение положения о выборе сторонами обязательства только права страны суда из статьи 1223 ГК РФ, в-третьих, приводит к сложностям при квалификации отношений из неосновательного обогащения по иностранному праву в случае невозможности толкования данного института по закону страны суда ввиду многообразия подходов к понятию «неосновательное обогащения» (может относиться к материальному либо к процессуальному праву).

С учетом изложенного, можно резюмировать, что, несмотря на некоторые достоинства (к примеру, исключает необходимость установления содержания иностранного права, требующего больших затрат и времени), закон страны суда не отвечает критериям единого универсального коллизионного правила, которое бы охватывало самые разнообразные случаи

неосновательного обогащения, и может применяться лишь в исключительных случаях, когда обращение к собственному материальному праву необходимо для защиты национальных интересов страны, в которой рассматривается спор, на основании оговорки о публичном порядке, либо путем применения свехимперативных норм страны суда.

VI. статут фактора неосновательности обогащения (proper law of unjust factor)

Совершенно новый подход к разрешению проблемы выбора права в области обязательств из неосновательного обогащения предлагает Дж.Панагопулос.³⁰⁴ В частности, по его мнению, вопросы неосновательного обогащения должны подчиняться закону страны, имеющей наиболее тесную и реальную связь с ключевым элементом иска о взыскании неосновательного обогащения - фактором неосновательности обогащения, под которым понимается обстоятельство, в силу которого обогащение одного лица за счет другого признается неосновательным, т.е. без правового основания.³⁰⁵ Предполагается, что такая коллизионная норма будет учитывать как правовую природу кондикционного требования, так и всё разнообразие обстоятельств, приводящих к наступлению неосновательного обогащения.

На первый взгляд, усматривается аналогия с основаниями недействительности сделки, когда право, применимое при определении недействительности сделки, определяется на основании единого генерального статута недействительности сделки, в качестве общей коллизионной нормы, субсидиарные статуты недействительности сделки подлежат применению в качестве специальной коллизионной нормы при отдельных основаниях недействительности сделки.³⁰⁶

³⁰⁴ Доктрина “unjust factor” также получила поддержку в работах Sonja Meier “Unjust factors and legal grounds”, Thomas Krebs “In defense of unjust factors”//Unjustified Enrichment:Key Issues in Comparative Perspective. Ed. By D. Johnston, R.Zimmermann. Cambridge University Press. 2002.

³⁰⁵ Panagoroulos G. Op.cit. P.159.

³⁰⁶ Зарубежная и отечественная доктрина о праве, применимом к недействительности сделки, подробно рассматривается в диссертации Гасымова С.О. Недействительность сделок в международном частном праве. Дис...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 59.

Как ранее было рассмотрено в главе 1, посвященной анализу понятия неосновательного обогащения в российской и зарубежной доктрине, отсутствие правового основания для обогащения является одним из необходимых условий наступления обязательства из неосновательного обогащения. При этом, фактическая сторона неосновательного обогащения – сам факт перехода материальных благ из имущественной сферы одного лица за счет другого лица не имеет значения для констатации основания возникновения кондикционного обязательства.

Как считает Дж.Панагопулос, по аналогии с деликтными обязательствами, где применимое право определяется по закону страны, которым действия ответчика по причинению вреда относятся к противоправному деянию, обязательства из неосновательного обогащения должны подпадать под действие закона страны, признающего совершенное обогащение за счет другого лица неосновательным.³⁰⁷ При этом, даже в случае если неосновательное обогащение имело место в стране иной, нежели обстоятельства, повлекшие неосновательность обогащения, решающим должен быть статут неосновательности обогащения, а не закон страны места обогащения.³⁰⁸

К преимуществам предлагаемого правила автор относит предсказуемость и гибкость при определении применимого права.³⁰⁹ По сравнению с законом места неосновательного обогащения, результат применения которого зачастую носит произвольный характер, поскольку место обогащения не во всех случаях обладает необходимой связью со сторонами или обстоятельствами дела. Гибкость при определении надлежащего правопорядка проявляется в исследовании всех фактических обстоятельств, послуживших основанием для обращения в суд с требованием

³⁰⁷ Panagopoulos G. Op.cit. P.165.

³⁰⁸ Ibid.

³⁰⁹ Panagopoulos G. Op.cit. P.166.

о возврате неосновательного обогащения.³¹⁰ Так, на примере, связанном с совершением банком, ведущим дела в Англии, ряда ошибочных платежных операций за определенный финансовый год показано, что именно статут неосновательности обогащения позволяет достичь наиболее оптимального результата в выборе права: во-первых, право подлежит применению одновременно ко всем ошибочно совершенным платежам, а не к каждому отдельному платежу, как было бы в случае применения закона места неосновательного обогащения, во-вторых, выбор права не требует установление всех конкретных обстоятельств дела, что обеспечивает его независимость от усмотрения суда.³¹¹

В зависимости от конкретных обстоятельств дела закон страны, имеющей тесную связь с неосновательностью обогащения (*proper law of the unjust factor*), может иметь следующие разновидности:³¹²

- i. закон **места**, с которым обстоятельство неосновательности обогащения наиболее тесно и реально связано (*law of the **place** with which the alleged unjust factor has its closest and most real connection*);
- ii. закон **страны**, с которой обстоятельство неосновательности обогащения наиболее тесно и реально связано (*law with which the alleged unjust factor has its closest and most real connection*).

В связи с этим в целях коллизионного регулирования Дж.Панагопулос разделяет все возможные случаи неосновательности обогащения на две категории:

- случаи, при которых неосновательность обогащения базируется на событии/действии (*event-based unjust factors*), что позволяет локализовать неосновательность;
- случаи, при которых неосновательность обогащения выражена в форме правовой нормы (*law-based unjust factor*).

³¹⁰ Ibid.

³¹¹ Ibid.

³¹² Panagopoulos G. Op.cit. P.167.

Соответственно, для ситуаций первой категории применимое право определяется по закону места, которое наиболее тесно и реально связано с конкретным обстоятельством, в силу которого обогащение признается неосновательным (основанием кондикционного иска), а в отношении второй категории случаев вопросы неосновательного обогащения подчинены праву страны, с которой обстоятельство неосновательности обогащения имеет наиболее тесную и реальную связь.³¹³

К первой категории относятся случаи получения неосновательного обогащения:³¹⁴

вследствие ошибки (*mistake*), по принуждению (*illegitimate pressure*), в результате невозможности встречного исполнения (*failure of consideration*), от неуправомоченного лица (*unauthorized transfer*), реституция в результате правонарушения (*restitution for wrongs*).

Вторая категория включает случаи, когда неосновательность получения обогащения вытекает из закона, а обстоятельство неосновательности не имеет реальной локализации (*locus*): совершение платежей с превышением полномочий (*ultra vires payments*), принуждение (*legal compulsion*), отсутствие правового основания, полномочий и правоспособности (*illegality, incapacity*).³¹⁵

По замыслу автора подхода, представленные категории случаев неосновательного обогащения не образуют отдельные коллизионные нормы права, являясь, по сути, конкретизацией генерального статута неосновательности обогащения.³¹⁶ Выбор применимого права будет зависеть от правильной квалификации обстоятельств дела, для чего судья должен установить основание иска о неосновательном обогащении (*cause of action in*

³¹³ Ibid.

³¹⁴ Panagopoulos G. Op.cit. P.168-174.

³¹⁵ Panagopoulos G. Op.cit. P.175-181.

³¹⁶ Panagopoulos G. Op.cit. P. 168.

unjust enrichment) и определить категорию обстоятельств, на которые ссылается истец в обосновании неосновательности обогащения (unjust factor).

Таким образом, по мнению Дж.Панагопулоса, в отличие от места неосновательного обогащения, в качестве критерия генеральной привязки для целей отыскания применимого права следует использовать существенный элемент кондикционного правоотношения, каковым является основание, в силу которого обогащение становится неосновательным (*unjust factor*).

§ 3. Право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения, в новейших кодификациях международного частного права (Польша, Бельгия, Болгария, Нидерланды).

Современные тенденции коллизионно-правового регулирования обязательств с иностранным элементом нашли отражение в новых законах о международном частном праве, принятых в ряде стран континентальной Европы, среди которых можно отметить Кодекс международного частного права Бельгии от 16 июля 2004 года, Кодекс МЧП Болгарии 2005 года, Книга 10 Гражданского кодекса Голландии (вступила в силу 01 января 2012 года), Закон Польши о международном частном праве от 7 февраля 2011 года. Рассмотрим новые подходы к правовому регулированию трансграничных обязательств из неосновательного обогащения.

Бельгийский кодекс МЧП не выделяет специальных коллизионных норм, посвященных кондикционным обязательствам. Положения о праве, подлежащем применению в отношении данной группы обязательств, объединены в статье 104 «Право, применимое к квази-договорным обязательствам», в соответствии с которой основным коллизионным принципом для определения статута квази-договорного обязательства является право страны, с которой квази-договорное обязательство наиболее тесно связано. Если не доказано иное, презюмируется, что такое обязательство наиболее тесно связано с правом страны, на территории

которой имело место события или обстоятельства, повлекшие неосновательное обогащение (§ 1 статьи 104). Отдельное внимание уделено обязательствам в связи с оплатой чужого долга. В частности, правом, наиболее тесно связанным с подобными обязательствами, считается право страны, регулирующее такой долг, если не будет доказано обратное.

Для определения наиболее тесной связи закон предписывает принимать во внимание существующие и предполагаемые отношения сторон.³¹⁷

Болгарский кодекс МЧП содержит отдельную статью 111 для регулирования обязательств, возникающих из неосновательного обогащения. В качестве общего коллизионного правила выступает закон страны, где имело место обогащение. В пунктах 2 и 3 предусматриваются субсидиарные привязки: право страны, которому подчинено правоотношение, в случае возникновения неосновательного обогащения в связи с каким-либо иным правоотношением сторон (к примеру, договором), либо право страны, где стороны на момент совершения обогащения стороны имеют совместное место жительства или место основной деятельности. Есть исключение из перечисленных правил, в силу которого следует применять право другой страны, если из совокупности обстоятельств в целом следует, что неосновательное обогащение явно и наиболее тесно связано с такой другой страной (пункт 3).

Болгарское коллизионное право в целом восприняло положения Регламента Рим II с некоторыми отличиями: по праву Болгарии исходным коллизионным началом, по которому определяется статут обязательства из неосновательного обогащения, является закон места обогащения, а не право, регулирующее существующее между сторонами правоотношение; неодинаково определяется момент действия привязки «закон совместного местожительства сторон»: в Регламенте Рим II место жительства сторон в одной и той же стране определяется на момент совершения юридического

³¹⁷ См. URL: [http://www.ipr.be/content/WbIPR\[EN\].pdf](http://www.ipr.be/content/WbIPR[EN].pdf) (дата обращения: 16.01.2016).

факта, повлекшего неосновательное обогащение, в болгарском кодексе – на момент самого обогащения.³¹⁸

В течение длительного исторического периода в Нидерландах отсутствовала кодификация международного частного права. Нормы национального коллизионного права были разбросаны по отдельным актам, среди которых можно отметить Закон от 15 мая 1859 года, содержащий общие положения законодательства Королевства, Закон от 25 марта 1981 года, содержащий коллизионное регулирование в отношении расторжении брака и разлучения и признания таковых в связи с ратификацией Люксембургского и Гаагского договоров о признании решений, касающихся брачных уз, и признании разводов и разлучений соответственно.³¹⁹ Однако, складывающаяся в течение последних лет судебная практика применения некодифицированного голландского законодательства не отличалась последовательностью, что в итоге привело к необходимости национальной кодификации международного частного права.

Первый шаг на пути национальной кодификации в данной сфере права был предпринят в 1969 году, когда в Брюсселе между странами Бенилюкса (Бельгией, Люксембургом и Нидерландами) был заключен Договор, касающийся единообразного закона о международном частном праве. Данная попытка инкорпорации в голландское законодательство единообразного коллизионного акта не увенчалась успехом, Договор не был ратифицирован всеми странами Бенилюкса.³²⁰

Наконец, в январе 2012 года вступил в силу закон, которым Гражданский кодекс Голландии был дополнен Книгой 10, состоящей из 15

³¹⁸ См. URL: <http://www.ifrc.org/Docs/idrl/868EN.pdf> (дата обращения: 16.01.2016).

³¹⁹ См. Международное частное право. Иностранное законодательство. сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 442-443. Подробный перечень законов, принятых в Нидерландах в области коллизионного регулирования за период с 1980 по 2010 годы, см. Boele-Woelki K. & van Iterson D. The Dutch Private International Law Codification: Principles, Objectives and Opportunities//Electronic Journal of Comparative Law, vol. 14.3 (December 2010), P. 6, 7. URL: <http://www.ejcl.org> (дата обращения: 16.01.2016).

³²⁰ См. Boele-Woelki K. & van Iterson D. Op. cit. P. 1,2.

титулов и 159 статей.³²¹ Книга 10 представляла собой систематизацию ранее действовавшего голландского международного частного права, источником которого выступали конвенции, законодательство Европейского Союза и национальные законы. Коллизионное регулирование обязательств из неосновательного обогащения, закрепленное в Регламенте Рим II, было полностью инкорпорировано в голландское национальное законодательство. Так, статья 10:157 Книги 10 гласит: «Для целей настоящего титула (титула 10.14 «Внедоговорные обязательства») Регламент Рим II означает Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского Регламента и Совета «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам» от 11 июля 2007 года».

Эволюционный процесс развития польского коллизионного права можно условно поделить на три периода: 1) Закон Польши от 2 августа 1929 года о праве, подлежащим применению к международным частным отношениям,³²² 2) Закон Польши от 12 ноября 1965 года о международном частном праве (вступил в силу с 1 июля 1965 года),³²³ 3) Закон Польши от 4 февраля 2011 года (вступил в силу 16 мая 2011 года), который также напрямую отсылает к Регламенту Рим II для определения права, применимого к обязательствам, возникающим в силу неправомерных фактов (статья 33 Закона).³²⁴

Основной причиной принятия новой кодификации международного частного права явились недостатки предыдущего Закона Польши 1965 года, среди которых отмечают такие, как оставление многих сфер (уступка требования, перевод долга, право интеллектуальной собственности и т.п.) без правового регулирования, пробелы в правовом регулировании путем установления отсылочных норм вместо норм, напрямую регулирующих

³²¹ URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook01010.htm> (дата обращения: 16.01.2016).

³²² См. Международное частное право. Иностранное законодательство. сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 468.

³²³ Текст Закона Польши от 12.11.1965 г. на русском языке приведен в кн.: Международное частное право. Иностранное законодательство. сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 469-476.

³²⁴ Текст Закона Польши на русском языке в переводе Д.И. Зеньковича см.: Журнал международного частного права. 2012. № 2. С. 53 - 69. Текст закона на английском языке доступен на сайте: URL: http://pil.mateuszpilich.edh.pl/New_Polish_PIL.pdf (дата обращения: 16.01.2016).

правоотношение (к примеру, обязательства из односторонних сделок). В Законе Польши 1965 году не нашли отражения новые подходы к коллизионному регулированию (небольшое количество «сложных» привязок, чрезмерное предпочтение применения *legis fori* и др.).³²⁵

Как известно, в сфере внедоговорных обязательств выбор сторонами применимого права ограничен определенным моментом времени. Национальное законодательство зарубежных государств неодинаково разрешает данный вопрос. В Германии статья 42 Вводного закона к ГГУ содержит общее правило, применимое к внедоговорным обязательствам, согласно которому заключение сторонами обязательства соглашения о выборе права допускается после наступления обстоятельства, послужившего основанием для возникновения такого обязательства. Закон МЧП Швейцарии оставляет этот вопрос неразрешенным: статья 128, посвященная специальному коллизионному регулированию обязательств из неосновательного обогащения, не указывает временные ограничения для выбора сторонами права, статья 132, применимая к деликтным правоотношениям, допускает выбор сторонами права в любое время после причинения вреда. В Англии данный вопрос не урегулирован в законе, второй *Restatement* (1971) США устанавливает объективный подход, в силу которого правоотношение должно иметь тесную связь с избранным штатом (государством). Новейшие кодификации МЧП, как правило, ограничивают возможность заключения соглашения сторон о выборе права после наступления внедоговорного обязательства (статья 113 (1) Болгарский кодекс МЧП), после возникновения спора (параграф 2 статьи 104 Бельского кодекса МЧП), либо не закрепляют специальных положений, отсылая к общим положениям (пункт 3 статьи 4 Закона Польши 2011 года) или к

³²⁵ Подробнее см. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: Монография. (Книга 1). Под ред. М.М.Богуславского, А.Г.Лисицына-Светланова, А.Трунка. М.Норма,2013. СПС «КонсультантПлюс».

инкорпорированным правилам Регламента Рим II (Книга 10 Гражданского кодекса Голландии).

Проведенный сравнительно-правовой анализ подходов, существующих в зарубежном законодательстве и доктрине к определению права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения, свидетельствует о:

1. снижении роли жесткой привязки «закон места неосновательного обогащения» в пользу закона наиболее тесной связи вследствие невозможности выработки единой коллизионной привязки для охвата всего многообразия случаев неосновательного обогащения, а также сложностей с локализацией места обогащения;
2. закреплении права страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, в связи с которым возникло неосновательное обогащение, в качестве общего правила для определения права страны, с которой обязательство из неосновательного обогащения наиболее тесно связано, в различных его интерпретациях в зарубежных правовых порядках (*lex causae conditionis* в Германии, Швейцарии; *proper law of the obligation* в Англии; *the most significant relationship* в США) в качестве основного коллизионного правила определения права, регулирующего обязательства из неосновательного обогащения.

§ 4. Унификация коллизионных норм в области обязательств из неосновательного обогащения.

На современном этапе международные договоры, содержащие единообразные коллизионные и материальные правовые нормы, играют ключевую роль в процессе унификации международного частного права, поскольку позволяют устранить имеющиеся различия в национальном материальном праве и коллизионном праве, разрешить проблемы, связанные с квалификацией правоотношения, достичь единообразия при применении и толковании таких унифицированных норм. На сегодняшний день не

существует универсального унифицированного международно-правового акта, который объединил бы все существующие коллизионные нормы в области внедоговорных обязательств, в том числе из неосновательного обогащения. В связи с этим, международное регулирование внедоговорных обязательств, осложненных иностранным элементом, осуществляется, главным образом, посредством региональной унификации коллизионных правил в рамках интеграционных объединений (ЕС, СНГ).

Принятие Европейским Парламентом и Советом Регламента «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) явилось важным шагом в процессе унификации коллизионных норм международного частного права государств-членов Европейского Союза в области внедоговорных обязательств.³²⁶ В настоящее время Регламент применяется на территории всех государств-членов ЕС, за исключением Дании.³²⁷

В отличие от директивы ЕС, опосредующей процесс гармонизации (сближения) национальных законодательств европейских государств, Регламент как форма унификации представляет собой акт ЕС, содержащий единообразные правила, подлежащие обязательному и прямому применению на территории всех государств-членов ЕС в силу самого факта членства государства, т.е. отдельного волеизъявления (согласия) государства на обязательность изложенных в нем правил путем ратификации или имплементации (трансформации) в национальное законодательство не

³²⁶ Official Journal of the European Union, L 1999, 31 July 2007. Регламент Рим II вступил в силу 11 января 2009 года. Примечательно, что изначально вопросы применимого права в области внедоговорных обязательств предполагалось регламентировать в рамках Европейской конвенции о праве, применимом к внедоговорным обязательствам (по аналогии с Римской конвенцией 1980 г. именуемой также Конвенция Рим II), которая разрабатывалась Европейской группой по международному частному праву в сентябре 1998 года. Подробнее об этом см. Panagopolous G. Restitution in Private International Law. Hart Publishing. Oxford Portland-Oregon.2000.P.155-158.

³²⁷ Соединенное Королевство и Ирландия выразили согласие на применение Регламента на основании статьи 3 Протокола о позиции Соединенного Королевства и Ирландии, прилагаемого к Договору о Европейском Союзе и Договору об учреждении Европейского сообщества. Дания не участвовала в принятии Регламента и поэтому положения Регламента к данной стране не применимы.

требуется.³²⁸ Кроме того, Регламент имеет некоторые преимущества перед конвенционным методом регулирования, поскольку является актом прямого действия, обеспечивающим более эффективное и непосредственное применение закрепленных в нем положений на территории всех стран ЕС. Так, Е.В. Кабатова отмечает, что «с точки зрения унификации форма регламента предпочтительнее международной конвенции».³²⁹

Регламент Рим II содержит единообразные коллизионные нормы, применимые к деликтным обязательствам, в том числе специальным деликтным требованиям (причинение вреда окружающей среде, вследствие недобросовестной конкуренций, нарушения прав интеллектуальной собственности, недостатков товаров/работ/услуг, забастовки или локаута) и иным внедоговорным обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (*culpa in contrahendo*), ведения чужих дел без поручения (*negotiorum gestio*). В соответствии со статьей 1 под действие Регламента подпадают осложненные иностранным элементом, т.е. связанные с правопорядками нескольких государств, внедоговорные обязательства в гражданской и торговой сфере с учетом исключений, предусмотренных в параграфе 2 данной статьи. Таким образом, Регламент заменил коллизионное право государств-членов ЕС, что позволило устранить существовавшие различия в национальном коллизионном праве европейских стран. Регламент, будучи актом региональной унификации, при этом, в силу прямого указания в самом Регламенте носит универсальный характер в отношении применимого материального права, т.е. право, определяемое в соответствии с положениями Регламента, подлежит применению независимо от того, является оно правом государства-члена ЕС (статья 3(1)).

³²⁸ Леанович Е., Гаспаревич И. Роль права Европейского Союза в процессе унификации коллизионных норм, применимых к внедоговорным обязательствам//Журнал международного права и международных отношений. №3.2010. С.23.

³²⁹ Кабатова Е.В. Модернизация коллизионного регулирования деликтов//Хозяйство и право. 2004. № 1. С.114.

Правила определения права, подлежащего применению к обязательствам вследствие неосновательного обогащения, установлены в статье 10 Регламента Европейского Парламента и Совета «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II):³³⁰

1. Если внедоговорное обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения (включая получение ненадлежащего платежа), затрагивает существующее отношение между сторонами, такое как обязательство из договора или вследствие причинения вреда, тесно связанное с этим неосновательным обогащением, то правом, подлежащим применению, является право, которое регулирует данное отношение.
2. В случае, если право, подлежащее применению, не может быть определено на основании параграфа 1, и стороны имеют свое обычное место жительства в одной и той же стране в момент, когда происходит юридический факт, влекущий неосновательное обогащение, то правом, подлежащим применению, является право этой страны.
3. В случае, если право, подлежащее применению, не может быть определено на основании параграфов 1 или 2, то правом, подлежащим применению, является право страны, где произошло неосновательное обогащение.
4. В случае, если из всех обстоятельств дела вытекает, что внедоговорное обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, имеет явно более тесные связи с другой страной чем та, которая указана в параграфах 1, 2 или 3, то применяется право этой другой страны.

³³⁰ Четвериков А. О. Предисловие к Регламенту (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс] // Кафедра права Европейского союза Московской государственной юридической академии. Ссылка на ресурс: URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/collision/vnedogovornoe.htm#_ftn1 (дата обращения: 17.02.2015). Текст неофициального перевода Регламента Рим II с французского языка приводится по материалам СПС «КонсультантПлюс».

Можно выделить следующие основные коллизионные привязки, используемые в статье 10 для определения права, применимого к неосновательному обогащению:

- право, регулирующее существующее между сторонами правоотношение, в связи с которым возникло обязательство из неосновательного обогащения, включая получение ненадлежащего платежа (параграф 1 статьи 10 – *law of the underlying relationship*);
- право страны совместного местожительства сторон на момент совершения юридического факта, повлекшего неосновательное обогащение (параграф 2 статьи 10 - *law of joint habitual residence*);
- закон места неосновательного обогащения (параграф 3 статьи 10 - *law of the place of unjust enrichment*).

Параграф 1 статьи 10 Регламента Рим II определяет генеральный статут обязательства из неосновательного обогащения по праву, которое регламентирует существующее правоотношение сторон (*law of the underlying relationship*).³³¹ В доктрине существует иное наименование данного правила *lex causae conditionis*, когда право, подлежащее применению, определяется по праву, регулирующему существо правоотношения (*cause of action*), в английском праве получившее воплощение в концепции ‘proper law of the obligation’.³³² Что касается подхода Restatement (Second) “the most significant approach”, то последний не совсем укладывается в рамки *law of the underlying relationship*, включая, помимо собственно выбора права, также соображения публичного интереса, которыми руководствуется суд при выборе надлежащего правопорядка.³³³

³³¹ The European Legal Forum. The Rome II Regulation: On the way towards a European Private International Law Code. P. 1-82.

³³² Zhang Mo. “Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and its Impact on Choice of Law” // Seton Hall Law Review. Vol.39. Issue 3. Article 4. P.888.

³³³ Pitel S. Rome II and Choice of Law for Unjust Enrichment // The Rome II Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations. 235-236.

В случае невозможности определения применимого права на основе генеральной привязки, в частности в случае отсутствия какого-либо правоотношения между сторонами или недостаточности связи правоотношения с неосновательным обогащением, следует руководствоваться субсидиарными привязками, изложенными в параграфе 2 и 3 Регламента Рим II (право совместного местожительства сторон, закон места неосновательного обогащения).

В зарубежной литературе подход, изложенный в статье 10 Регламента Рим II, относят к традиционному коллизионному методу определения применимого права (*traditional choice of law method*), когда с помощью коллизионной привязки, отсылающей к определенному правопорядку, правоотношение прикрепляется к правовой системе конкретного государства, материальное право которого подлежит применению.³³⁴ Вместе с тем, статья 10 в параграфе 4 предусматривает исключение из жестких коллизионных норм исходя из критерия наиболее тесной связи с правоотношением сторон, предписывая применение права другой страны, нежели правопорядок, определяемый в соответствии с рассмотренными коллизионными привязками, если из совокупности всех обстоятельств будет следовать, что право такой другой страны имеет более тесную связь с правоотношением. В связи с этим статья 10 позволяет найти более гибкий подход при решении вопроса о выборе права, отвечающий современным тенденциям развития международного частного права.³³⁵ Таким образом, общая презумпция применения права страны, которой подчинено существующее правоотношение сторон, может быть опровергнута в случае, если обстоятельства дела свидетельствуют о более тесной связи обязательства из неосновательного обогащения с другим правопорядком.

³³⁴ Ahern John, Binchy William. The Rome Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New International Litigation Regime. 2009. P.233-234. Автор главы Pitel S. Rome II and Choice of Law for Unjust Enrichment.

³³⁵ Rushworth A. and Scott A. 'Rome II: Choice of Law for Non-Contractual Obligations'. 2009. LMCLQ 274, 285. Привод. по кн. Burrows A. The Law of Restitution. P.717. S. Pitel. Op.cit. P.235.

Отличительной чертой Регламента Рим II является распространение доктрины автономии воли сторон на сферу внедоговорных обязательств. Традиционно доктрина автономии воли сторон рассматривалась исключительно в контексте консенсуально-договорных обязательств и не применялась к внедоговорным обязательствам, возникающим помимо воли сторон в силу закона. Стороны могут выбрать право любой страны, как страны-члена ЕС, так и страны, не являющейся таковой, вне зависимости от того, имеет ли выбранное право объективную и реальную связь с обстоятельствами дела.³³⁶ Соглашение о выборе права может быть заключено, по общему правилу, после наступления юридического факта, повлекшего неосновательное обогащение. Исключением являются обязательства, стороны которых осуществляют предпринимательскую деятельность, в этом случае стороны могут договориться об избранном праве заранее до наступления такого обстоятельства. В случае если не все стороны обязательства занимаются предпринимательской деятельностью, выбор права до наступления обстоятельства, которым вызвано обогащение, невозможен. При этом, Регламент Рим II оставляет неразрешенным вопрос о юридической силе соглашения о выборе применимого права, заранее заключенного в отсутствие между сторонами какого-либо правоотношения. Полагаем, что если речь идет об обязательстве между сторонами-предпринимателями, заранее сделанный выбор права будет действительным в любом случае в силу предпринимательского статуса сторон, вне зависимости от наличия или отсутствия между ними такого правоотношения, и, соответственно, не будет иметь силу применительно к обязательству между сторонами, не занимающимися предпринимательской деятельностью, даже если такое обязательство возникло в связи с существующим правоотношением сторон. При выборе применимого права следует

³³⁶ The European Legal Forum. The Rome II Regulation: On the way towards a European Private International Law Code. P. 1-82.

учитывать установленные Регламентом Рим II условия допустимости выбора сторонами применимого права: во-первых, такой выбор должен быть прямо выражен или определенно вытекать из обстоятельств дела, во-вторых, не должен наносить ущерба правам третьих лиц.

Кроме того, избранный порядок не должен затрагивать действие внутригосударственных императивных норм права страны (*internal mandatory rules*), в которой сосредоточены все иные элементы правоотношения (статья 14.2). Стороны также не могут отступить от применения императивных положений права Сообщества в случае локализации всех элементов правоотношения на территории одного или нескольких государств-членов, несмотря на выбор в пользу права третьего государства.³³⁷

В доктрине все случаи неосновательного обогащения, к которым применима статья 10, разделяются на две категории: те, которые возникают в связи с существующим правоотношением сторон (*existing relationship*), и те, которые возникают самостоятельно, при отсутствии правоотношения между сторонами (*no pre-existing relationship*).

Первая категория охватывает случаи получения неосновательного обогащения в рамках договорных правоотношений сторон, в частности в связи с расторжением, признанием незаключенным или недействительным договора, в рамках отношений из деликта и прочих отношений.³³⁸ Иные отношения, в связи с которым могут наступить обязательства из неосновательного обогащения, могут составлять агентские отношения,

³³⁷ The European Legal Forum. The Rome II Regulation: On the way towards a European Private International Law Code. P. 1-79. Zhang Mo. Op.cit. P.893-894.

³³⁸ Stone Peter. EU Private International Law. P.413. Burrows A. Op.cit. P.717, 720. Питер Хабер отмечает, что такое правоотношение должно уже существовать между сторонами на момент неосновательного обогащения, приставка “pre-“ (означающая ранее сложившиеся отношения) была случайно утеряна разработчиками при составлении Регламента. См. Huber P. Rome II Regulation: Pocket Commentary. P. 294.

отношения из траста (доверительной собственности), отношения по ответственному хранению, отношения между компанией и директором.³³⁹

Важным является вопрос о соотношении статьи 10 Регламента Рим II и статьи 12 Регламента Рим I, посвященной вопросам права, применимого к договорным обязательствам, так как зачастую неосновательное обогащение возникает как следствие недействительности договора. В частности, речь идет о статье 12 (1) (с) и (е), определяющей право, применимое к «последствиям нарушения договора» и «последствиям недействительности договора» соответственно. По мнению Э.Бэрроуза, поскольку сфера применения этих двух коллизионных норм может совпадать, остается неясность относительно того, какими же правилами следует руководствоваться в первую очередь в случае конфликта между ними.³⁴⁰ По мнению П.Стоуна, угроза конфликта положений Регламентов Рим II и Рим I возможна лишь в части ст. 12 (1) (е), касающейся последствий недействительности договора, напротив, отнесение вопроса о последствиях нарушения договора к статуту договора не вызывает сомнений.³⁴¹

П.Стоун также указывает на возможность применения статьи 10 Регламента Рим II к случаям неосновательного обогащения в связи с нарушением вещных прав, к примеру, в рамках виндикационного иска, предлагая в таких ситуациях применять закон места нахождения вещи (*lex situs*).³⁴² Как отмечает Питер Хабер, при применении Регламента Рим II по спорам, связанным с истребованием своего имущества, следует разграничивать вопросы существования титула на имущество, к которым Регламент Рим II не применим, и подпадающие под сферу его действия

³³⁹ Ahern John, Binchy William. The Rome Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New International Litigation Regime. 2009. Автор главы Pitel S. P. 244.

³⁴⁰ Burrows A. Op.cit. P. 718.

³⁴¹ Stone Peter. EU Private International Law. P.413.

³⁴² Burrows A. Op.cit. P. 720.

вопросы возмещения убытков, вызванных неправомерным вмешательством в имущественную сферу другого лица.³⁴³

Ко второй категории случаев неосновательного обогащения относят, в частности, ситуации, связанные с ошибочной уплатой налогов в казну, ошибочное перечисление средств на цели пожертвования или исполнение обязательства другого лица по принуждению.³⁴⁴ Думается, что в таких случаях правом, подлежащим применению, скорее всего, будет закон места неосновательного обогащения.

Как ранее отмечалось, закон места неосновательного обогащения не получил поддержки в качестве ведущего правила для определения права, подлежащего применению, в силу сложностей, связанных с локализацией места обогащения, а также недостаточной связи с обстоятельствами дела.

Основная цель привязки «закон места совместного местожительства сторон» состоит в недопустимости применения иностранного права к внутренним отношениям между лицами, являющимися гражданами одной страны или имеющими место жительства в одном и том же государстве.³⁴⁵ Кроме того, применение личного закона сторон находит подкрепление в американском *Restatement (Second)*, которым предусмотрены «домициль, национальность, место инкорпорации и место ведения бизнеса сторон» в числе контактов, которые должны быть приняты во внимание судом при определении права, подлежащего применению.

Согласно господствующему мнению в доктрине европейского международного частного права из сферы применения статьи 10 исключены вопросы неосновательного обогащения, возникающего в результате нарушения прав на интеллектуальную собственность (статья 8), в порядке суброгации (статья 19), а также вследствие ведения чужих дел без поручения (статья 11) либо в рамках преддоговорной ответственности (статья 12),

³⁴³ Huber Peter. Op.cit. P. 291.

³⁴⁴ Burrows A. Op.cit. P.717.

³⁴⁵ Pitel S. Op.cit. P. 246.

поскольку данные правоотношения полностью охватываются специальными коллизионными правилами.³⁴⁶

Применение статьи 10 Регламента осложняется различиями в определении зарубежными правовыми системы понятия «неосновательное обогащение».³⁴⁷ Как было рассмотрено в главе 1 диссертации, отсутствие единой терминологии, используемой для обозначения обязательства из неосновательного обогащения в странах общего права (термин “restitution”) и континентального права (термин “unjust enrichment”), затрудняет разрешение проблемы квалификации понятия «неосновательное обогащение». На основе анализа содержания данной категории в национальном законодательстве различных стран А.Чонг приходит к выводу о целесообразности использования в статье 10 термина “unjust enrichment” как понятия универсального характера, охватывающего практически все случаи неосновательного обогащения, по сравнению с категориями “restitution”, свойственной, прежде всего, странам англо-саксонской правовой системы и не имеющей определенной сферы применения.³⁴⁸

Регламент Рим II не содержит специальной нормы о сфере действия статута обязательства из неосновательного обогащения, по аналогии с Регламентом Рим I в отношении договорных обязательств.³⁴⁹ Статья 15 Регламента Рим II устанавливает общую сферу действия права, применимого ко всем внедоговорным обязательствам (обязательства из причинения вреда, обязательства в чужом интересе без поручения, преддоговорная ответственность (*culpa in contrahendo*)). Круг вопросов, перечисленных в статье 15 Регламента Рим II, ориентирован, прежде всего, на деликтные

³⁴⁶ Burrows A. Ibid. Stone Peter. Op.cit. P. 412-413.

³⁴⁷ Zhang Mo. Op.cit. P.887.

³⁴⁸ Chong Adeline. Choice of Law for Unjust Enrichment/Restitution and the Rome II Regulation // International and Comparative Law Quartely. Vol. 57. Issue 04. 2008. P.864-869, 872.

³⁴⁹ Ст. 12 Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам. Текст неофициального перевода Регламента Рим I приведен в СПС «КонсультантПлюс».

обязательства и не позволяет учитывать специфику и правовую природу иных внедоговорных обязательств, в том числе в области неосновательного обогащения. Подробнее вопрос о сфере действия статута обязательства вследствие неосновательного обогащения будет рассмотрен далее в контексте их российского коллизионного регулирования (глава 3).

Согласно статье 24 Регламента Рим II не допустима обратная отсылка (*renvoi*). Это означает, что применимое право, определенное на основании Регламента, не включает нормы международного частного права. Отказ в применении права, к которому отсылает Регламент Рим II, возможен лишь в случае явной несовместимости применения такого права публичному порядку страны суда, что отличается от российской модели оговорки о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ), когда для отказа в применении иностранного права необходимо противоречие последствий (результата) применения иностранного права публичному порядку. Представляется, что российский закон предлагает более взвешенный подход.

В условиях сохраняющихся различий в подходах к регулированию внедоговорных обязательств, в том числе вследствие неосновательного обогащения, важное значение приобретает процесс гармонизации национального законодательства стран-членов ЕС в области неосновательного обогащения. Итогом работы группы европейских экспертов явилась подготовка Принципов европейского права в области неосновательного обогащения (European Principles on Unjustified Enrichment) в составе Проекта общей справочной схемы.³⁵⁰ Проект включает в себя принципы, определения, типовые нормы, применимые как для отдельных

³⁵⁰ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition (Sellier European Law Publishers), Munich 2008. Положения об обязательствах вследствие неосновательного обогащения содержатся в книге 7 Проекта. Текст Проекта был представлен Европейской Комиссией 28 декабря 2007 года. Подробнее см. Jan M. Smits. "A European Law on Unjustified Enrichment? A critical view of the Law of Restitution in Draft Common Frame of Reference".

видов договоров, так и для внедоговорных обязательств.³⁵¹ Данный документ относится к актам негосударственного регулирования, поэтому не обладает обязательной юридической силой и не является источником права.

В рамках стран СНГ процессы материально-правовой и коллизионной унификации частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, опосредуются в форме международного договора. Действующие международные договоры, применяемые на территории государств-участников СНГ, не предусматривают специальных коллизионных норм в области обязательств из неосновательного обогащения. Минская конвенция 1993 года³⁵² устанавливает правила определения права, применимого к обязательствам о возмещении вреда, по законодательству страны, на территории которой имело место действие или событие, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. В субсидиарном порядке может быть применено право страны совместного гражданства сторон. Аналогичные положения закреплены в Киевском соглашении 1992 года «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности», за исключением привязки к праву страны общего гражданства причинителя вреда и потерпевшего.

Своеобразной формой гармонизации законодательства стран СНГ является Модельный гражданский кодекс для государств-участников Содружества, который «не является юридически обязательным документом и служит лишь основой для национальных правовых актов (гражданских кодексов)».³⁵³ Статья 1231 Модели ГК для стран СНГ содержит следующие

³⁵¹ Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. И.О. Хлестова. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. ИНФРА-М. 2013. С. 48.

³⁵² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в Минске 22.01.1993, вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994). Статья 42 «Возмещение вреда». Источник: СПС «КонсультантПлюс».

³⁵³ См. Дмитриева Г.К. Общие вопросы унификации права// Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей. Отв. ред. И.О. Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013.С.19.

положения о праве, подлежащем применению к обязательствам из неосновательного обогащения.³⁵⁴

1) по общему правилу, применяется право страны, где обогащение имело место;

2) если неосновательное обогащение возникает вследствие отпадения основания, по которому приобретено или сбережено имущество, применимым является право страны, которому было подчинено это основание;

3) отдельная норма установлена для целей квалификации понятия «неосновательного обогащения».

Сравнивая положения статьи 1231 Модели ГК для стран СНГ с соответствующими нормами российского ГК РФ можно заключить, что статья 1223 ГК РФ восприняла общую привязку к праву страны, где обогащение имело место, но имеются и различия: так, отсутствует включенная в статью 1231 Модели ГК для стран СНГ отдельная коллизионная норма для целей толкования понятия неосновательного обогащения. В отличие от российского права, Модель ГК РФ для стран СНГ закрепляет иную формулировку коллизионной привязки *lex causae conditionis*: *право страны, которому было подчинено основание, вследствие отпадения которого возникает неосновательное обогащение*, что, на наш взгляд, неоправданно ограничивает сферу применения данной привязки, поскольку неосновательное обогащение может возникнуть не только вследствие последующего отпадения правового основания (недействительность или расторжение договора), но и в случаях, когда правовое основание (*causa*) отсутствовало изначально в предполагаемых отношениях между потерпевшим и приобретателем (незаключенность договора, приобретение имущества по незаконному основанию, например,

³⁵⁴ Текст Модели ГК для стран СНГ приводится по материалам СПС «КонсультантПлюс».

вследствие недобросовестного поведения в ходе переговоров о заключении договора).

В странах Латинской Америки неизменным авторитетом продолжает пользоваться Кодекс Бустаманте.³⁵⁵ Данный документ предусматривает отдельный раздел для квазидоговорных обязательств, к которым отнесены обязательства о возврате недолжно уплаченного. Согласно статье 221 Кодекса Бустаманте такие обязательства подчинены личному закону сторон, а в случае отсутствия такого закона – закону места платежа. Иные виды обязательств вследствие неосновательного обогащения, не связанные с недолжным платежом, к примеру, неправомерное сбережение или присвоение чужого имущества, не подпадают по сферу действия статьи; применимое к ним право должно определяться по закону, регулиющему юридический институт, их породивший, согласно статье 222 Кодекса. Думается, что для целей отыскания надлежащего правопорядка можно обратиться к статье 165 Кодекса, поскольку обязательства из неосновательного обогащения возникают в силу закона, либо к статье 168 документа, отсылающей к закону места, где были учинены вина или небрежность, которыми эти обязательства были порождены. Очевидно, что нормы Кодекса Бустаманте не отвечают современным тенденциям коллизионного регулирования внедоговорных обязательств. Однако, этот акт региональной унификации представляет значительный интерес с точки зрения развития теории и практики применения международного частного права латиноамериканских государств в вопросе о неосновательном обогащении.

Рассмотренные международные документы представляют серьезный научно-практический интерес с точки зрения возможного использования заложенных в них подходов в ГК РФ в целях учета новых тенденций в

³⁵⁵ Принят 20 февраля 1928 года на Международной конференции американских государств. Текст документа приведен в кн: Международное частное право. Иностранное законодательство// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. С. 748-798.

развитии коллизионного регулирования, сближения и поддержания единообразия в регламентации трансграничных гражданско-правовых отношений, на что обращалось внимание в Концепции развития гражданского законодательства и Указе Президента РФ от 18 июля 2008 года №1108.

Резюмируя изложенное, можно выделить следующие тенденции коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения:

❖ дифференциация и конкретизация коллизионных норм, что проявилось в закреплении наряду с общей коллизионной привязкой - закон, которому подчинено существующее правоотношение сторон (*lex causae conditionis* или *law of the underlying relationship*), ряда дополнительных специальных коллизионных привязок (закон совместного местожительства сторон, закон места неосновательного обогащения);

❖ «смягчение» жесткой коллизионной привязки «закон места неосновательного обогащения», гибкость коллизионного регулирования в целях достижения результата, в наибольшей степени отвечающего обстоятельствам дела. Учет совокупности всех обстоятельств дела обеспечивается путем применения закона наиболее тесной связи (*proper law*). Он необходим для того, чтобы не допустить применение «случайного» материального права страны, никаким образом не связанного с правоотношением сторон.

❖ расширение сферы применения принципа автономии воли сторон на внедоговорные обязательства, что направлено на достижение справедливого и оптимального для сторон исхода дела.

Таким образом, предусмотренный в Регламенте Рим II смешанный подход (применение традиционных коллизионных норм в сочетании с принципом наиболее тесной связи) позволяет найти наиболее оптимальное и гибкое решение при определении подлежащего применению права с учетом разнообразия случаев неосновательного обогащения. Доктринальные

разработки и правоприменительная практика, которые лежат в основе Регламента Рим II, могут быть использованы в качестве ориентира в целях совершенствования российских коллизионных норм об обязательствах из неосновательного обогащения, изложенных в статье 1223 ГК РФ.

Глава 3. КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

§ 1. История становления и развития коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения в России.

Исследование коллизионно-правового регулирования обязательств из неосновательного обогащения в дореволюционной России в отсутствие норм позитивного права опосредовалось, прежде всего, правовой доктриной. Традиционно рассматриваемые обязательства не выделялись от других видов внедоговорных обязательств и, как правило, сводились к обязательствам вследствие причинения вреда (деликтам). Начало юридического оформления их разграничения было положено в первой половине XX века, когда Ф.Ф. Мартенс, автор фундаментального двухтомного труда «Современное международное право цивилизованных народов», разделил все обязательства на три группы: 1) обязательства, вытекающие *ex voluntate* т.е. из юридических действий; 2) обязательства *ex re venientes*, являющиеся юридическими последствиями определенных действий и 3) *obligations ex delicto* и предложил систему коллизионных привязок применительно к каждому из указанных видов обязательств.³⁵⁶

³⁵⁶ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 // Под ред. д.ю.н., проф. В.А. Томсинова. М., «Зерцало». 2008. Глава 9. «Права по обязательствам».

Несмотря на отсутствие прямого упоминания в вышеприведенной классификации Ф.Ф. Мартенса обязательств из неосновательного обогащения, логично предположить, что последние входили в категорию обязательств *ex re venientes*, которые, по мнению Ф.Ф. Мартенса, должны подчиняться законам страны, от которых зависят правовые отношения, являющиеся основанием обязательств. Сама идея выделения обязательств по источникам их возникновения, предложенная Ф.Ф.Мартенсом, была прогрессивной на тот период и впоследствии заложила основы для разграничения неосновательного обогащения и причинения вреда при разрешении вопроса о выборе права, что впоследствии привело к применению в отношении обязательств из неосновательного обогащения коллизионных подходов, отличных от таковых, которые используются в сфере деликтных обязательств.

Другому выдающему дореволюционному юристу М.И. Бруну принадлежит ставшая ныне общепризнанной идея выделения в обязательственном праве как императивных начал, от которых стороны своим соглашением не могут отступить, так и элементов диспозитивности. Отличие императивных предписаний от диспозитивных норм состоит в различном правовом режиме: императивные правила применимы к обязательствам местных лиц перед иностранцами и направлены на защиту интересов должника, тогда как диспозитивные нормы позволяют сторонам договориться о применимом территориальном праве.³⁵⁷

Таким образом, в дореволюционной отечественной доктрине не сформировалось самостоятельного учения о кондикционных обязательствах, которые продолжали рассматриваться в контексте общих положений обязательственного права курса международного частного права. Поэтому подходы к коллизионному регулированию неосновательного обогащения не

³⁵⁷ Брун М.И. Международное частное право. Лекции, читанные в 1908-9 акад. году. М.: Издание Студ. Комиссии О-ва Взаимопомощи Студентов Коммерческого Института, [1909].

были выработаны и определялись по правилам, сложившимся в отношении деликтных обязательств.

Непосредственно коллизионные вопросы обязательств из неосновательного обогащения получили отражение лишь в трудах ученых советского периода. Так, А.Н.Макаров, рассматривая вопрос о праве, применимом к неосновательному обогащению, отмечал неоднозначность его решения ввиду двойкой природы квазидоговорных обязательств, частным случаем которых являются обязательства из неосновательного обогащения: с одной стороны, близость к деликту предопределяет применение закона места совершения обогащения, с другой стороны, связь с договорными обязательствами диктует подчинение закону, регулиющему существо последних.³⁵⁸

Весомый вклад в развитие отечественной доктрины по коллизионным вопросам неосновательного обогащения внесли взгляды Л.А.Лунца, который выступил с критикой господствовавшего в советский период подхода, основанного на применении закона места неосновательного обогащения в качестве единого коллизионного правила для всех случаев неосновательного обогащения. По мнению Л.А.Лунца, привязка к закону места обогащения должна быть отвергнута ввиду практической невозможности локализации самого обогащения в пользу закона страны, в которой имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение либо закона, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение сторон (*lex causae condictionis*).³⁵⁹ Кроме того, применение привязки к закону места обогащения в отношении случаев возврата недолжно уплаченной суммы денег может привести к неправильной квалификации всех действий по совершению ошибочных платежей. Так, в качестве примера приводится случай, когда некий гражданин А, ошибочно

³⁵⁸ Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР.1924. С.94.

³⁵⁹ Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С.660-661.

полагая, что имеет долг перед гражданином В, переводит последнему денежные средства со своего счета, открытого в парижском отделении банка, на счет, открытый в лондонском банке. Как считает Л.А.Лунц, местом платежа является Лондон, поскольку платеж происходит не в месте внесения денег в Париже, а по месту кредитования счета В в Лондоне.³⁶⁰

В случае же когда неосновательное обогащение связано с каким-либо другим обязательством, по аналогии с ГГУ (Германского Гражданского Уложения) Л.А.Лунц допускал возможным применение права, которому подчинено существующее или предполагаемое обязательство, если бы оно существовало, к примеру, в случае, когда неосновательное обогащение наступает в связи со спецификацией (изготовлением вещи из чужого материала) решающим будет закон местонахождения вещи, а в случае уплаты несуществующего долга – право, которому было подчинено денежное обязательство, как если бы оно существовало.³⁶¹ Иными словами, для определения права, применимого к неосновательному обогащению, выясняется наличие или отсутствие связи возникшего кондикционного обязательства с правоотношением между потерпевшим и обогатившимся лицом.

Действовавшее до 1991 года законодательство, в частности Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, не содержало коллизионных норм, определяющих право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения. Впервые коллизионная норма, определяющая право, подлежащее применению к рассматриваемым обязательствам, была закреплена в статье 168 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года (далее – «Основы ГЗ 1991 года»), в силу которой к

³⁶⁰ Лунц Л.А. Там же.

³⁶¹ Лунц Л.А. Там же.

обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, применялось право страны, где обогащение имело место.³⁶²

Однако, несмотря на приверженность классическому коллизионному началу в этой области, в практике Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) можно встретить решения, в которых вопросы о праве, подлежащем применению к неосновательному обогащению, разрешались не на основании подлежащей применению ст. 168 Основ ГЗ 1991 года, а в соответствии с коллизионными нормами, относящимися к договорным отношениям. На данное обстоятельство обращал внимание в свое время проф. М.Г.Розенберг.³⁶³

Так, рассмотрим решение Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при ТПП РФ от 01.12.1995 по делу №222/1995. Покупатель (Кипр) обратился в арбитраж с требованием о взыскании с продавца (Россия) суммы невозвращенной предоплаты, процентов за пользование чужими денежными средствами по контракту, который был расторгнут сторонами. К спорному правоотношению МКАС при ТПП РФ счел нужным применить российское право в соответствии со ст. 166 Основ ГЗ 1991 г. и разрешил дело по существу на основании положений Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, участницей которой является РФ.³⁶⁴

По другому делу №289/1997 о споре между ливанской фирмой и российской организацией по незаключенному договору о совместной деятельности МКАС при ТПП РФ применил российское материальное право на основании пункта 2 ст. 166 Основ ГЗ 1991 г. Поскольку момент вступления в силу договора стороны поставили в зависимость от

³⁶² Ведомости СНГ и ВС СССР.1991. №26. Ст.733. См. Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд. М., Волтерс Клувер. 2011 (автор главы – В.П.Звеков). С. 650.

³⁶³ Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 5-е издание. М.: Книжный мир. 2007. СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁴ Приводится по материалам СПС «КонсультантПлюс».

утверждения Технико-экономического обоснования (ТЭО), которое так и не было получено, договор был признан незаключенным.³⁶⁵

Судебная практика государственных судов представляется более последовательной в применении «закона места обогащения» на основании статьи 168 Основ ГЗ 1991 года.

При рассмотрении дела по иску Meredith Holdings Inc. (Панама), Concolidated Imperial Maritaim Ltd. (Мальта) к АКБ «Славянский Банк» о возврате неосновательно полученных денежных средств как следствие расторжения договора купли-продажи имущественных прав, Арбитражный суд г. Москвы при исследовании вопроса о применимом праве, руководствуясь положениями ст. 168 Основ ГЗ, сделал вывод о том, что для разрешения данного спора должно применяться российское право.³⁶⁶

Другое дело по иску фирмы Лада-Болгария ООД (Республика Болгария) к ОАО «Банк развития промышленного производства» (Россия) касалось ошибочного перечисления денежных средств на корреспондентский счет Нью-Йоркского отделения Bank of America, США. Суды всех трех инстанций (Арбитражный суд города Москвы, Девятый арбитражный апелляционный суд и ФАС Московского округа) указали на применение к спорному правоотношению права штата Нью-Йорк, где произошло неосновательное обогащение, согласно ст. 168 Основ ГЗ.³⁶⁷

Таким образом, в отличие от ныне действующей статьи 1223 ГК РФ, право, определяемое на основании статьи 168 Основ ГЗ 1991 года, подлежало применению к любому кондикционному обязательству, независимо от того, сопровождалось ли неосновательное обогащение каким-либо иным правоотношением сторон.

³⁶⁵ Примечание: в Решении МКАС при ТПП РФ от 13.04.1998 по делу №289/1997. СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁶ Решение АС города Москвы от 07.04.2005 по делу №А40-22024/04-60-227. СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁷ Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2004 по делу №КГ-А40/4799-04. СПС «КонсультантПлюс».

§ 2. Статут обязательства из неосновательного обогащения.

2.1. Определение статута обязательства из неосновательного обогащения.

Определяемое на основании коллизионной нормы право, подлежащее применению к правоотношению из неосновательного обогащения, именуется статутом обязательства из неосновательного обогащения.

В международном частном праве основная функция категории «статут» состоит в четком разграничении круга отношений, к которым подлежит применению коллизионная норма (установление объема коллизионной нормы), и определении вопросов, которые входят в сферу действия статута. Как отмечает И.С.Зыкин, успешное функционирование механизма коллизионного регулирования в целом зависит от успешного разрешения проблемы разграничения соответствующих статутов (личного, вещного, договорного, деликтного и т.д.) на основе установления сферы их действия.³⁶⁸ Уяснение предмета регулирования статута обязательства из неосновательного обогащения приобретает особое значение в свете сохраняющейся проблемы соотношения кондикционных требований с иными гражданско-правовыми требованиями (см. *подробнее параграф 3.2*).

Современное российское законодательство определяет статут обязательства из неосновательного обогащения с помощью совокупности коллизионных норм: генеральная привязка «закон места обогащения» (*lex loci condictionis*) и субсидиарные правила – право, регулирующее существо правоотношения (*lex causae condictionis*), автономия воли сторон (*lex voluntatis*).

По сравнению с законодательством прошлых лет, раздел VI ГК РФ «Международное частное право» устанавливает более сложную и

³⁶⁸ Зыкин И.С. К вопросу о соотношении вещного и обязательственного статутов. М.: Статут. 2008. СПС «КонсультантПлюс». Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 153 - 171.

разветвленную систему коллизионных норм в области кондикционных обязательств. Так, если статья 168 Основ ГЗ 1991 года предписывала применение закона места обогащения к любому кондикционному обязательству, независимо от того, сопровождается ли неосновательное обогащение каким-либо иным правоотношением сторон, статья 1223 ГК РФ предусматривает дифференцированный коллизионный режим для двух категорий случаев:

- когда неосновательное обогащение возникает в связи с существующим или предполагаемым правоотношением сторон;
- когда неосновательное обогащение возникает при отсутствии правоотношения между сторонами.

Соответственно, в первом случае правом, подлежащим применению, будет закон страны, которому подчинено такое правоотношение (*lex causae condictionis*), во втором случае – закон места неосновательного обогащения (*lex loci condictionis*).

Объем коллизионной нормы п.1 статьи 1223 ГК РФ включает любые кондикционные требования, не связанные какими-либо существующими или предполагаемыми правоотношениями сторон. Как правило, в таких случаях обязанность возврата неосновательно полученного возникает в силу закона или вследствие несоблюдения публично-правовых обязательств и преследует цель восстановления нарушенного обмена материальных благ (взыскание излишне уплаченных налоговых платежей, истребование имущества, неправомерно изъятого для нужд государства, получение денежных средств при превышении или злоупотреблении своими должностными обязанностями (подкуп, взятка), ошибочное перечисление денежных средств на цели пожертвования и т.п.).

Объем коллизионной нормы п.2 данной статьи охватывает как *существующее*, так и *предполагаемое правоотношение*. Наиболее типичными примерами *существующего правоотношения*, в рамках которого возникают кондикционные обязательства, являются случаи уплаты

недолжного контрагенту по договору (переплата цены, оплата того, что не было исполнено другой стороной, поставка товара сверх обусловленного количества, перебор провозной платы и т.п.).³⁶⁹ Соответственно, в подобных случаях применимое право определяется по правилам статей 1210-1215 ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору. Сюда можно отнести также агентские отношения, когда поверенный выходит за пределы предоставленных ему полномочий, совершая в пользу доверителя сделки или исполнения за него обязательства, не предусмотренные поручением (действия в чужом интересе без поручения).

Предполагаемое правоотношение охватывает ситуации, когда потерпевший действовал, исходя из предположения о существовании правоотношения (между ним и приобретателем или между третьим лицом и приобретателем), которого в действительности вообще не было (примеры: перечисление предоплаты по договору, который он полагал заключенным, но который так и не был заключен), либо основания для существования которого уже отпали (к примеру, получение исполнения по договору, который был признан недействительным, или по договору, заключенному под отлагательным условием, в случае не наступления такого условия).³⁷⁰

Представляется, что в свете новой статьи 1222.1 ГК РФ, посвященной обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, по такой же логике должно определяться право, подлежащее применению к требованиям о возврате перечисленной денежной суммы в счет оплаты по договору, который не был заключен.

По смыслу п.1 статьи 1223 ГК РФ право страны, где имело место обогащение, следует воспринимать как основное правило в области

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Под ред. А.Л.Маковского и Е.А.Суханова. Подготовлен Исследовательским центром частного права. См. также Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный). 3-е изд. Под ред. Н.И.Марышевой, К.Б.Ярошенко. «КОНТРАКТ». «ИНФРА-М». 2010. СПС «КонсультантПлюс».

кондиционных обязательства, норму п.2 указанной статьи – как субсидиарную по отношению к генеральной привязке п.1. Как отмечают многие представители отечественной доктрины международного частного права, в действительности правило пункта 1 ст. 1223 оказывается практически не востребуемым, поскольку «обязательства из неосновательного обогащения возникают сравнительно редко вне связи с какими-либо предшествующими правовыми отношениями между приобретателем и потерпевшим».³⁷¹

Встречаются в литературе взгляды, характеризующие правило п.2 ст. 1223 ГК РФ для случаев, когда неосновательное обогащение возникает в связи с существующим или предполагаемым правоотношением сторон, как специальную коллизионную норму по отношению к общей коллизионной привязке п.1 указанной статьи.³⁷² При этом, М.П. Шестакова отмечает, что специальное правило не обладает тем приоритетом специального закона в силу его диспозитивного характера.

Предложенная система дифференциации коллизионных привязок статьи 1223 ГК РФ не встречает возражений принципиального характера, хотя и представляется не совсем точной, поскольку право страны, где неосновательное обогащение имеет место (п.1 ст. 1223 ГК РФ), на практике не обладает свойством коллизионной нормы общего характера, предназначенной для обязательств из неосновательного обогащения вообще, и может, в равной мере, применяться, в том числе, в отношении отдельных

³⁷¹ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Под ред. А.Л.Маковского и Е.А.Суханова. Подготовлен Исследовательским центром частного права. СПС «КонсультантПлюс». Такую же позицию занимает В.П.Звеков (автор главы) в кн.: Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 650. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. Учебно-практический комментарий (постатейный). Под ред. А.П.Сергеева. М.Проспект. 2011. СПС «КонсультантПлюс». Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей. Под ред. П.В.Крашенинникова. М.: Статут.2011. СПС «КонсультантПлюс».

³⁷² См: Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И.О.Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. С. 88, 97 (автор главы – М.П. Шестакова). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. Учебно-практический комментарий (постатейный). Под ред. А.П.Сергеева. М.Проспект. 2011 (автор комментария – М.Ю. Чельшев в соавторстве с Д.В.Огородовым) // СПС «КонсультантПлюс».

видов кондикционных обязательств, норма, отсылающая к праву страны, которому было или могло быть подчинено правоотношение сторон, в связи с которым возникло обогащение (п.2 ст. 1223 ГК РФ), не во всех случаях является специальной. Следует обратить внимание, что общая коллизионная норма устанавливается в виде дополнительного (субсидиарного) положения, подлежащего применению, если специальная коллизионная норма не может быть использована или является недостаточной для решения вопроса выбора права.

Таким образом, в отличие от статьи 128 Швейцарского закона о международном частном праве, по модели которой была сформулирована статья 1223 ГК РФ,³⁷³ в основе определения статута обязательства из неосновательного обогащения по российскому праву лежит коллизионный принцип «закон места неосновательного обогащения» (*lex loci condictionis*) (п.1 ст. 1223 ГК РФ), а закон, регулирующий существо правоотношения (*lex causae condictionis*), применяется в качестве субсидиарной нормы (п.2 ст. 1223 ГК РФ).

Среди иных отличий коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения на современном этапе можно отметить диспозитивность при определении права в области неосновательного обогащения путем предоставления сторонам возможности выбора сторонами права страны суда для регулирования вопросов неосновательного обогащения, что ранее исключалось в силу действия императивного правила статьи 168 Основ ГЗ, которое не могло быть изменено или отменено соглашением сторон.

Укрепление диспозитивных начал при выборе применимого права преследует принятая в развитие общей тенденции расширения доктрины автономии воли сторон применительно к трансграничным внедоговорным

³⁷³ На сходство статьи 1223 ГК РФ с законодательством Швейцарии указывает М.П.Бардина. См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный). 3-е изд. Под ред. Н.И.Марышевой, К.Б.Ярошенко. «КОНТРАКТ». «ИНФРА-М». 2010. СПС «КонсультантПлюс».

обязательствам новая статья 1223.1 ГК РФ,³⁷⁴ которая не ограничивает выбор сторонами права, подлежащего применению к обязательству вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения, правом страны суда, как это было предусмотрено в старой (ранее действовавшей) редакции статьи 1223 ГК РФ. Как и в Регламенте Рим II, применение избранного сторонами права допускается при условии отсутствия ущерба для прав третьих лиц. Думается, ввиду отсутствия специального указания относительно избираемого правопорядка, воля сторон в выборе права, подлежащего применению, не имеет пространственные пределы: таковым может быть право любой страны, как связанное, так и не связанное с правоотношением. Однако, здесь следует учитывать ограничение, предусмотренное п. 2 статьи 1223.1 ГК РФ, согласно которому выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой *связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства*. Поскольку закон не раскрывает, что следует понимать под такими обстоятельствами, их определение остается на усмотрение суда. Следует отметить, что изначально законопроект содержал иную формулировку: *«...выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой такое обязательство [вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения] реально связано»*.³⁷⁵ В ходе обсуждения законопроекта некоторыми учеными отмечались возможные сложности использования категории «реальная связь» ввиду ее неопределенности, отсутствия в доктрине и практике однозначно выработанных подходов к ее толкованию,³⁷⁶ и в итоге законодатель отказался от такой расплывчатой формулировки.

³⁷⁴ Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 223, 04.10.2013. Закон вступил в силу с 1 ноября 2013 года.

³⁷⁵ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³⁷⁶ Кабатова Е.В. Предлагаемые новеллы в раздел VI части третьей ГК РФ. С. 8.

Пункт 1 ст. 1223.1 ГК РФ устанавливает строгие временные рамки для заключения соглашения о применимом праве – после совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших неосновательное обогащение.³⁷⁷

На наш взгляд, установление такого временного ограничения для выбора права сторонами не совсем оправданно в случае, когда стороны заранее намерены определиться с выбором права не только в отношении договора, но и вытекающих в связи с ним внедоговорных требований, в том числе о взыскании неосновательного обогащения в случае прекращения договора. Из этого следует, что реализация права сторон заранее выбрать применимое право формально ставится в зависимость от характера требования (договорного или внедоговорного). Впрочем, в литературе применение права, ранее выбранного для договорных обязательств, неисполнение которых привело к появлению обязательств из неосновательного обогащения, рассматривается в качестве «косвенного» выбора права, когда избранное к договору право одновременно распространяется на любые возникшие из такого договора внедоговорные требования, в частности и о возврате неосновательного обогащения.³⁷⁸

Возможность «косвенного» выбора права в отношении связанных с договором требований о возврате неосновательно полученного непосредственно при заключении договора была признана в практике МКАС при ТПП РФ.³⁷⁹

³⁷⁷ Полагаем, что ограничения во времени для достижения соглашения об избранном праве не в полной мере соответствует статье 14 Регламента Рим II, допускающей возможность заключения соглашения о выборе права до совершения юридического факта, повлекшего неосновательное обогащение при условии, что стороны занимаются предпринимательской деятельностью. На данное обстоятельство также обращает внимание Е.В.Кабатова. См.: «Предлагаемые новеллы в раздел VI части третьей ГК РФ» // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Сборник статей Liber Amicorum в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. - М.: Статут, 2013. С. 7.

³⁷⁸ Современное международное частное право в России и Евросоюзе: Монография. (Книга 1). Под ред. М.М.Богуславского, А.Г.Лисицына-Светланова, А.Трунка. М.Норма,2013. СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁹ Решение МКАС при ТПП РФ от 31.08.2011 по делу №252/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража 2011. № 2. С. 202-225.

Следует отметить, что по сравнению с Регламентом Рим II, которым равно признается как прямо выраженный, так и подразумеваемый выбор права (должен определенно вытекать из обстоятельств дела), статья 1223.1 ГК РФ не содержит уточнений относительно способа выражения соглашения о выборе права, что может усложнить процесс определения подлежащего применению права в случаях, когда выбор права сторонами не столь очевиден, к примеру, между сторонами не заключено соглашение о выборе права. Для устранения такой неопределенности считаем необходимым предусмотреть возможность установления воли сторон о выборе права исходя из совокупности обстоятельств дела, дополнив п.1 ст. 1223.1 следующим абзацем: *«Соглашение сторон о выборе права, подлежащего применению к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения, должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из всей совокупности обстоятельств дела».*

Несмотря на широкое распространение закона места неосновательного обогащения в законодательстве большинства зарубежных стран (Венгрия, Лихтенштейн, Болгария, Куба, КНР, Эстония, страны-члены СНГ – Узбекистан, Киргизия, Казахстан),³⁸⁰ в последние годы в практике международного коммерческого арбитража прослеживается тенденция подчинения обязательств из неосновательного обогащения статусу правоотношения, в связи с которым возникает неосновательное обогащение.

Об укреплении данной тенденции на законодательном уровне также свидетельствует пункт 3 статьи 1219 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30.09.2013 № 260-ФЗ, который устанавливает применение к обязательству

³⁸⁰ Международное частное право. Иностранное законодательство// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. § 35 Указа Венгрии 1979 г. № 13 о международном частном праве. С. 238. Ст. 111 (1-4) Кодекса международного частного права Болгарии 2005 г. [Электронный ресурс URL: <http://www.ifrc.org/Docs/idrl/868EN.pdf> (дата обращения: 16.01.2016). Ст. 50 Закона Лихтенштейна 1996 г. о МЧП. С. 415. Ст. 16 ГК Кубы 1987 г. С. 389. § 168 Закона Эстонии 1994 г. об общих принципах гражданского кодекса (часть 5). С. 684. Ст. 1196 ГК Узбекистана 1996 г. С. 138. Ст. 1205 ГК Киргизии. С. 129. Ст. 1119 ГК Казахстан. С.117. А.А.Рягузов. Новый закон КНР о международном частном праве//Международное публичное и частное право. 2011. № 5. СПС «КонсультантПлюс».

из причинения вреда права, применимого к договору, в случаях, когда обязательство тесно связано с договором между причинителем вреда и потерпевшим, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности (*lex causae*).

Иллюстрацией такого подхода является решение Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при ТПП РФ от 06 июля 2011 г. по делу №221/2010 по иску компании «Б», имеющей местонахождение на территории России, к компании «Ф», имеющей местонахождение на территории Австрии, о признании договора на проведение обучения от 14 мая 2008 г. незаключенным и взыскании полученной ответчиком суммы предоплаты в качестве неосновательного обогащения. Руководствуясь положениями п.2 ст. 1223 ГК РФ, арбитры пришли к выводу о применении российского материального права как права страны, которому подчинено правоотношение сторон, возникшее из Договора, исходя из анализа совокупности обстоятельств дела.³⁸¹

Другим примером из практики МКАС при ТПП РФ является дело о взыскании неправомерно удерживаемых ответчиком денежных средств ввиду недопоставки товара ответчиком и последующего расторжения истцом договора поставки №28/05-МИ, в котором состав арбитров также счел необходимым применение статута договора к внедоговорным требованиям о взыскании неосновательного обогащения.³⁸² Интерес также представляет затронутый при рассмотрении данного дела вопрос о компетенции арбитража в отношении требования о возврате неосновательного обогащения при наличии заключенной между сторонами арбитражной оговорки. Состав арбитража постановил, что такие внедоговорные требования полностью охватываются арбитражной оговоркой, поскольку относятся к вопросам,

³⁸¹ Решение МКАС при ТПП РФ от 06.07.2011 по делу №221/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011. С. 192-200.

³⁸² Решение МКАС при ТПП РФ от 31.08.2011 по делу №252/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011. С. 202-225.

касающимся его нарушения и прекращения; внедоговорной характер требования сам по себе не служит препятствием для возможности его рассмотрения в МКАС при ТПП РФ ввиду отсутствия установленных ограничений в отношении допустимости заключения арбитражных соглашений, охватывающих как договорные требования, так и требования из внедоговорных оснований.³⁸³

В решении по делу №60/2005 от 05.07.2006 г. по иску администрации российского города к турецкой фирме с требованием о возврате неотработанных авансовых платежей, уплаченных подрядчику заказчиком на основании договора строительного подряда, МКАС при ТПП РФ применил положения российского законодательства, которому был подчинен договор, в связи с которым возникло неосновательное обогащение.³⁸⁴

Напротив, в российской судебной-арбитражной практике обращение к *lex causae condictionis* в качестве права, подлежащего применению к неосновательному обогащению, встречается сравнительно редко. При этом, даже в тех случаях, когда неосновательное обогащение наступило в связи с предполагаемым договорным правоотношением, суд предпочитает руководствоваться п.1 ст.1223 ГК РФ (закон места обогащения).³⁸⁵ Это отчасти объясняется тем, что разъяснения, содержащиеся в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», утратили свою актуальность, поскольку отраженные в нем подходы были сформулированы исходя из ранее действовавшего законодательства

³⁸³ Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011. С. 218.

³⁸⁴ Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2006 г. / Сост. М.Г.Розенберг. М.: Статут, 2008. С.212-215. Привод. по материалам Комментария к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный). 3-е изд. Под ред. Н.И.Марышевой, К.Б.Ярошенко. «КОНТРАКТ». «ИНФРА-М». 2010. СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2010 № 09АП 29002/2010-ГК по делу № А40-51414/10-141-423. Спор касался договора подряда, который был признан судом незаключенным, однако, несмотря на ранее существующие договорные правоотношения, в связи с которыми возникло неосновательное обогащение в виде неоплаченных, суд разрешил вопрос о применимом праве на основании п.1 ст.1223 ГК РФ. Хотя, в силу совпадения права, применимого к договору, и права места обогащения (Россия) неправильное определение применимого права не повлияло на рассмотрение дела по существу.

(Основы ГЗ 1991 г.), предусматривавшего императивное правило о применении права страны, где обогащение имело место.

Рассмотрим, как разрешаются коллизионные вопросы по требованиям, вытекающим из неосновательного обогащения с иностранным элементом, на примерах из судебной практики российских арбитражных судов:

i. Применение права страны, где обогащение имело место (п.1 ст.1223 ГК РФ):

Так, в деле по иску корейской компании к российскому обществу о взыскании неосновательного обогащения, вызванного неоплатой ремонта и освидетельствованием принадлежащего ответчику судна т/х «Заречье», Арбитражный суд Дальневосточного округа при исследовании вопроса о применимом праве пришел к выводу о том, что для решения данного спора должно применяться право республики Корея, где производились ремонтные работы и освидетельствование судна, т.е. где имело место обогащение ответчика.³⁸⁶

В другом деле о возврате принадлежащих истцу денежных средств, неправомерно присвоенных бывшим директором венгерской компании в период действия своих полномочий, Арбитражный суд Алтайского края применил нормы законодательства Венгерской Республики, на территории которой произошло обогащение, в частности, была зарегистрирована и имела местонахождение компания.³⁸⁷

Еще одним примером применения «закона места обогащения» может служить дело между компанией “INTERASCO (GENEVA) SA INC” (Швейцария) и ОАО «Маклаковский лесопильно-деревоперерабатывающий комбинат». Спор был связан с неосновательным приобретением пиломатериала, приемка и отгрузка которого производилась компанией

³⁸⁶ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.11.2008 № Ф03-А59/08-1/3979 по делу № А59-1356/07-С17, установленные обстоятельства по которому имели преюдициальное значение по другому делу между теми же сторонами, о том же предмета (Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14.09.2009 № Ф03-3921/2009 по делу № А59-2582/2008).

³⁸⁷ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29.05.2012 по делу № А03-775/2011, оставлено в силу Определением ВАС РФ от 22.08.2011 №ВАС-10557/12 об отказе в передаче дела в Президиум ВАС РФ.

“Interasco UK” на территории завода ответчика в адрес истца приобретенного пиломатериала согласно контракту с компанией “Interasco UK”. Руководствуясь правилом ст. 1223 ГК РФ, Арбитражный суд Красноярского края применил законодательство РФ, где имело место обогащение ответчика (Общество зарегистрировано и имеет местонахождение на территории РФ), и признал необоснованным требования компании о взыскании неосновательного обогащения.³⁸⁸

ii. Применение права страны, которое регулирует существующее или предполагаемое правоотношение, в связи с которым возникло неосновательное обогащение (п.2 ст.1223 ГК РФ):

В качестве примера обращения к данной привязке можно привести дело по иску ОАО «Корпорация Югранефть» к компании «Норекс Петролеум Лимитед» о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с признанием сделки по внесению ответчиком в уставной капитал истца вклада в виде интеллектуальной собственности недействительной. Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа указал на применение права Российской Федерации, поскольку неосновательное обогащение в виде полученных ответчиком дивидендов возникло в связи с ранее существующими правоотношениями по созданию ОАО «Корпорация Югранефть» и получению дивидендов. При этом, суд кассационной инстанции подтвердил несостоятельность довода ответчика о необходимости применения нормы п.1 ст.1223 ГК РФ, отсылающей к закону места обогащения, и признал правомерным применение норм российского законодательства, регулирующих такое правоотношение сторон из неосновательного обогащения.³⁸⁹

³⁸⁸ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.05.2011 по делу №А33-9570/2009.

³⁸⁹ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17.02.2004 по делу №Ф04/820-64/А75-2004.

По делу о возврате суммы, перечисленной во исполнение контракта, который впоследствии был расторгнут сторонами, в соответствии с положениями п.1 ст.1210, п.1, 3 ст.1211 ГК РФ арбитражный суд квалифицировал перечисленную денежную сумму как неосновательное обогащение ответчика и применил нормы гражданского права Германии как закона страны продавца (*lex venditoris*) ввиду отсутствия соглашения сторон о применимом праве.³⁹⁰

Таким образом, практика российских государственных судов, подход которой сложился, главным образом, на основе разъяснений Информационного письма Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», последовательна в приверженности принципу закон места обогащения (*lex loci condictionis*). Тем не менее, будучи распространенной, привязка к закону места обогащения не встречает безусловной поддержки со стороны МКАС при ТПП РФ, который зачастую занимает позицию в пользу статута правоотношения, с которым связано возникновение неосновательного обогащения (*lex causae condictionis*).

Вместе с тем, в доктрине до сих пор нет единого мнения по вопросу о толковании понятия «места неосновательного обогащения». По аналогии с законом места совершения деликта (*lex loci delicti*) возникает неопределенность, что следует понимать под ***locus condictionis*** (**местом наступления неосновательного обогащения**): место, где имели место действия или события, повлекшие само обогащение, либо место, где получено вызванное ими обогащение. Можно выделить три основных подхода к определению места неосновательного обогащения.

Согласно первому подходу, автором которого является А.Л.Маковский, «местом неосновательного обогащения» следует считать место, где неосновательно обогатившимся лицом было в действительности, фактически

³⁹⁰ Постановление ФАС Поволжского округа от 08.09.2011 по делу №А55-4678/2010.

приобретено или сбережено имущество. При этом, для целей выбора права то обстоятельство, что действия, результатом которых стало обогащение приобретателя, были совершены в другой стране, значения не имеет.³⁹¹

Данный подход был известен российской судебной-арбитражной практике еще до принятия части третьей раздела VI ГК РФ. Так, в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» приводится дело по иску российского акционерного общества к рижской фирме о взыскании ошибочно перечисленных денежных средств. В связи с изменением реквизитов латвийского фермерского хозяйства, с которым сотрудничало российское общество, истец произвел ошибочный платеж на прежний счет, который принадлежал иному лицу - рижской фирме, в отсутствие каких-либо договорных отношений, в связи с чем произошло неосновательное обогащение на стороне ответчика. При разрешении спора суд, руководствуясь ст. 168 Основ ГЗ 1991 года, в соответствии с которой применяется право страны, где неосновательное обогащение имело место, применил латвийское право. Таким образом, место неосновательного обогащения судами было квалифицировано как место поступления ошибочно перечисленных денежных средств.

Вторая группа авторов придерживается мнения, что «место неосновательного обогащения» должно определяться по месту совершения действия или события, приведшего к возникновению неосновательного обогащения. Обстоятельная аргументация в обоснование ущемности привязки к месту обогащения как места непосредственного его получения дана Л.А.Лунцем, согласно которому локализации поддается одно лишь указанное действие или событие (уплата недолжного, переработка чужого

³⁹¹ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Под ред. А.Л.Маковского и Е.А.Суханова. Подготовлен Исследовательским центром частного права. СПС «КонсультантПлюс».

материала и т.п.), но не эффект (результат), т.е. не само неосновательное обогащение.³⁹²

Анализируя проблему квалификации «места обогащения» применительно к гражданско-правовым отношениям, возникающим в сфере электронного взаимодействия, А.С.Мальцев приходит к выводу, что для целей определения подлежащего применению права понятие «место неосновательного обогащения» шире, чем место фактического получения суммы денежных средств и поэтому реализация первого подхода сопровождается дополнительными трудностями, связанными с установлением содержания законодательства третьей страны, невозможностью локализации счета при использовании некоторых виртуальных платежных систем, сложностями при локализации места нахождения носителя информации.³⁹³

Следует отметить, что обозначенные недостатки касаются безналичных денежных средств, нематериальных объектов и не распространяются на иные виды имущества (к примеру, вещи, установить место получения которых сравнительно просто). В связи с этим можно полностью согласиться с точкой зрения авторов Чельшева М.Ю. и Д.В.Огородова, которые считают, что практическая сложность локализации места обогащения существенно различается в зависимости от характера и вида имущества (вещи либо же, напротив, безналичные денежные средства и иные имущественные права).³⁹⁴ Если следовать такой логике, проблема локализации места обогащения для целей коллизионного регулирования должна решаться дифференцированно с учетом вида и характера имущества: если предметом обогащения выступают вещи, работы, наличные деньги, местом обогащения следует считать место приобретения или сбережения имущества, получения результата работ,

³⁹² Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С. 661.

³⁹³ Мальцев А.С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия. Дис...канд. юрид. наук. М.2006. С. 139.

³⁹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. Учебно-практический комментарий (постатейный). Под ред. А.П.Сергеева. М.Проспект. 2011. СПС «КонсультантПлюс».

передачи наличных, т.е. место получения неосновательного обогащения как результата вне зависимости от действий, повлекших за собой возникновение обязательства из неосновательного обогащения; если предмет обогащения – безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права требования, информация и иные нематериальные объекты, местом обогащения может быть как место наступления обогащения (место приобретения или сбережения имущества, место банковского счета), так и место совершения действия или события, послужившего основанием для возникновения неосновательного обогащения, и подлежит установлению с учетом всех конкретных обстоятельств дела.

Такие утверждения в отношении бездокументарных ценных бумаг или безналичных денежных средств разделяются не всеми учеными. Так, по мнению М.П.Шестаковой, оснований для принципиальных расхождений в позициях сторонников одной и другой точек зрения при выборе коллизионной привязки мало, поскольку и в первом и во втором случае локализация неосновательного обогащения связывается с совершением завершающей операции – зачислением средств на счет приобретателя. На примере, приведенном Л.А. Лунцем, показано, что в случае ошибочных безналичных платежей действие по внесению в банк денег потерпевшим в Париже является лишь первичным – причиной, обусловившей последующие операции, приводящие к неосновательному обогащению приобретателя в Лондоне, где имело место кредитование по счету.³⁹⁵ Применительно к бездокументарным ценным бумагам данный автор предлагает осуществлять локализацию неосновательного обогащения по месту проведения регистрации операций с такими ценными бумагами держателем реестра их владельцев. Указывается, в частности, что последующие операции с ценными бумагами, неосновательно зачисленными на счет приобретателя, не могут

³⁹⁵ Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И.О.Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. С. 84 (автор главы – М.П. Шестакова).

оказывать влияние на состоявшуюся локализацию места возникновения неосновательного обогащения; внесение учетной записи о зачислении их на счет приобретателя в реестре равнозначно передаче соответствующих объектов в фактическое владение обогатившегося лица.³⁹⁶

Однако, с данными выводами полностью согласиться нельзя. Во-первых, международные безналичные расчеты предполагают разнообразные формы (не только платежными поручениями, но и с использованием аккредитива, инкассо), которые характеризуются множественностью участников (плательщик, получатель, банки), как правило, оформляются не одной, а рядом последовательно заключаемых между ними сделок, а, значит, квалификация действий, входящих в состав платежей в международном обороте, требует установления совокупности не только платежных операций, совершаемых в разных странах, но и иных контактов, к примеру, право места открытия аккредитива, право места нахождения авизирующего банка.³⁹⁷ Во-вторых, предложенный подход к определению места наступления обогащения бездокументарных ценных бумаг (локализация места обогащения ценных бумаг к месту регистрации прав на них в книгах учета) не применим к случаям, когда владение ценными бумагами осуществляется посредством счетов ценных бумаг, которые от имени клиентов ведут их посредники, как правило, это цепочка депозитариев нескольких уровней (система так называемого опосредованного владения ценными бумагами).³⁹⁸

Иначе предлагает решать проблему толкования «места обогащения» Ю.М.Монастырский, который указывает, что местом обогащения должника, неосновательно приобретшего право требования, следует считать место его

³⁹⁶ Там же. С. 82-83.

³⁹⁷ См.: Международное частное право: учебник / Отв. ред. Н.И.Марышева. 3-е изд. М.:Волтерс Клувер. 2011. (автор главы – Т.П. Лазарева). С. 565-566. Шамраев А.В. Правовое регулирование международных банковских сделок и сделок на международных финансовых рынках. М., 2009. С. 49.

³⁹⁸ Коллизионные нормы, применимые к сделкам с ценными бумагами, находящимися во владении посредника, содержатся в Гаагской конвенции о праве, применимом к определенным правам на ценные бумаги, находящиеся во владении посредника (Гаагская конвенция по ценным бумагам) 2006 года. Текст Гаагской конвенции по ценным бумагам размещен на сайте Гаагской конференции по международному частному праву URL: <https://assets.hcch.net/docs/3afb8418-7eb7-4a0c-af85-c4f35995bb8a.pdf>. (дата обращения – 16.01.2017).

(должника) основной деятельности, где имущество, приобретенное или сбереженное, становится реальным активом должника, т.е. де-факто становится или остается его имуществом.³⁹⁹ Позиция Ю.М.Монастырского нашла поддержку в работе А.С.Мальцева.⁴⁰⁰

В настоящее время закон места действия/события или фактов, явившихся причиной возникновения таких обязательств, воспринят законодательством ряда стран (Венесуэла, Перу, Италия, Япония, Канада (провинция Квебек), Тунис, Египет).⁴⁰¹ Регламент Рим II прямо не предусматривает применение аналогичной привязки, но косвенно «место юридического факта, повлекшего неосновательное обогащение» используется в параграфе 2 статьи 10 Регламента в качестве дополнительного условия для применения закона совместного места жительства сторон, в частности, стороны должны иметь совместное место жительства в одной и той же стране не в любое время, а именно в момент совершения такого юридического факта.

В качестве примера отражения такого подхода в литературе приводится решение Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при ТПП РФ по делу № 451/1991 от 25.01.1995 года. Квалифицировав возникшие отношения сторон в связи с недействительностью заключенного между ними контракта как вытекающие из неосновательного обогащения, арбитраж посчитал применимым право Белоруссии, где имели место действия, вызвавшие возникновение обязательства из неосновательного обогащения. Действовавшие на момент заключения контракта Основы гражданского законодательства Союза ССР и

³⁹⁹ Автор комментария к ст. 1223 ГК РФ – Ю.М.Монастырский. См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Т.Е.Абова, А.В.Банковский, М.П.Бардина и др. Под ред. Т.Е.Абовой, М.М.Богуславского, А.Г.Светланова. М.: Юрайт.2004. СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁰ Мальцев А.С. Указ. соч. С. 153.

⁴⁰¹ Международное частное право. Иностранное законодательство// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. Ст. 33 Закона Венесуэлы 1998 г. о МЧП. С. 255. Ст. 2098 ГК Перу 1984 г. С. 463. Ст. 61 Закона 1995 г. №218 «Реформа итальянской системы международного частного права». С. 337. Ст. 11 Закона Японии 1898 г. №10 о применении законов. С. 739. С. 475. Ст. 3125 ГК Квебека 1991 г. Книга 10. С. 357. Ст. 76 Кодекса международного частного права Туниса 1998 г. С. 572. Ст. 21 ГК Египта 1948 г. С. 297.

союзных республик 1961 г. не содержали коллизионной нормы, определяющей право, подлежащее применению к обязательствам из неосновательного обогащения. При этом, арбитраж исходил из того, что заключенный договор не содержал оговорку о применимом праве.⁴⁰²

Аналогичную позицию можно встретить в работе В.Л.Толстых, который предлагает решить проблему с локализацией места обогащения путем расширительного толкования термина «право страны, где обогащение имело место», понимая под ним не место приращения имущества, а место совершения действий, повлекших за собой обогащение.⁴⁰³

На наш взгляд, с учетом того, что вопрос определения «места неосновательного обогащения» не имеет единообразного решения не только в отечественном праве, но и в зарубежных правовых системах, представляется верной позиция о том, что в случаях обращения к закону места неосновательного обогащения выбор применимого права во многом зависит от интерпретации судом «места обогащения». В связи с этим, полагаем, что место наступления неосновательного обогащения в каждом отдельном случае следует определять на основании исследования совокупности всех обстоятельств дела.

Для преодоления сложностей с локализацией места обогащения в случае невозможности или затруднительности определения места его наступления, в частности, в случаях, когда предметом обогащения являются безналичные денежные средства или бездокументарные ценные бумаги, следует предусмотреть применение «права страны, в которой имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение» в качестве субсидиарного (дополнительного) правила наряду с законом места обогащения. Такой подход позволяет установить справедливый баланс

⁴⁰² См. Практика Международного коммерческого арбитражного суда: Научно-практический комментарий // Авт. и сост. М.Г. Розенберг. М., 1997. С. 20, 21.

⁴⁰³ Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VI части третьей ГК РФ. М.Спарк.2002. С.181-182.

между интересами обогатившегося лица и потерпевшего, обращаясь сначала к общему правилу, отсылающему к праву страны, на территории которой получено имущество (обогащение), независимо от права страны, на территории которой имело место событие или действие, послужившее основанием для требования о возврате неосновательного обогащения, и лишь в случае наиболее тесной связи с другой страной, например, когда право страны места открытия аккредитива, направления ошибочного платежного поручения, допустимо применение права этой страны.

Как справедливо пишет М.П. Шестакова, в современных условиях интенсивного развития многообразных видов международных связей в гражданской и торговой сферах значительно усложнилась локализация гражданских правоотношений с помощью традиционных «жестких» формул прикрепления.⁴⁰⁴ Проявление данной тенденции обусловлено тем, что право, определенное в соответствии с жесткой коллизионной нормой «закон места обогащения», сравнительно редко имеет связь с обстоятельствами, составляющими существо дела, что делает применение правопорядка, определенного на основании такой привязки, безосновательным, «случайным».⁴⁰⁵ По этим соображениям авторы-разработчики Регламента Рим II в конечном итоге отказались от данной привязки в роли главенствующей в пользу *lex causae*.

Наиболее целесообразным с помощью закона наиболее тесной связи определять применимое право к отношениям из неосновательного обогащения, возникающим в связи с появлением современных технологий (Интернет, электронная коммерция, виртуальные платежные системы). Это обусловлено тем, что специфика данной сферы значительно затрудняет и иногда не позволяет «локализовать» место обогащения, а применение права

⁴⁰⁴ См.: Международное частное право: учебник: 2 т./ отв. ред. С.Н.Лебедев, Е.В.Кабатова. Т.2. С. 460. Привод. по кн.: Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И.О.Хлестова. С. 86 (автор главы – М.П. Шестакова).

⁴⁰⁵ Virgo G. To the Regulation on Law Applicable to Non-Contractual Obligations. [Электронный ресурс] URL:http://www.parliament.the-stationery-office.co.uk/pa/Idselect/Idcuoni/66/66we_19.htm (дата обращения: 28.11.2014).

страны, где произошло обогащение, в таких случаях может привести к «случайному», не имеющему никакой связи с правоотношением сторон, результату. В частности, в сфере международных расчетов проблема локализации усложняется тем, что место непосредственного обогащения (place of immediate enrichment) может не совпадать с местом конечного обогащения (place of ultimate enrichment).⁴⁰⁶

В связи с этим, на данном этапе применение традиционного подхода на основе закона места обогащения к такого рода отношениям не обеспечивает адекватное коллизионное регулирование рассматриваемых обязательств в данной сфере. Возможное решение видится в закреплении закона наиболее тесной связи в качестве субсидиарного коллизионного правила в сочетании с действующими коллизионными привязками с применением следующих возможных критериев: место совершения действия или наступления обстоятельства, приведшего к возникновению обогащения, место жительства, место нахождения или основное место деятельности сторон либо обогатившегося лица.

Присущие закону места обогащения недостатки можно было бы преодолеть, включив по аналогии с параграфом 4 статьи 10 Регламента Рим II в статью 1223 ГК РФ специальное правило о субсидиарном применении закона наиболее тесной связи. В частности, статью 1223 ГК РФ предлагается дополнить пунктом в следующей редакции: *«Если из закона, существа обязательства либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что обязательство из неосновательного обогащения более тесно связано с правом иной страны, чем та, которая указана в пунктах 1, 2 названной статьи, подлежит применению право страны, с которой обязательство более тесно связано».*

⁴⁰⁶ В литературе приводится известный казус ошибочного платежа: внесение г-ном А денежных средств в парижское отделение банка в целях кредитования на данную сумму текущего счета г-на В в лондонском отделении этого же банка. Наиболее тесную связь имеет место конечного обогащения в лондонском отделении банка. Panagopoulos G. Restitution in Private International Law. Hart Publishing. Oxford Portland-Oregon. 2000. P. 138. Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С.661.

Необходимость закрепления подобного специального правила объясняется тем, что предусмотренное общими положениями правило п.2 ст. 1186 ГК РФ,⁴⁰⁷ рассчитано лишь на случаи невозможности определения права и, соответственно, не позволяет обеспечить надлежащую гибкость при выборе права в случае, когда компетентный порядок уже определен на основании применимых коллизионных норм.

Российское законодательство не восприняло закрепленное в параграфе 2 статьи 10 Регламента Рим II субсидиарное правило о применении закона страны совместного места жительства сторон. Следует сказать, что применение личного закона для целей поиска подлежащего применению права в области неосновательного обогащения практически не встречается в зарубежном законодательстве и в доктрине оценивается неоднозначно: с одной стороны, применение закона общего места жительства в наибольшей степени отвечает совместным интересам сторон, в том числе по соображениям применения известного им права и удобства рассмотрения дела в суде страны своего места жительства, с другой стороны, - отмечается непредсказуемость результата его применения.⁴⁰⁸

Таким образом, предусмотренное действующим российским законодательством коллизионное регулирование устанавливает иерархию коллизионных привязок: генеральная привязка – закон места неосновательного обогащения и субсидиарные привязки, применяемые при наличии специальных условий (существующее или предполагаемое правоотношение сторон, автономия воли сторон). Вместе с тем, обращение к закону страны места неосновательного обогащения при рассмотрении дел о взыскании неосновательного обогащения с иностранным элементом не всегда оправданно и целесообразно, поскольку не позволяет охватить все

⁴⁰⁷ в силу п.2 ст. 1186 ГК РФ при невозможности определения применимого права применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано.

⁴⁰⁸ Chong Adeline. Choice of Law for Unjust Enrichment/Restitution and the Rome II Regulation// International and Comparative Law Quartely. Vol. 57. Issue 04. 2008. P.881-882.

разнообразии случаев неосновательного обогащения. На наш взгляд, обеспечить наиболее оптимальное и адекватное сложившейся современной международной практике регулирование смогло бы закрепление по аналогии с Регламентом Рим II и Швейцарским законом о международном частном праве в качестве ведущего (основного) коллизионного правила в области неосновательного обогащения права страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, с которым связано кондикционное обязательство (*lex causae condictionis*). Возможным способом «смягчения» закона места неосновательного обогащения и придания большей гибкости подходу к определению подлежащего применению права на основании учета совокупности обстоятельств дела стало бы закрепление закона наиболее тесной связи в качестве дополнительного критерия, которому должен соответствовать статут обязательства из неосновательного обогащения.

2.2. Сфера действия статута обязательства из неосновательного обогащения.

Определение права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения, осложненным иностранным элементом, ставит вопрос о сфере действия статута. В отличие от статута договора (ст. 1215 ГК РФ) и статута деликтного обязательства (ст. 1220 ГК РФ), раздел VI ГК РФ не определяет сферу действия права, подлежащего применению к обязательству из неосновательного обогащения.

Положения о сфере действия статута не содержатся в зарубежном законодательстве о международном частном праве. Круг вопросов, подчиняемых статуту обязательства из неосновательного обогащения, также не определен в отмеченных международных документах.

Перечень вопросов, составляющих содержание статута внедоговорного обязательства, к которому относится обязательство из неосновательного

обогащения, установлен общими положениями Регламента Рим II (ст. 15). Речь идет о сфере действия статута применительно к любому внедоговорному обязательству, к которому применим Регламент Рим II (обязательства вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения, действий в чужом интересе без поручения, *culpa in contrahendo*). Так, согласно ст. 15 Регламента Рим II право, подлежащее применению к внедоговорному обязательству, регулирует, в частности, следующие вопросы:

a) условия и объем ответственности, включая определение лиц, которые могут привлекаться к ответственности за совершенные ими действия;

b) основания освобождения от ответственности, ограничения ответственности и распределения ответственности;

c) существование, характер и оценка вреда или требуемое возмещение;

d) в пределах полномочий, предоставленных суду процессуальным правом его государства, меры, которые этот суд может принимать с целью обеспечить предотвращение, прекращение или возмещение вреда;

e) допустимость передачи права на возмещение вреда, в том числе по наследству;

f) лица, имеющие право на возмещение причиненного им лично вреда;

g) ответственность за действия других лиц;

h) порядок прекращения обязательств, а также правила в отношении исковой давности и утраты права, основанные на истечении срока, включая правила о начале течения, прекращении и приостановлении срока исковой давности или утраты права.

По Регламенту Рим II данный перечень вопросов, входящих в сферу действия внедоговорного статута, не исчерпывающий, на это указывает слово «в частности». Следовательно, на основании статута внедоговорного обязательства могут решаться иные вопросы, не перечисленные в статье 15.

Вместе с тем, анализ вышеприведенных вопросов, в частности касающихся условий, объема, оснований ответственности за вред, позволяет сделать вывод о том, что определяемая Регламентом сфера действия статута внедоговорного обязательства относится, прежде всего, к обязательствам вследствие причинения вреда и специальным случаям причинения вреда и не подходит для регулирования обязательств вследствие неосновательного обогащения. Думается, что определение содержания статута обязательства из неосновательного обогащения по аналогии со сферой действия статута деликтного обязательства нецелесообразно по следующим причинам:

во-первых, несмотря на то, что подобно деликтным обязательствам, обязательства из неосновательного обогащения возникают в силу закона, последние отличаются от деликтных по своей природе и сущности, что проявляется в следующем:

- состав необходимых условий их наступления, в частности в отношении деликтных обязательств такими условиями является вред, вина, противоправность деяния, причинно-следственная связь между деянием и причиненным вредом; для обязательств из неосновательного обогащения требуется наличие трех условий: а) приобретение или сбережение имущества; б) за счет другого лица; в) отсутствие правовых оснований для такого приобретения или сбережения имущества. Как было рассмотрено в главе 1, вина, степень вины, противоправность деяния не влияют на квалификацию обязательства из неосновательного обогащения, если налицо все три условия, а преследуют цель разграничения кондикционного требования от деликтного.

- цель возмещения: при неосновательном обогащении возмещение потерь определяется по иным критериям, нежели в деликтных обязательствах. Цель обязательства неосновательного обогащения носит компенсационный характер, т.е. восстановление имущественной сферы потерпевшего путем приведения его в положение, существовавшее до неосновательного обогащения на стороне приобретателя. Цель деликтного

обязательства – наряду с компенсацией причиненного вреда, привлечение виновного к ответственности, что предполагает наложение дополнительных санкций.

▪ объем и размер возмещения: при неосновательном обогащении объем возмещения ограничен возвратом в натуре неосновательно полученного имущества либо в случае невозможности его возврата в натуре возмещением стоимости неосновательно приобретенного или сбереженного имущества и не зависит от факторов, направленных на защиту «слабой» стороны. Исключение составляют случаи, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения, в таких случаях, начиная со времени осведомления о неосновательности обогащения, наряду с имуществом лицо возмещает потерпевшему доходы, полученные в результате использования имущества, или уплачивает проценты за пользование чужими денежными средствами. Объем возмещения в отношении деликтных обязательств может не ограничиваться размером причиненного вреда. К примеру, в случае причинения вреда здоровью потребителя недостатками товаров законодательством предусмотрено возмещение вреда в повышенном объеме (ст. 1085 ГК РФ, компенсация морального вреда).

во-вторых, некоторые вопросы статута внедоговорного обязательства явно не имеют отношение к кондикционным обязательствам. В частности, речь идет о таких вопросах, как основания освобождения от ответственности, ограничения ответственности и распределения ответственности; лица, имеющие право на возмещение причиненного им лично вреда; ответственность за действия других лиц.

в-третьих, сфера действия внедоговорного обязательства не охватывает ряд существенных вопросов, свойственных исключительно кондикционным обязательствам:

- условия их возникновения;
- обстоятельства, в силу которых обогащение признается неосновательным;

- формы неосновательного обогащения (приобретение или сбережение имущества);
- факты или действия/события, повлекшие само неосновательное обогащение;
- соотношение кондикционных требований с иными требованиями о защите гражданских прав;
- возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату;
- возмещение потерпевшему неполученных расходов;
- неосновательное обогащение, не подлежащее возврату.

Г.К. Дмитриева включает в круг вопросов, решаемых в соответствии с избранным правопорядком, основания возникновения обязательств, виды и объем возмещения, случаи неосновательного обогащения, не подлежащего возврату.⁴⁰⁹

Следует отметить, что отдельные вопросы сферы действия статута внедоговорного обязательства в целом отвечают материально-правовому регулированию кондикционных обязательств с учетом некоторых уточнений: существование, характер и оценка вреда или требуемое возмещение; допустимость передачи права на возмещение вреда, в том числе по наследству. Во многих правопорядках, в том числе в России, вопросы предварительных обеспечительных мер и мер по обеспечению иска относятся к процессуальному праву, а значит должны регулироваться законом страны суда (*lex fori*).

Из сферы действия статута обязательства из неосновательного обогащения исключаются вопросы право-и дееспособности сторон, в том числе способности лица отвечать по своим обязательствам, вещных прав на имущество, деликтной ответственности, а также иные вопросы, которые определяются на основании самостоятельных коллизионных норм. В силу

⁴⁰⁹ Дмитриева Г.К. Новые подходы в правовом регулировании трансграничных внедоговорных обязательств по международному частному праву России//Lex Russica. 2006. № 6. С. 1122.

прямого указания ст. 1208 ГК РФ вопросы исковой давности должны регулироваться правом, подлежащим применению к отношению из неосновательного обогащения.

Содержание статута обязательства из неосновательного обогащения предполагается единым для любого типа кондикционного требования, т.е. применимо вне зависимости от коллизионных норм, в соответствии с которым определяется подлежащее к ним право. К примеру, если статут неосновательного обогащения определяется в соответствии с правом, которое регулировало бы предполагаемое договорное правоотношение (к примеру, в случае незаключенности договора), статут договора выступает лишь в качестве применимого материального права и не влияет на содержание статута обогащения.

Неосновательное обогащение может явиться следствием недействительности договора. По российскому законодательству последствия недействительности относятся к обязательственному статуту (ст. 1215 ГК РФ). В связи с этим возникает вопрос, могут ли вопросы неосновательного обогащения как последствия недействительности договора составлять содержание обязательственного статута или же данные вопросы должны разрешаться на основании самостоятельного статута обязательства вследствие неосновательного обогащения. Как считает С.О.Гасымов, последствия недействительности договора должны определяться в зависимости от оснований недействительности сделки и подчиняться единому статуту с тем, чтобы обеспечить применимость положений о недействительности сделки на практике.⁴¹⁰ Согласно господствующему подходу правом, подлежащим применению к вопросам недействительности договора, является право, которому был бы подчинен договор, как если бы договор был действительным (так называемое «предположительно

⁴¹⁰ Гасымов С.О. Недействительность сделок в международном частном праве. Дис... канд. юрид. наук. М.2009. С. 76,78.

применимое право» - “putative proper law”).⁴¹¹ Последствия недействительности сделки столь разнообразны, одним из которых является реституция – обязательство одной стороны вернуть другой стороне все полученное по сделке. Вопросы реституции и обязательства вследствие неосновательного обогащения представляют собой явления разного порядка и, соответственно, право, по которому решаются данные вопросы, следует определять в соответствии с различными коллизионными привязками. В пользу самостоятельности статута обязательства из неосновательного обогащения говорит также правило ст. 1103 ГК РФ о субсидиарном применении требования о возврате неосновательного обогащения к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке. По этим соображением представляется неверным определять вопросы, относящиеся чисто к кондикционным обязательствам, в соответствии со сферой действия статута недействительности сделки.

На основании изложенного, в целях достижения адекватного материально-правовому регулированию результата и учета специфики кондикционных обязательств предлагается включить в раздел VI ГК РФ отдельную статью о сфере действия статута обязательства из неосновательного обогащения и изложить ее в следующей редакции:

«Сфера действия права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения.

На основании права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, определяются, в частности:

- 9) условия возникновения обязательства вследствие неосновательного обогащения;*

⁴¹¹ Канашевский В.А. Международное частное право Учебник. 3-е изд. М.Международные отношения. 2016. С. 384,386.

- 10) *обстоятельства, в силу которых обогащение признается неосновательным;*
- 11) *формы неосновательного обогащения (приобретение или сбережение имущества);*
- 12) *объем, размер и способы определения имущества или стоимость имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя;*
- 13) *обстоятельства или действия/события, повлекшие само неосновательное обогащение;*
- 14) *возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату;*
- 15) *возмещение потерпевшему неполученных расходов;*
- 16) *неосновательное обогащение, не подлежащее возврату».*

§ 3. Право, подлежащее применению к отдельным основаниям возникновения обязательства из неосновательного обогащения.

3.1. Lex causae и закон наиболее тесной связи: соотношение.

На современном этапе принцип наиболее тесной связи признан доктриной, воспринят законодательством подавляющего большинства государств и получил отражение в международных документах. Суть концепции наиболее тесной связи состоит в поиске гибкого критерия к определению подлежащего применению права путем установления правопорядка, имеющего наиболее тесную и реальную связь с правоотношением на основе оценки всех обстоятельств дела.

Сфера применения принципа наиболее тесной связи выходит за пределы договорных обязательств, для регулирования которых изначально предполагалось его использование в качестве формулы прикрепления, затрагивая практически все сферы трансграничных частно-правовых отношений, в том числе внедоговорные обязательства.

В отечественной доктрине нет единого мнения относительно правовой природы принципа наиболее тесной связи. Существуют следующие точки зрения по данному вопросу:⁴¹²

- 1) полноценная коллизионная норма;⁴¹³
- 2) общий основополагающий принцип международного частного права.
- 3) принцип формирования содержания коллизионных норм.⁴¹⁴

Принцип наиболее тесной связи закреплен в разделе VI ГК РФ «Международное частное право», во-первых, в качестве генерального резервного правила (п.2 ст. 1186 ГК РФ), во-вторых, в качестве субсидиарного коллизионного критерия для определения подлежащего применению права в сфере договорных отношений (ст. 1211 ГК РФ).

По вопросу о соотношении критерия наиболее тесной связи и известной английскому праву концепции *Proper Law of the Contract* (право, свойственное договору) можно выделить две позиции:

- закон наиболее тесной связи, используемый для определения права, применимого к договорным отношениям, тождественен концепции *Proper Law of the Contract*;⁴¹⁵
- закон наиболее тесной связи не равнозначен более широкой категории *Proper Law of the Contract*, включающей в себя как право, применимое к договору, на основе принципа наиболее тесной связи, так и на основе принципа автономии воли сторон.

Применительно к обязательствам вследствие неосновательного обогащения используется доктрина *Proper Law of the Obligation*, известная в

⁴¹² Подробнее о правовой природе принципа наиболее тесной связи см. Р.М. Ходыкин «Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве», В.В.Кудашкин «Принцип тесной связи в международном частном праве». СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹³ Такого подхода придерживаются О.Н.Садиков, В.П.Звеков, И.Л.Кичигина, Р.М.Ходыкин. Не признают принцип наиболее тесной связи в качестве традиционной коллизионной нормы Е.В.Кабатова, С.Н.Лебедев.

⁴¹⁴ Ходыкин Р.М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 76.

⁴¹⁵ Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд. М.: Проспект. 2012. С. 125, 298. Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. М.Международные отношения. 2009. С. 303.

английском праве как правило А.Дайси и Дж.Морриса (Rule 200), которое определяет надлежащий правопорядок для регулирования обязательств из неосновательного обогащения на основании презумпции наиболее тесной связи с правом какой-либо страны. По аналогии с презумпцией наиболее тесной связи, действующей в сфере договорных отношений, в английской доктрине *Proper Law of the Obligation* применяется в качестве общей презумпции, которая конкретизируется в специальных коллизионных привязках для отдельных оснований возникновения неосновательного обогащения.

Таким образом, по содержанию вышеуказанная концепция и принцип наиболее тесной связи в области обязательств вследствие неосновательного обогащения совпадают с той лишь оговоркой, что при определении *Proper Law of the Obligation* суд руководствуется заранее установленными специальными презумпциями наиболее тесной связи, тогда как установление наиболее тесной связи осуществляется судом самостоятельно на основе оценки всех возможных факторов, указывающих на связь правоотношения с тем или иным правопорядком.

Вопрос о применении *Proper Law of the Obligation* был затронут в ходе обсуждения предлагаемых разработчиками Регламента Рим II положений относительно обязательств из неосновательного обогащения. Так, Г.Вирго пришел к выводу о целесообразности включения *Proper Law of the Obligation* в качестве альтернативного коллизионного принципа (критерия) для всех тех случаев, когда требование о возврате неосновательного обогащения не вытекает из предшествующего правоотношения сторон, в качестве примера приводится ошибочный платеж в отсутствие договора. Г.Вирго аргументирует свою позицию тем, что по сравнению с законом места обогащения данный коллизионный критерий позволяет в большей степени обеспечить гибкость при решении вопроса о компетентном правопорядке, учитывая как природу и характер сложившихся между сторонами отношений, так и все обстоятельства дела, к примеру, места совместного

жительства или общей деятельности сторон, места обогащения; по сравнению с правом страны, которому подчинено предшествующее отношение сторон, этот подход позволяет охватить более широкий круг коллизионных привязок.⁴¹⁶

Коллизионное правило о применении права страны, с которым наиболее тесно связано обязательство из неосновательного обогащения, не предусмотрено действующим российским законодательством. Вместе с тем, с учетом современных тенденций развития коллизионного регулирования нам представляется, что использование закона наиболее тесной связи могло бы стать эффективным дополнительным инструментом для определения права, подлежащего применению к обязательствам из неосновательного обогащения. Как ранее отмечалось, использование принципа наиболее тесной связи в роли субсидиарного (дополнительного) критерия, которому должен соответствовать статут обязательства из неосновательного обогащения, т.е. в сочетании с действующими коллизионными привязками, позволило бы исключить применение права страны, не имеющей объективной реальной связи с обстоятельствами дела.

Полагаем, что по аналогии с договорными обязательствами (*Proper Law of the Contract*) право страны, с которым кондикционное обязательство наиболее тесно связано, теоретически можно определять через презумпцию наиболее тесной связи с определенным правопорядком, свидетельством тому служит вышеупомянутая английская доктрина *Proper Law of the Obligation*. Однако, на наш взгляд, допускать **полное** распространение такого подхода к разрешению проблемы выбора права на российские коллизионные нормы в области неосновательного обогащения не следует. Во-первых, подход обладает серьезным недостатком – отсутствие четких критериев (факторов) для выявления наиболее тесной связи в отношении Rule (c), а также довольно

⁴¹⁶ G.Virgo. Op.cit.

узкая сфера применения (не позволяет охватить все разнообразие случаев неосновательного обогащения). Во-вторых, на данном этапе развития отечественного коллизионного права не возникли предпосылки для практического применения доктрины, предполагающей широкое судебское усмотрение при отыскании наиболее тесной связи. В-третьих, доктрина *Proper Law of the Obligation* ориентирована на прецедентную английскую правовую систему, которая принципиально отличается от российских правовых традиций. Совершенствование российского законодательства, регулирующего трансграничные отношения из неосновательного обогащения, видится путем модификации (внесения изменений и дополнений) действующих коллизионных правил с целью отражения современных тенденций коллизионного регулирования.

Как показало исследование подходов к разрешению коллизий законов в сфере обязательств вследствие неосновательного обогащения в законодательстве и доктрине зарубежных государств, большинство правопорядков, прежде всего стран-членов ЕС, осознает необходимость отступления от территориального подхода на основе закона места обогащения путем закрепления в качестве основного правила о применении закона страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, по которому получено неосновательное обогащение. В подавляющем большинстве случаев требования о возврате неосновательного обогащения заявляются, когда между сторонами сложились юридические связи договорного или внедоговорного характера, которые лежат в основании такого обогащения, к примеру, недействительный или незаключенный договор, действия в чужом интересе без поручения (*negotiorum gestio*), незаконное приобретение недвижимого имущества или причинение вреда, в том числе вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (*culpa in contrahenda*) и т.п. Думается, что в таких случаях право, подлежащее применению к неосновательному обогащению, можно определять путем закрепления норм, отсылающих к

специальным статьям раздела VI ГК РФ, которые содержат коллизионные нормы, регулирующие соответствующее правоотношение. Это позволит избежать противоречивой судебной практики при применении пункта 2 статьи 1223 ГК РФ и упростить процесс поиска подлежащего применению права, кроме того, аналогичное положение в отношении обязательств, возникающим вследствие причинения вреда, уже закреплено в пункте 3 статьи 1219 ГК РФ, предусматривающим при определенных обстоятельствах применение к деликтному правоотношению права, подлежащего применению к договору. В связи с этим предлагается дополнить статью 1223 ГК РФ следующими положениями:

«4. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с договором, заключенным между сторонами обязательства, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к договору. Если договор, в связи с которым возникло неосновательное обогащение, признан недействительным, применяется право страны, подлежащее применению к договору, как если бы договор был действительным. Если договор, в связи с которым возникло неосновательное обогащение, признан незаключенным, применяется право, которое применялось бы к договору, если бы он был заключен.

5. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, возникло в связи с недобросовестным ведением переговоров о заключении договора, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора.

6. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с

односторонней сделкой, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к односторонней сделке.

7. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с обязательством, возникающим вследствие причинения вреда, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда.

8. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с договором в отношении недвижимого имущества, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к договору в отношении недвижимого имущества.

9. Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие неосновательного обогащения, тесно связано с правом собственности или иными вещными правами на имущество, право, подлежащее применению, определяется в соответствии с правилами настоящего Кодекса о праве, подлежащем применению к вещным правам».

Предложенный подход опирается на использование презумпции наиболее тесной связи с правом страны, которому подчинено или могло быть подчинено существующее или предполагаемое между сторонами правоотношение, по которому получено неосновательное обогащение.

Вместе с тем, вследствие отсутствия коллизийной нормы, посвященной обязательствам вследствие ведения чужих дел без поручения, в российском законодательстве возникает неопределенность при определении применимого права в случае, когда действия в чужом интересе привели к неосновательному обогащению другого лица, возможность взыскания

которого предусмотрена ст. 987 главы 50 ГК РФ⁴¹⁷ Следует отметить, что обязательства вследствие ведения чужих дел без поручения (*negotiorum gestio*), необходимость коллизионного регулирования которых отмечалась в Концепции развития гражданского законодательства, не получили регламентацию в разделе VI ГК РФ, не устранив пробел, известный советскому законодательству.⁴¹⁸

3.2. Проблема конкуренции статута обязательства из неосновательного обогащения, вещного статута, статута договора и статута деликтного обязательства.

Возможность субсидиарного применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения к иным требованиям о защите гражданских прав (виндикации, реституции, договору, деликту) с точки зрения материально-правового регулирования поднимает вопрос о разграничении сферы действия статутов, которым подчинены указанные требования, для целей определения применимого права.

Коллизионные критерии, используемые для определения вещного статута, статута договора и статута деликтного обязательства, статута кондикционного обязательства, не совпадают. Использование различных привязок для соответствующих статутов явилось следствием основополагающих различий в принципах, положенных в основу регулирования данных институтов в материальном праве.

В частности, применение «закона места нахождения вещи» (*lex rei sitae*) в качестве основы для регулирования вещных прав обусловлено,

⁴¹⁷ Например, если лицо, ошибочно полагая, что находящийся в больнице сосед должен третьему лицу некую сумму денег, выплачивает ее, то эта сумма впоследствии может быть истребована от получателя в качестве неосновательного обогащения. См. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Том 2: Обязательственное право. Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут. 2011. С. 1142.

⁴¹⁸ Л.А.Лунц. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. С.662.

прежде всего, абсолютной природой вещных прав и связанной с этим преобладающей императивностью норм материального права, касающихся института вещных прав, необходимостью обеспечения национальных интересов государства, в котором находится вещь.⁴¹⁹ Широкое применение принципа автономии воли сторон (*lex voluntatis*) в качестве ведущего коллизионного начала для регулирования договорных обязательств обосновано относительным характером договора, не затрагивающим интересы третьих лиц, не являющихся его сторонами, свободой договора, диспозитивностью норм материального права.⁴²⁰

Возникновение обязательств из причинения вреда, как и обязательств из неосновательного обогащения, не по воле их участников, в силу юридических фактов, указанных в законе, предопределило главенство принципа территориальности в определении применимого права, выраженного в локализации места совершения юридического факта, послужившего основанием для возникновения правоотношения, - *lex loci delicti commissi, lex loci conductionis*.⁴²¹

В связи с этим, несовпадение коллизионных привязок для регулирования соответствующих статутов может приводить к значительным трудностям, связанным не только с разграничением сфер их действия, но и квалификацией отдельных институтов материального права.

⁴¹⁹ Подробнее см. Плеханов В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С.83-84.

⁴²⁰ Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфортропик Медиа. 2012. СПС «КонсультантПлюс.

⁴²¹ По мнению Г.К.Дмитриевой, установление территориального подхода к выбору применимого права к обязательствам из неосновательного обогащения объясняется сходством способа защиты интересов потерпевшего вследствие неосновательного обогащения с виндикацией и с обязательствами из причинения вреда и поэтому право страны, где обогащение имело место, «в какой-то степени является синтезом двух основополагающих привязок: закона места нахождения вещи, регулирующего вещные отношения, и закона места причинения вреда, регулирующего обязательство из причинения вреда: с одной стороны, право, где имело место обогащение, - это место совершения действия (бездействия) лицом по неосновательному приобретению или сбережению имущества другого лица; с другой – это место, где имущество находилось в тот момент, когда такое действие было совершено». См. Дмитриева Г.К. Новые подходы в правовом регулировании трансграничных внедоговорных обязательств по международному частному праву России//*Lex Russica*. 2006. № 6. С. 1122-1123.

Основным критерием, которым руководствуется суд на стадии выбора подлежащего применению права при квалификации обязательства из неосновательного обогащения, является фактический состав трансграничного правоотношения, который устанавливается путем сопоставления фактических обстоятельств дела с юридическими понятиями, составляющими объем и привязку коллизионной нормы.

До определения подлежащей применению коллизионной нормы для установления правовой природы правоотношения суд применяет свое право. В частности, на данном этапе необходимо выяснить наличие всех признаков, позволяющих сделать вывод о возникновении именно обязательства из неосновательного обогащения: внедоговорный характер, наличие иностранных элементов в правоотношении, юридический состав, порождающий такие обязательства. Коллизионно-правовым механизмом разрешения проблемы разграничения статутов является сфера действия статута, которая определяет круг вопросов, которые должны определяться на основании того или иного коллизионного правила определения статута.

В.П. Звеков пишет: «в случае, когда применимым правом определено российское право, подлежат применению, в частности, положения ст. 1103 ГК РФ, регламентирующие вопросы соотношения требований о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями о защите гражданских прав».⁴²² Данная позиция согласуется с судебной практикой.

Вопрос о субсидиарном применении норм, посвященных обязательствам из неосновательного обогащения, был затронут в деле, в котором рассматривалось требование российской организации о возврате денежных средств, предоставленных в рамках договора займа. Истец перечислил кипрской организации денежные средства на условиях возврата до 31.12.2007 с уплатой процентов за пользование займом по ставке 7%

⁴²² Звеков В.П. Отдельные виды обязательств в международном частном праве. Под ред. В.П. Звекова. Статут. 2008. СПС «КонсультантПлюс».

годовых. Установив, что неосновательное обогащение имело место в Республике Кипр, где открыт счет ответчика, на основании положений ст.1223 ГК РФ Арбитражный суд города Москвы сделал вывод о том, что к спорным отношениям подлежало применению право Республики Кипр. При этом, сравнивая положения законодательства Республики Кипр по своему содержанию с соответствующими нормами ст. 1102 и ст. 1103 ГК РФ, суд первой инстанции допустил возможность субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении к требованию о взыскании перечисленных во исполнение незаключенного договора займа денежных средств, поскольку невозврат полученных от истца средств в данном случае привел к обогащению ответчика.⁴²³

Корейская компания обратилась в Арбитражный суд Сахалинской области с иском о взыскании с российского общества неосновательного обогащения, возникшего в связи с неоплатой ремонта и освидетельствования принадлежащего ответчику судна. Иск обоснован тем, что корейская компания выполнила работы по ремонту и переоборудованию принадлежащего обществу судна т/х «Заречье» на общую сумму 807 571, 32 долл. США. Кроме того, компания понесла расходы на сумму 13 297,02 долл. США в связи с предъявлением судна на освидетельствование Российскому морскому Регистру судоходства. Однако, предъявленные к оплате инвойсы на указанные суммы российское общество оплатило лишь частично. В связи с не предоставлением ответчиком доказательств полной оплаты понесенных истцом расходов, суд квалифицировал полученную за счет истца сумму как неосновательное обогащение. В кассационной жалобе ответчик оспаривал применение к спору норм о неосновательном обогащении, полагая необходимым применять право Республики Корея о договорных отношениях подряда. Отклоняя данный довод жалобы, суд посчитал, что требования

⁴²³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2012 № 09АП-10431/2012-ГК по делу № А40-1542/11-98-13.

истца относятся к внедоговорным и поэтому не могут быть связанными с заключенным договором. Исходя из того, что неосновательное обогащение ответчика имело место в Республике Корея, где производились ремонтные работы и освидетельствование судна, суд кассационной инстанции признал правильным вывод суда апелляционной инстанции о применении права Республики Корея.⁴²⁴

Определение вопроса о субсидиарности норм о неосновательном обогащении на основании статута обязательства из неосновательного обогащения также соответствует практике МКАС при ТПП РФ. Так, между истцом (городская Администрация на территории РФ) и ответчиком (турецкая компания) был заключен контракт на строительство, который был впоследствии расторгнут в одностороннем порядке. Поскольку требование истца о возврате денежных средств не было исполнено, истец обратился в МКАС при ТПП с иском о взыскании неосновательного обогащения в виде неотработанных авансовых платежей по строительно-монтажным работам. Исходя из применимого права Российской Федерации (избранного по соглашению сторон в контракте), суд, руководствуясь пунктом 3 статьи 1103 ГК РФ, признал требования Истца обоснованными.⁴²⁵

Таким образом, вопрос о субсидиарном применении норм об обязательствах из неосновательного обогащения к требованиям, вытекающим из иных способов защиты гражданских прав, следует относить к сфере действия статута кондикционного обязательства.

Как ранее отмечалось, законодательство большинства зарубежных стран не содержит нормы о субсидиарном применении правил об обязательствах из неосновательного обогащения к иным отношениям по возврату имущества, если иное не предусмотрено специальными правилами, регулируемыми эти отношения. По этой причине в ситуациях, когда

⁴²⁴ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.11.2008 № Ф03-А59/08-1/3979 по делу № А59-1356/07-С17.

⁴²⁵ Решение МКАС при ТПП РФ от 05.07.2006 по делу № 60/2005. По материалам СПС «КонсультантПлюс».

правоотношение из неосновательного обогащения с иностранным элементом наступает в связи с иными отношениями между сторонами (обязательством из причинения вреда, договором, вещно-правовыми притязаниями третьих лиц), возникает проблема конкуренции статутов, регулирующих такое отношение, и статута обязательства из неосновательного обогащения.

На наш взгляд, в тех случаях, когда иностранное применимое материальное право не регулирует вопрос о соотношении кондикционного требования с иными требованиями о защите гражданских прав, проблема субсидиарного применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения представляет собой предварительный коллизионный вопрос, где отношения из неосновательного обогащения взаимосвязаны с иными основными отношениями, которые, как правило, предшествуют или сопутствуют первому. В частности, это могут быть отношения из деликта, договора, вещных прав.

Соответственно, при рассмотрении трансграничного спора о возврате неосновательно полученного для решения вопроса о применимом праве к обязательству из неосновательного обогащения и применения нормы иностранного материального права (основной коллизионный вопрос) суду следует разрешить вопрос о праве, подлежащем применению к предварительному вопросу о соотношении кондикционного требования с иными требованиями. На практике рассмотрение основного вопроса о праве, подлежащем применению к неосновательному обогащению, зависит от выбора права в отношении предварительного вопроса, который определяет приоритетность конкурирующих требований.

Основная проблема состоит в определении права, на основании которого должен регулироваться данный предварительный вопрос: правом, которое определяется на основе коллизионной нормы для основного отношения, или правом, определяемом на основании самостоятельной

коллизии привязки.⁴²⁶ Отечественная доктрина исходит из применения самостоятельных коллизионных привязок для регулирования основного и предварительного коллизионных вопросов. Такой подход обосновывается правовой разнородностью основного и предварительного вопросов.⁴²⁷

В иностранной доктрине преобладает иной подход, согласно которому предварительный вопрос определяется в соответствии с коллизионной нормой иностранного права, регулирующей основной вопрос (*lex causae*).⁴²⁸

На наш взгляд, следует согласиться с позицией О.Н. Садикова о том, что предварительный вопрос носит самостоятельный характер, и поэтому наличие связи обогащения с существующим или предполагаемым правоотношением сторон (к примеру, недействительность договора, причинение вреда, требования, основанные на вещных правах), которое служит необходимым условием для обращения с требованием о взыскании неосновательного обогащения, не всегда является достаточным основанием для применения коллизионной нормы *lex causae* к предварительному вопросу.

Вместе с тем, в условиях национально-правовых различий в вопросах субсидиарного применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения невозможно гарантировать предсказуемость материально-правового результата применения названных способов к отношениям из неосновательного обогащения, в связи с этим, полагаем, что предварительный коллизионный вопрос о субсидиарном применении норм об обязательствах следует решать на основе гибкого подхода с учетом обстоятельств конкретного дела и иных факторов, влияющих на конечный выбор права: публичный порядок *lex fori*, степень связи предварительного

⁴²⁶ Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. 3-е изд. М.: Международные отношения. 2016. С. 125.

⁴²⁷ Садилов О.Н. Предварительные (побочные) вопросы в международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1989-1990-1991. Санкт-Петербург. С. 169.

⁴²⁸ См. подробнее Плеханов В.В. Проблема предварительного вопроса в международном частном праве // Liber amicorum в честь 50-летия А.Н. Жильцова. Трансграничный торговый оборот и право. Сост. и науч. редакторы: А.И.Муранов, В.В.Плеханов. М.: Инфотропик Медиа. 2013. С. 189.

вопроса с правопорядками *lex fori* и *lex causae* и т.п. Такое решение проблемы позволит обеспечить единообразие решения коллизионного вопроса с учетом тесной связи между основным и предварительным вопросом и находит научное обоснование в современной отечественной доктрине.⁴²⁹

Следует отметить, что в материальном праве пределы субсидиарного применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения к способам защиты гражданских прав определяются отдельной нормой, посвященной соотношению каждого из них с кондикцией. В связи с этим, помимо коллизионного регулирования, проблема разграничения статутов осложняется различиями в вопросе субсидиарного характера иска о неосновательном обогащении. В частности, выделяются три модели правового регулирования: 1) романская (сосуществование конструкций иска об истребовании недолжно уплаченного и субсидиарного общего иска о неосновательном обогащении); 2) германская (конструкция генерального общего иска о неосновательном обогащении); 3) англо-американская (отсутствие конструкции общего иска о неосновательном обогащении и набор реституционных исков различной правовой природы, подчиненных единому принципу реституции).⁴³⁰

С учетом изложенного, в процессе применения коллизионной нормы и установления применимого права проблема конкуренции статутов обязательства из неосновательного обогащения и иных статутов (вещного, договорного, деликтного) разрешается на основании сферы действия права, подлежащего применению, которая включает вопрос о соотношении норм об обязательствах из неосновательного обогащения с иными требованиями о защите гражданских прав. Если нормы материального применимого

⁴²⁹ Плеханов В.В. Проблема предварительного вопроса в международном частном праве. М.: Инфотропик Медиа. 2013. С. 194-195.

⁴³⁰ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., Статут. 2010. С. 375. Напомним, что в российском законодательстве правила о соотношении главы 60 ГК РФ (обязательства из неосновательного обогащения), к иным требованиям о защите гражданских прав закреплены в статье 1103 ГК РФ.

иностранного права не содержат соответствующих положений, проблема конкуренции статутов решается путем постановки предварительного коллизионного вопроса – применимое право к проблеме субсидиарного применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения, для определения которого предлагается использовать гибкие коллизионные подходы.

Заключение.

В результате изучения отечественной и зарубежной доктрины, сравнительно-правового анализа коллизионного регулирования трансграничных обязательств из неосновательного обогащения в российском и иностранном праве, международных актов и договоров, автор пришел к следующим выводам:

1. Трансграничное обязательство из неосновательного обогащения предполагает наличие иностранного элемента, который проявляется в случаях: а) обогатившееся лицо и/или потерпевший является иностранным лицом; б) имущество, составляющее неосновательное обогащение, находится на территории иностранного государства; в) факт (результат) неосновательного обогащения либо действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение, имеют место за границей; г) неосновательное обогащение связано с иным существующим или предполагаемым между сторонами правоотношением, подчиненным иностранному праву.

2. Принимая во внимание сохраняющиеся различия в отечественной и зарубежной доктрине на правовую природу и сущность обязательства из неосновательного обогащения, для целей толкования понятия «неосновательное обогащение» необходимо установить отдельную коллизионную норму с учетом опыта Модели ГК стран-членов СНГ. Общие положения толкования юридических понятий (ст. 1187 ГК РФ) не могут в полной мере разрешить проблемы квалификации в ситуации «скрытой коллизии», к примеру, когда правоотношение из неосновательного обогащения связано одновременно с правопорядком общего права и страной континентальной правовой системы, придерживающимися не только различных подходов к содержанию понятия «неосновательного обогащения», но и употребляющих различные термины для обозначения данного института («реституция» в англо-саксонской правовой системе и «неосновательное обогащение» в странах континентального права).

3. Применение закона места обогащения осложняется различиями в понимании зарубежными правовыми системами понятия «место неосновательного обогащения», в отечественной доктрине международного частного права отсутствует единое мнение по вопросу о том, что следует понимать под *lex loci condictionis*: место, где имели место действия или события, повлекшие само обогащение, либо место, где получено вызванное ими обогащение. Исследование зарубежного законодательства свидетельствует о постепенном снижении роли закона места, где неосновательное обогащение имело место, о наличии сложностей с локализацией места получения обогащения в отношении отдельных видов имущества, в частности, безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг, имущественных прав требования, информации и иных нематериальных объектов. Представляется, что для преодоления проблемы толкования «места обогащения» следует предусмотреть положение о применении «права страны, в которой имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение» в качестве субсидиарного (дополнительного) правила по отношению к закону места обогащения.

4. На современном этапе развития основополагающим коллизионным правилом определения статута обязательства из неосновательного обогащения является право страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, в связи с которым возникло неосновательное обогащение (*lex causae condictionis*). Признавая многообразие случаев неосновательного обогащения, мы разделяем идею о невозможности выработки единой коллизионной привязки ко всем кондикционным обязательствам. В связи с этим оптимальным, на наш взгляд, решением проблемы выбора права в отношении рассматриваемых обязательств является дифференциация коллизионных привязок в сочетании с законом наиболее тесной связи. Такой подход позволит в большей степени учитывать содержание и особенности данной группы отношений в

материальном праве, исключить применение права страны, не имеющей объективной реальной связи с правоотношением из неосновательного обогащения, избежать негативные последствия обращения к жесткой привязке - закон места обогащения.

5. Раздел VI ГК РФ не определяет сферу действия статута обязательства из неосновательного обогащения. В целях большей определенности регулирования с учетом правовой природы и особенностей кондикционных обязательств представляется необходимым закрепить норму, посвященную сфере действия права, подлежащего применению к обязательству из неосновательного обогащения, с перечнем следующих вопросов: 1) условия возникновения обязательства из неосновательного обогащения; 2) обстоятельства, в силу которых обогащение признается неосновательным; 3) формы неосновательного обогащения (приобретение или сбережение имущества); 4) объем, размер и способы определения имущества или стоимость имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя; 5) обстоятельства или действия/события, повлекшие само неосновательное обогащение; 6) соотношение кондикционных требований с иными требованиями о защите гражданских прав; 7) возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату; 8) возмещение потерпевшему неполученных расходов; 9) неосновательное обогащение, не подлежащее возврату.

6. В свете существующей проблемы соотношения кондикционного требования с иными требованиями о защите гражданских прав представляется важным четкое разграничение круга отношений, к которым применяются коллизионные нормы в области обязательств из неосновательного обогащения. На сегодняшний день инструментом, на основании которого решается проблема разграничения статутів (договорного статута, вещного статута, статута обязательства из неосновательного обогащения) является сфера действия статута. Установление сферы действия статута позволяет исключить проблему

«расщепление» статута обязательства из неосновательного обогащения, когда вопрос о квалификации обогащения как неосновательного подчинен праву одного государства, а вопрос о правовой природе и объеме возмещения - праву другого государства. При этом, в отношении требований о возврате исполненного при признании сделки недействительной, требований, вытекающих из правоотношения с участием третьего лица, сохраняется неопределенность, к какому из статутов они относятся.

7. Сравнительно-правовой анализ зарубежного коллизионного права, иностранной судебной практики, Регламента Рим II позволяет выявить следующие тенденции коллизионного регулирования данного института:

- дифференциация и конкретизация коллизионных привязок для регулирования обязательств из неосновательного обогащения с учетом разнообразия случаев неосновательного обогащения. Данная тенденция проявилась в закреплении наряду с общей привязкой - закон, которому подчинено существующее правоотношение сторон (*lex causae conditionis или law of the underlying relationship*), ряда дополнительных специальных привязок (закон совместного местожительства сторон, закон места неосновательного обогащения);
- расширение принципа автономии воли сторон на обязательства вследствие неосновательного обогащения, что направлено на развитие диспозитивных начал при определении права в данной сфере;
- гибкость коллизионного регулирования направлена на достижение результата, в наибольшей степени отвечающего обстоятельствам дела, и проявляется в применении закона наиболее тесной связи в качестве корректирующей привязки в сочетании с действующими коллизионными нормами.

8. На наш взгляд, разработанные в зарубежном законодательстве, доктрине и актах гармонизации ЕС подходы к вопросу о праве, подлежащем

применению к обязательствам из неосновательного обогащения, не нашли полного отражения в действующем российском праве, которое использует следующие коллизионные привязки для определения статута обязательства из неосновательного обогащения: генеральная привязка закон места обогащения (*lex loci condictionis*) и субсидиарные правила – право, регулирующее существо правоотношения (*lex causae condictionis*), автономия воли сторон (*lex voluntatis*). Для учета выявленных тенденций коллизионного регулирования обязательств из неосновательного обогащения предложены соответствующие изменения в статью 1223 ГК РФ, а именно закрепить в роли ведущего коллизионного правила - право страны, которому подчинено существующее или предполагаемое правоотношение, в связи с которым возникло неосновательное обогащение (*lex causae condictionis*); дополнить пунктом, предусматривающим применение закона наиболее тесной связи в роли корректирующей привязки в дополнение к установленным в указанной статье коллизионным привязкам; дополнить пунктом о применении «права страны, в которой имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее неосновательное обогащение» в качестве субсидиарной коллизионной привязки в дополнение к закону места неосновательного обогащения; ввести коллизионную привязку для целей квалификации «неосновательного обогащения»; в случаях, когда обязательство из неосновательного обогащения возникает в связи со сложившимся правоотношением сторон, предусмотреть определение статута на основе правил раздела VI ГК РФ, которые содержат коллизионные нормы, регулирующие соответствующее правоотношение.

Библиография

I. Нормативно-правовые акты

1.1. Международные документы

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в Минске 22.01.1993, вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994);
2. Кодекс Бустаманте. Принят 20 февраля 1928 года на Международной конференции американских государств;
3. Модель Гражданского Кодекса для государств-участников СНГ // принят 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ;
4. Принципы международных коммерческих договоров 2010 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf>;
5. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition (Sellier European Law Publishers), Munich 2008;
6. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам // Official Journal of the European Union L 177. 04.07.2008;
7. Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») // Official Journal of the European Union, L 199, 31 July 2007;
8. Римская Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 года // Official Journal of the European Communities, C 27, Vol.41, 26 January 1998.

1.2. Национальное законодательство

1.2.1. Законодательство Российской Федерации

9. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК, № 256, 12.11.1922;
10. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР, 1964, №24, ст. 407;
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996 г. № 5;
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49;
13. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. № 11, ноябрь. 2009;
14. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. // Ведомости СНД и ВС СССР.1991. №26. Ст.733;
15. Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». 04.10.2013. № 223;
16. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10, ст. 1412;

1.2.2. Законодательство иностранных государств

17. Бельгийский кодекс международного частного права [Электронный ресурс] URL: [http://www.ipr.be/content/WbIPR\[EN\].pdf](http://www.ipr.be/content/WbIPR[EN].pdf);
18. Болгарский кодекс международного частного права [Электронный ресурс] URL: <http://www.ifrc.org/Docs/idrl/868EN.pdf>;
19. Германское Гражданское Уложение. Вводный закон к ГГУ (с измен., введенными статьей 4(4) закона от 01.10.2013 года (Federal Law Gazette I p.3719). Пер. с нем. // М.: Волтерс Клувер. 2004;
20. Гражданский кодекс Голландии (Книга 10) [Электронный ресурс] URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook01010.htm>;
21. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) // М.: Инфотропик Медиа. 2012;
22. Закон Польши от 2 августа 1929 года о праве, подлежащим применению к международным частным отношениям;
23. Закон Польши от 12 ноября 1965 года о международном частном праве (вступил в силу с 1 июля 1965 года) // М.: Международное частное право. Иностранное законодательство. сост. и науч. рук. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут. 2001. С. 469-476;
24. Закон Польши от 4 февраля 2011 года о международном частном праве (вступил в силу 16 мая 2011 года) [Электронный ресурс] URL: http://pil.mateuszpilich.edh.pl/New_Polish_PIL.pdf;
25. Закон Швейцарии о международном частном праве (с изменениями от 01.07.2014 года. Перевод закона на английский язык [Электронный ресурс] URL: http://www.andreasbucherlaw.ch/images/stories/pil_act_1987_as_ amended_until_1_7_2014.pdf;

26. Свод права реституции (Restatement of Restitution: Quasi Contracts and Constructive Trusts) // St Paul, Minn: American Law Institute Publishers. 1937;
27. Свод права реституции и неосновательного обогащения. Третье издание. (Restatement of the Law Third, Restitution and Unjust Enrichment) // St Paul, Minn: American Law Institute Publishers. 2011;
28. Первый Свод законов о конфликте законов (Restatement First of Conflict of Laws (1934);
29. Второй Свод законов о конфликте законов (Restatement Second of Conflict of Laws (1971);

II. Судебная практика

2.1. Российская судебная и арбитражная практика

30. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»;
31. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 г. №126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения»;
32. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 г. №165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»;
33. Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»;
34. Постановление Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 года № 35 «О последствиях расторжения договора»;

35. Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2004 по делу №КГ-А40/4799-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
36. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2010 № 09АП 29002/2010-ГК по делу № А40-51414/10-141-423. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
37. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.11.2008 № Ф03-А59/08-1/3979 по делу № А59-1356/07-С17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
38. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29.05.2012 по делу № А03-775/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
39. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.05.2011 по делу № А33-9570/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
40. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17.02.2004 по делу №Ф04/820-64/А75-2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
41. Постановление ФАС Поволжского округа от 08.09.2011 по делу №А55-4678/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
42. Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 451/1991 от 25.01.1995 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
43. Решение МКАС при ТПП РФ от 01.12.1995 по делу №222/1995. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
44. Решение МКАС при ТПП РФ от 13.04.1998 по делу №289/1997. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
45. Решение МКАС при ТПП РФ от 06.07.2011 по делу №221/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011;

46. Решение МКАС при ТПП РФ от 31.08.2011 по делу №252/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011;
47. Решение МКАС при ТПП РФ от 31.08.2011 по делу №252/2010 // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011;

2.2. Иностранная судебная практика

48. Hambly v. Trott [1776] 98 E.R. 1136;
49. Moses v. Masferlan [1760] 2 Burr. 1005, 97 Eng. Rep. 676;
50. Lipkin Gorman v. Karpnale Ltd. [1991] 2 A.C. 548;
51. Решении Кассационного суда Франции от 15 июня 1892 г. по делу Будье (Bourdier);
52. Решение суда первой инстанции от 16 ноября 2006 года по делу T-333/03 Masdar (UK) Ltd. v. Commission of the European Communities. Решение Большой Палаты суда ЕС от 16 декабря 2008 года по делу C-47/07 P Masdar (UK) Ltd. v. Commission of the European Communities. URL: <http://eur-lex.europa.eu>;
53. Решения Верховного суда ФРГ: RGZ 74, 171, IPRspr. 1932 No. 38 (1932), BGH IPRspr. 1956-57 No. 34, BGHZ (1961) 35, 267;
54. De Greuchy v. Wills [1879] 4 C. P D. 362;
55. Fibrosa Spolka Akcyjna v. Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd. [1943] A.C. 32;
56. Arab Monetary Fund v. Hashim [1996] The Times , 11 Oct 1994. [1996] 1 Lloyd's Rep.;
57. American Surety of New York v. Wrightson [1910]16 Com Cas 37 55;
58. Baring Bros. & Co. Ltd. v. Cunninghame District Council // The Times, 30 September 1996;
59. Kleinwort Benson Limited v. Glasgow City Council // [1999] 1AC 153 (HL);
60. Battyany v. Wadford // [1887] 36 Ch. D. 269;
61. Re Jogia (A Bankrupt) // [1988] 1 W.L.R. 484;

62. Chase Manhattan Bank N.A. v. Israel-British Bank (London) Ltd. [1981] 1 Ch. 105;
63. Nowell v. Dick [1969] 413 F. 2d 1204 (5th Cir. 1969);
64. Phoenix Canada Oil Co.v. Texaco Inc.[1983] 560 F. Supp., 1372 (D. Del. 1983);
65. Thahir v. Pertamina [1994] S.L.R. 257, 272;
66. National Commercial Bank v. Wimborne [1978] 5 B.P.R. 11, 598 (N.S.W.S.C.);
67. United States Surgical Corporation v. Hospital Products International Pty Ltd [1982] 2 NSWLR 766.

III. Специальная литература

3.1. Литература на русском языке

3.1.1. Монографии, диссертации, книги

68. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т.1. В 2-х томах. М.: АО ЦентрЮрИнфор. 2002. – 490 с.;
69. Анненков К. Система русского гражданского права. Анненков К. Система русского гражданского права. Том IV. Отдельные обязательства. Санкт-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича, 1904.- 644 с.;
70. Ансон В. Договорное право / Под общ. ред. О.Н. Садикова. М.: Юрид. лит., 1984. – 463 с.;
71. Анчишина Е.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2010. - 26 с.;
72. Асосков А.В. Коллизионное регулирования договорных обязательств. Инфортропик Медиа. 2012. – 640 с.;
73. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. – 448 с.;
74. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. – 204 с.;

75. Белоглазек А. Европейское международное частное право - договорные связи и обязательства. В 2-х томах. Изд-во «ТАКСОН». 2010. – 3216 с.;
76. Бендевский Траян. Международное частное право. Учебник. Пер. с македонского С.Ю.Клейн. Отв. ред. Е.А.Суханов. М.: Статут. 2005. – 446 с.;
77. Бергман В., Суханов Е.А. Введение // Германское право. Ч. I: Гражданское уложение / Пер. с нем. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. -552 с.;
78. Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А., Якушев П.А. Договорное право. Под ред. Ю.Ф. Беспалова. М.: Закон и право. 2012. – 551 с.;
79. Бирюкова Н.С. Проблема правовой квалификации в международном частном праве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бирюкова Наталия Сергеевна. - М., 2007. -176 с.;
80. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1: Общие положения. М.: Статут. 2011. -847 с.;
81. Брун М.И. Международное частное право. Лекции, читанные в 1908-9 акад. году. М.: Издание Студ. Комиссии О-ва Взаимопомощи Студентов Коммерческого Института, [1909]. – 380 с.;
82. Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Былков Валерий Владимирович. - Ростов-на-Дону, 2004. - 211 с.;
83. Внедоговорные обязательства. Авторское, изобретательское и наследственное право. Отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: ВЮЗИ. 1980. -78 с.;
84. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И.О.Хлестова. – М.: Институт

- законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. – 160 с.;
85. Вольф М. Международное частное право. Пер. с англ. Рапопорт С.М. Под ред. Л.А.Лунца. М.: Иностран. лит. 1948. – 701 с.;
86. Гасымов С.О. Недействительность сделок в международном частном праве. Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Гасымов Самир Закир оглы. М. 2009. – 179 с.;
87. Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.03/ Гербутов Виктор Станиславович. - Москва, 2014 – 184 с.;
88. Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 3. 1891-1893 Дерпт: Тип. Шнакенбурга. – 106 с.;
89. Гражданское право: учебник / Под ред. проф. М.М. Агаркова и проф. Д.М. Генкина. Т. 1. - М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944.
90. Гражданское право: Учебник для юридических вузов. Часть вторая / Агарков М.М., Граве К.А., Зимелева М.В., Липецкер М.С., и др.; Отв. ред.: Миколенко Я.Ф., Орловский П.Е., Перетерский И.С. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 488 с.;
91. Гражданское право. В 4 т. Том 3: Обязательственное право. Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер. 2005. – 800 с.;
92. Гражданское право. Учебник. В 3т. Том 1. 6-е изд. Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Изд-во Проспект. – 776 с.;
93. Гражданское право. Часть первая: Учебник/ Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юристъ. 2007. – 249 с.;
94. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. – 576с.;

95. Дамбаров С.Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дамбаров Саян Дмитриевич. М., 2007. – 197 с.;
96. Дмитриева Г.К. Общие вопросы унификации права// Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей. Отв. ред. И.О. Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. - 244 с.;
97. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции // Пер. с фр. Е.А. Флейшиц. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Т. 2. – 728с.;
98. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 416 с.;
99. Зыкин И.С. К вопросу о соотношении вещного и обязательственного статутов // Гражданское право современной России. М.: Статут. 2008. – 254 с.;
100. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.;
101. Иссад М. Международное частное право. Пер. с фр. Под ред. М.М.Богуславского. М.: Прогресс. 1989. – 400 с.;
102. Кабатова Е.В. Предлагаемые новеллы в раздел VI части третьей ГК РФ // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Сборник статей Liber Amicorum в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. М.: Статут, 2013. – 382 с.;
103. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 608 с.;
104. Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. Изд. 3-е. М.: Международные отношения. 2016. – 1008 с.;

105. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Климович Александр Владимирович. Иркутск, 2002. – 246 с.;
106. Комаров А.С. Регулирование возмещения убытков при нарушении договора в коммерческом обороте стран с развитой рыночной экономикой и международной торговле: Состояние и тенденции: Дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата;
107. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.:Юрид. лит. 1991. – 208 с.;
108. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части третьей. Под ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. М: «КОНТРАКТ». «ИНФРА-М». 2010 // СПС «КонсультантПлюс»;
109. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Под ред. А.Л.Маковского и Е.А.Суханова. Подготовлен Исследовательским центром частного права // СПС «КонсультантПлюс»;
110. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. Учебно-практический комментарий (постатейный). Под ред. А.П.Сергеева. М.Проспект. 2011 // СПС «КонсультантПлюс»;
111. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Т.Е.Абова, А.В.Банковский, М.П.Бардина и др. Под ред. Т.Е.Абовой, М.М.Богуславского, А.Г.Светланова. М.: Юрайт.2004 // СПС «КонсультантПлюс»;
112. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. проф. О.Н. Садилов. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Юридическая фирма «Контракт»;ИНФРА-М-НОРМА,1998. - 800 с.;

113. Кох Х., У.Магнус, П.Винклер фон Моренфельс. Международное частное право и сравнительное правоведение. Пер. с нем. д.ю.н. Ю.М.Юмашева. М. Международные отношения. 2003. – 480 с.;
114. Крюков В.С. Внедоговорные обязательства. М.: Лаборатория Книги. 2010. – 70 с.;
115. Лунц Л.А. Международное частное право. Общая часть. Изд-во «Юридическая литература». 1973. – 384 с.;
116. Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М.: Спарк, 2002. – 1007 с.;
117. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.Юрид. изд-во НКЮ РСФСР.1924;
118. Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. – 704 с.;
119. Максименко С.Т. Внедоговорные обязательства в международном частном праве // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): Сборник тезисов докладов. г. Саратов, 3-4 июня 2010 г. - 348 с.;
120. Мальцев А.С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия: Дис...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Мальцев Антон Сергеевич. М., 2006. – 175 с.;
121. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 // Под ред. и с биографическим очерком д.ю.н., проф. Томсинова. «Зерцало». 2008. – 432 с.;
122. Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении // Проблемы гражданского и

- предпринимательского права Германии. М.: БЕК, 2001. – С.75-160;
123. Международное частное право. Учебник. Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд. М.: Проспект. 2012. – 656 с.;
124. Международное частное право. Иностранное законодательство// Предисл.: А.Л. Маковский; Сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. - М.: Статут, 2001. – 892 с.;
125. Международное частное право: учебник / Отв. ред. Н.И.Марышева. 3-е изд. М.:Волтерс Клувер. 2011. – 928 с.;
126. Михайлич А.М. Внедоговорные обязательства в советском гражданском праве. Краснодар. 1982. – 93 с.;
127. Невзгодина Е.Л. О соотношении требования о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества с другими требованиями// Доклады конференции правоведов «Развитие советского права». Свердловск, 1972. – С.79-92;
128. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., Статут. 2010. – 416 с.;
129. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юрид. лит. 1950. – 416 с.;
130. Носов В.А. Внедоговорные обязательства. Ярославль: Изд-во Ярославского университета. 1987- 76 с.;
131. Отдельные виды обязательств в международном частном праве. Под ред. В.П. Звекова. Статут. 2008. – 603 с.;
132. Петражицкий Л.И. Иски о незаконном обогащении в 1 ч. X т. (Вестник права № 1 -5);
133. Пирцхалава Х.Д. Правовое регулирование внедоговорных трансграничных обязательств (на примере Российской Федерации и Испании). Дис...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Пирцхалава Хатиа Давидовна. М.,2013. – 163 с.;

134. Плеханов В.В. Проблема предварительного вопроса в международном частном праве// *Liber amicorum* в честь 50-летия А.Н. Жильцова. Трансграничный торговый оборот и право. Сост. и науч. редакторы: А.И.Муранов, В.В.Плеханов. М.: Инфотропик Медиа. 2013. – С. 183-195;
135. Плеханов В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Плеханов Вадим Викторович. Москва, 2008. – 185 с.;
136. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей. Под ред. П.В.Крашенинникова. М.: Статут.2011 // СПС «КонсультантПлюс»;
137. Раапе Л. Международное частное право. Пер. с нем. М.А.Гурвича. Под ред. Л.А.Лунца. М.: Иностран. лит. 1960. – 607л.;
138. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Издательство Ленинградского университета, 1960. – 171 с.;
139. Римское частное право. Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1994. - 464 с.;
140. Розенблюм В. Неправомерное обогащение (Юр. вестн., 1889, №2). – с. 278-292;
141. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 5-е издание. Изд.-во «Книжный мир». 2007. – 1072 с.;
142. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Том II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут. 2011. – 1208 с.;
143. Руденченко Н.А. Обязательства, возникающие из неосновательного приобретения или сбережения имущества: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.03 / Руденченко Нина Акимовна. М., 1974. – 21 с.;

144. Свод английского договорного права. Общая часть: Обязательственное право / Под ред. Э. Дженкса; пер. с англ. Л.А. Лунца. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 303 с.;
145. Сергеев А.П. Вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения// Проблемы гражданского права: Сб. статей/ Под ред. проф. Ю.К.Толстого, проф. А.К.Юрченко, доц. Н.Д.Егорова. Л.:Изд-во Ленингр. ун-та. 1987. – 201 с.;
146. Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Слесарев Арсений Владимирович. Екатеринбург, 2000. – 202с.;
147. Советское гражданское право. Учебник для вузов. Т.2. Отв. ред. Рясенцев В.А. М., «Юридическая литература».1965. – 503 с.;
148. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: Монография. (Книга 1). Под ред. М.М.Богуславского, А.Г.Лисицына-Светланова, А.Трунка. М.Норма,2013. – 656 с.;
149. Соломина Н.Г. Универсальность кондикционного обязательства в российском гражданском праве: Дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.03 / Соломина Наталья Геннадьевна. М., 2009. – 339 с.;
150. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. С-Петербург. ЮрЦентр Пресс. 2004. – 526 с.;
151. Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VI части третьей ГК РФ.М.:Спарк.2002. – 244 с.;
152. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тузов Даниил Олегович. Томск, 1999. – 25 с.;
153. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут. 2007. – 602 с.;

154. Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке// В кн.: Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденция, практика. Сб. статей//Отв. ред. М.А.Рожкова.М.:Статут,2006. – с. 144-173;
155. Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей. Отв. ред. И.О. Хлестова. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. ИНФРА-М.2013. – 244 с.;
156. Ушивцева Д.А. Правовое регулирование обязательств вследствие неосновательного обогащения: Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ушивцева Диана Александровна. Екатеринбург, 2001. – 210 с.;
157. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., Госюриздат. 1951. – 239 с.;
158. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. – 144 с.;
159. Ходыкин Р.М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ходыкин Роман Михайлович. М., 2005. - 248 с.;
160. Шамшов А.А. Обязательства из неосновательного приобретения и сбережения имущества. Учебное пособие. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та. 1975. – 50 с.;
161. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленными ими последствия. Томск, ТГУ, 1967. – 311 с.;
162. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т.2. М.: Статут. 2005. – 462 с.;

3.1.2. Научные статьи

156. Винавер А.М. Неосновательное обогащение и ст. 147 Гражд. кодекса // Антология уральской цивилистики, 1925-1989. Сборник статей. М.: Статут, 2001. – С. 70-76;

157. Гафаров С.Э. Проблема иностранного элемента в международном гражданском процессе // Вестник ВГУ. Серия Право. 2007. № 2. – С. 93-100;
158. Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14). – С. 88-111;
159. Дмитриева Г.К. Новые подходы в правовом регулировании трансграничных внедоговорных обязательств по международному частному праву России//Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2006. № 6. – С. 1106-1123;
160. Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Законодательство. 1999. № 7. – С. 7-23;
161. Кабатова Е.В. Модернизация коллизионного регулирования деликтов//Хозяйство и право. 2004. № 1. – С. 108-122;
162. Кудашкин В.В. К вопросу об иностранном элементе в гражданском отношении // СПС «КонсультантПлюс»;
163. Леанович Е, Гаспаревич И. Роль права Европейского Союза в процессе унификации коллизионных норм, применимых к внедоговорным обязательствам//Журнал международного права и международных отношений. №3.2010. – С. 21-28;
164. Лунц Л.А. К вопросу о «квалификации» в международном частном праве // Советский ежегодник международного права, 1979. - М.: Наука, 1980. – С. 212-219;
165. Магальяс Е.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с требованиями об истребовании имущества из чужого незаконного владения и возмещении вреда в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 5. – С. 8-16;
166. Новак Д.В, Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения//Вестник ВАС РФ. 2014. №1. – С.58-95;

167. Осакве К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика//Журнал российского права. 2005. – С. 77-95;
168. Перкунов Е. Неосновательное обогащение - место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. – С. 99-123;
169. Розенфельд Я.Э. Конкуренция виндикационного и реституционного исков // Право собственности в условиях социализма. М., 1989. – С. 123-125;
170. Рубанов А.А. Имущественные отношения в международном частном праве // Правоведение. 1982. № 6. – С. 28-33;
171. Рягузов А.А. Новый закон КНР о международном частном праве//Международное публичное и частное право. 2011. № 5. – С. 44-48;
172. Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском права// Ученые записки [МГУ]. 1949. Вып. 144. Кн. 3. – С. 85-105;
173. Садиков О.Н. Недействительные и несостоявшиеся сделки//Юридический мир.2000.№6. – С. 7-11;
174. Садиков О.Н. Предварительные (побочные) вопросы в международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1989-1990-1991. Санкт-Петербург. – С. 160-169;
175. Сергеев А., Терещенко Т. Преддоговорная ответственность: основания для защиты интересов стороны, пострадавшей от недобросовестного ведения переговоров//Корпоративный юрист. 2010. №11. – С. 26-31;
176. Скловский К.И., Ширвис Ю.В. Последствия недействительной сделки // Закон. 2000. № 5. – С. 112-113;

177. Сокрутова Т.Ю. Особенности правового регулирования внедоговорных обязательств в международном частном праве (коллизийные вопросы)// Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5. – С. 142-145;
178. Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения // Законодательство. 2002. № 3. – С. 8-16;
179. Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения // Законодательство. 2002. №4. – С. 6-12;
180. Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник Ленинградского университета. 1973. №5. – С. 135-143;
181. Толстой Ю.К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав// Правоведение. 1999. №2. – С. 138-148;
182. Четвериков А. О. Предисловие к Регламенту (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс] URL: <http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/collision/vnedogovornoe.htm#ftn1>;
183. Эрделевский А. О соотношении кондикционных и иных требований// Хозяйство и право. 2004. №7. – С. 87-92;

3.2. Литература на иностранном языке

3.2.1. Монографии, книги

187. Ahern J, Binchy W. The Rome Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New International Litigation Regime. 2009;
188. Anton A. *Private International Law*, 2nd ed. (Edinburgh, 1990);

189. Arminjon P. *Precis de Droit International Privé* (1958), Vol.2;
190. Balastèr G.F. *Ungerechtfertigte Bereicherung im Internationalen Privatrecht* (1955);
191. Bird J. "Choice of Law" in F.Rose (ed.). *Restitution and the Conflict of Laws* (Oxford, 1995);
192. Birks Peter. *An introduction to the law of restitution*. Oxford. Clarendon Press, 1985;
193. Bourel P. *Les Conflits de Lois en Matiere d'Obligations extracontractuelles* (1961);
194. Burrows A. *Understanding the Law of Obligations. Essays on Contract, Tort and Restitution*. Hart Publishing. Oxford. 1998;
195. Burrows A. *Law of Restitution*. Third ed. Oxford University Press. 2011;
196. Busse D. *Internationales Bereicherungsrecht*. Mohr Siebeck. Tübingen. 1998;
197. Cheshire G.C. and North P.M. *Private International Law* (1979);
198. Collier J. in K. Lipstein (Ed.). *Harmonisation of Private International Law by the EEC* (1978);
199. Dagan H. *The Law and Ethics of Restitution*, Cambridge University Press, 2004;
200. Dannemann G. *The German Law of Unjustified Enrichment and Restitution. A Comparative Introduction*, Oxford University Press, 2009;
201. Dicey A. and Morris J. *Conflict of laws*. London. Stevens & Sons Limited. 1967;
202. E von Caemmerer. *Bereicherung and unerlaubte Handlung*. Festschrift für Rabel, 1954;
203. Falconbridge J.D. *Essays on the Conflict of Laws*. Toronto. Can. law book company. 1947;

204. Goff R. and Jones G. *The Law of Restitution* (Sweet & Maxwell, 1966);
205. Hill Jonathan and Chong Adeline. *International Commercial Disputes: Commercial Conflict of Laws in English Courts*. 4th ed. Hart Publishing. Oxford and Portland, Oregon. 2010;
206. Huber P. *Rome II Regulation: Pocket Commentary*. Vol. 1. Walter de Gruyter, 2011;
207. Hygh Peter. *Autonomy in International Contracts*. Clarendon Press. Oxford. 1999;
208. Jeffrey P. *The nature and scope of restitution*. Bloomsberg Publishing 2000;
209. Johnston D., Zimmermann R. *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective*. – Cambridge University Press, 2002;
210. Kahn F. *Gesetzeskollisionen: Ein Beitrag zur Lehre des Internationalen Privatrechts*, 1891;
211. Kegel G. *Internationales Privatrecht* (1985);
212. Kropholler J. *Internationales Privatrecht: einschliesslich der Grundbegriffe des internationalen Zivilverfahrensrechts*. 6. Auflage. Mohr Siebeck, 2006;
213. Looschelders D. *Internationales Privatrecht - Art. 3–46 EGBGB*. – Springer-Verlag, 2013;
214. L.v.Bar. *The theory and practice of international private law*. 2nd ed. Edinburgh. 1892;
215. McLeod. *The Conflict of Laws* (Calgary, 1983);
216. Morris J. H. C. *The Conflict of Laws* (1984);
217. *Münchener Kommentar. Außervertragliche Schuldverhältnisse* (1983). Vol.7.;
218. Niboyet J.P. *Droit International Prive Frangais* (1948), Vol.5;
219. Nussbaum A. *Deutsches Internationales Privatrecht* (1932);

220. Panagopoulos George. *Restitution in Private International Law*. Hart Publishing. Oxford Portland-Oregon.2000;
221. Rigaux F. *Droit International Prive* (1979), Vol.2;
222. Stephen G.A. Pitel, “Characterisation of Unjust Enrichment in the Conflict of Laws” in J. Neyers, M. McInnes and S. Pitel, eds., *Understanding Unjust Enrichment* (Oxford: Hart Publishing, 2004);
223. Stephen Pitel. ‘Choice of Law for Unjust Enrichment: Rome II and the Common Law’// [2008] *Nederlands Internationaal Privaatrecht* 456;
224. Stevens R. ‘The Choice of Law Rules of Restitutionary Obligations’ in Rose (ed.). *Restitution and the Conflict of Laws* (Oxford, 1995);
225. Stoljar S.J. *The Law of Quasi-Contract*, 2nd ed (Sydney, The Law Book Company Limited, 1989);
226. Stone P. *EU Private International Law*. Edward Elgar Publishing, 2014;
227. Takashi Koj. *Claims for Contribution and Reimbursement in International Context. Conflict-of-Laws Dimensions*. Oxford.2000;
228. Wolff M. *Private international law* (1950);
229. Wolff M. *Das Internationale Privatrecht Deutschlands* (1954);
230. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. N.Y. Oxford University Press.1996;
231. Zitelmann E. *Internationales Privatrecht* (1912). Vol.2
232. Zweigert K. & Müller-Gindullis D. «Quasi-Contracts» *International Encyclopedia of Comparative Law* ch. 30 (1974);

3.2.2. Научные статьи

233. Bartin E. *De l'impossibilite d'arriver a la suppression definitive des conflits de lois* // *Clunet*, 1897;
234. Bennet T.W. *Choice of Law Rules in Claims of Unjust Enrichment*. *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 39, No. 1 (Jan., 1990);

235. Blaikie J. 'Unjust Enrichment in the Conflict of Laws' [1984] *Juridical Review* 112;
236. Burrows A. "Restitution: Where do We Go From Here?" (1997) *Current Legal Problems*;
237. Chong Adeline. Choice of Law for Unjust Enrichment/Restitution and the Rome II Regulation // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 57. Issue 04. 2008;
238. Cohen S. Quasi-Contract and the Conflict of Laws. 31 *Los Angeles Bar Bulletin* 71 (1956);
239. Dickson B. Unjust Enrichment Claims: A Comparative Overview. *The Cambridge Law Journal*, Vol. 54, No. 1 (Mar., 1995);
240. Ehrenzweig A. Restitution in the Conflict of Laws. Law and Reason versus the Restatement Second// 36 *New York University Law Review*. 1297 1961;
241. Gallo P. Unjust Enrichment: A Comparative Analysis // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 40.1992;
242. Gutteridge H.C., Lipstein K. Conflicts of Law in Matters of Unjustifiable Enrichment // *The Cambridge Law Journal*, Vol. 7, No. 1 (1939);
243. Hay Peter. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d.// *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 26, No. 1. 1978;
244. Hedley S. Unjust enrichment as the basis of Restitution. An Overworked Concept // *Legal Studies*. Vol. 5. 1985;
245. Lee Stephen. "Restitution, Public Policy and the Conflict of Laws" (1998) 20 *U.Q.L.J.* 1;
246. Leslie R. "Unjustified Enrichment in the Conflict of Laws" (1988) 2 *Edinburgh Law Review*;
247. Lord Justice Millett. 'Jurisdiction and Choice of Law in the Law of Restitution' in TK Sood and others (eds). *Current Issues in*

- International Commercial Litigation* (Singapore, The Faculty of Law of the National University of Singapore, 1997;
248. Lorenzen E.G. *The Theory of Qualifications and the Conflict of Laws* //Col. L. Rev., 1920;
249. Morris. 'The Choice of Law Clause in Statutes' 62 *Law Quarterly Review* (1946);
250. Palmer G.E. *History of Restitution in Anglo-American Law* / *International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. X. Restitution - Unjust Enrichment and Negotiorum Gestio*. Tubingen, 1989;
251. Reese W. L. M. 'Dépêchage: a Common Phenomenon in Choice of Law' (1973) 73 *Col. L.R.*;
252. Robertson A., *Characterization in the Conflict of Laws*//Harv.U. Press 1940;
253. Sherwin E. *Restitution and Equity: an Analysis of the Principle of Unjust enrichment*//*Texas Law Review*.Vol.79:2083. 2001;
254. Smits J.M. "A European Law on Unjustified Enrichment? A critical view of the Law of Restitution in Draft Common Frame of Reference"// *Stellenbosch Law Review*, 19. 2008;
255. *The Dutch Private International Law Codification: Principles, Objectives and Opportunities*//*Electronic Journal of Comparative Law*, vol. 14.3 (December 2010);
256. *The European Legal Forum. The Rome II Regulation: On the way towards a European Private International Law Code*;
257. Unger J. *The Place of Classification in Private International Law* // B.Y.,1937;
258. Virgo G. *To the Regulation on Law Applicable to Non-Contractual Obligations*. [Электронный ресурс] URL:<http://www.parliament.the-stationery-office.co.uk/pa/Idselect/ldeuconi/66/66we 19.htm>;
259. Zweigert K. *Bereicherungsansprüche im internationalen Privatrecht*. 1947 *Suddeutsche Juristen-Zeitung* 247, 253 n. 23;

260. Zhang Mo. "Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and its Impact on Choice of Law" // Seton Hall Law Review. Vol.39. Issue 3.